

Министерство национальной и региональной политики Республики Карелия
Карельский научный центр Российской академии наук
Институт языка, литературы и истории
Бюджетное учреждение «Национальный музей Республики Карелия»
Шелтозерский вепсский этнографический музей им. Р. П. Лонины
Карельская региональная общественная организация
«Общество вепсской культуры»

ВЕПСКИЙ КРАЙ: история и ее творцы

*Материалы второй (30 октября 2014 г.) и третьей (29 сентября 2016 г.)
межрегиональных краеведческих конференций «Лонинские чтения»,
с. Шелтозеро*

УДК 39
ББК 63.521(=661.6)
В 30

*Печатается по решению Ученого Совета Института языка,
литературы и истории Карельского научного центра РАН*

*Издано при финансовой поддержке Министерства
национальной и региональной политики Республики Карелия*

Научные редакторы:

Е.И. Клементьев, старший научный сотрудник,
кандидат исторических наук ИЯЛИ КарНЦ РАН

З. И. Строгальщикова, старший научный сотрудник,
кандидат исторических наук ИЯЛИ КарНЦ РАН

Рецензенты:

Д.Н. Кузнецов, ученый секретарь бюджетного учреждения
«Национальный музей Республики Карелия»

О.Ю. Жукова, научный сотрудник,
кандидат филологических наук ИЯЛИ КарНЦ РАН.

Вепский край: история и ее творцы: материалы второй (30 октября 2014 г.) и третьей (29 сентября 2016 г.) межрегиональных краеведческих конференций «Лонинские чтения», с. Шелтозеро / научные редакторы: Е.И. Клементьев, З.И. Строгальщикова. — Петрозаводск : Verso, 2021. — 192 с. — В надзаголовочных данных: Министерство национальной и региональной политики Республики Карелия [и др.]

УДК 39
ББК 63.521(=661.6)

ISBN 978-5-91997-410-9

© Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2021
© Бюджетное учреждение «Национальный музей
Республики Карелия», 2021
© Карельская региональная общественная организация
«Общество вепской культуры», 2021

Содержание

<i>Е. И. Клементьев.</i> От редактора	4
<i>М. Л. Гольденберг.</i> Слово о Р. П. Лонине	7
<i>О. Е. Миронова, М. А. Миронова.</i> Рюрик Петрович. Жизнь и деятельность	12
<i>Н. А. Анхимова.</i> К 100-летию со дня рождения финского исследователя традиций вепсов Юсси Райнио	17
<i>Л. В. Соловьева.</i> Художник из вепского края. С. Д. Ершов. 1888–1946	25
<i>В. В. Уханова.</i> Награды Василия Ивановича Кононова в собраниях Шелтозерского вепского этнографического музея им. Р. П. Лонины	30
<i>Д. А. Горох.</i> Пир народов на земле Вира	35
<i>Т. А. Мошина.</i> Об уроженцах вепского края, строителях соборов Санкт-Петербурга	42
<i>Л. И. Капуста.</i> Комиссионер Олонецких заводов Стафей Жданов	58
<i>Е. Е. Ицксон.</i> Дом Пименовых в Петрозаводске — памятник истории и архитектуры.	66
<i>Т. А. Мошина.</i> О вепсах, неизвестных героях Великой войны 1914–1918 годов	77
<i>З. И. Строгальщикова.</i> О ранних этапах этнической истории вепсов	84
<i>М. А. Курилов.</i> Вепское прошлое села Винницы	115
<i>С. П. Сергеев.</i> Народное искусство вепсов и некоторые связанные с ним аспекты истории	124
<i>В. А. Гуцина.</i> Самобытная культура церковного деревянного зодчества Прионежья в оценке русских исследователей (середина 19–начало 20 в.)	138
<i>И. Б. Семакова.</i> Хордофон без названия в музыкальных традициях Северной Европы, сохраненный прионежскими вепсами	148
<i>Е. П. Фотеев.</i> Мифологическое наполнение экспозиции Шелтозерского Вепского этнографического музея им. Р. П. Лонины	154
<i>С. А. Минвалеев.</i> Мифология и вепсская литература: жизнь друг в друге	158
<i>К. К. Логинов.</i> К вопросу о методике сравнительных исследований многодневных крестьянских праздников на примере восточных славян и финно-угров	162
<i>М. М. Шашина.</i> Мифологический образ птицы в вепских причитаниях (лексико-семантическое описание)	166
<i>Л. В. Чиркова.</i> Как возродить язык и поддержать его жизнь?	171
<i>Г. Н. Поливанова.</i> Использование элементов фольклора и современных технологий на занятиях по вепскому языку в рамках курса «Хранители языка и традиций»	178
Сведения об авторах	191
Сокращения	192

От редактора

Сборник «Вепсский край: история и её творцы» подготовлен по материалам второй и третьей краеведческих конференций «Лонинские чтения», состоявшихся в 2014 г. (30 октября) и 2016 г. (26 сентября) на базе Шелтозерского вепсского этнографического музея им. Р. П. Лони-на. Материалы первой конференции «Лонинские чтения» 2010 г. были опубликованы в сборнике «Вепсы и их культурное наследие: связь вре-мен (памяти Р. П. Лони-на)» в 2011 году.

Сборник включает статьи по трем тематическим блокам. Пер-вый блок статей — «портретный» — посвящен жизни и деятельно-сти основателя Шелтозерского вепсского этнографического музея, неумимого собирателя, хранителя и популяризатора культурно-го наследия вепсского народа Рюрика Петровича Лони-на (авторы М. Л. Гольденберг, О. Е. Миронова, М. А. Миронова). Финский ис-следователь Юсси Райнио, лично знакомый с Рюриком Петровичем, переписывался с ним. Эти письма хранятся в Шелтозерском музее. Их краткая характеристика, а также лаконичная оценка собиратель-ских трудов Р. П. Лони-на по сохранению им традиционного культур-ного наследия и традиций вепсов изложена в статье Н. А. Анхимо-вой. В статье Л. В. Соловьевой повествуется о жизненных этапах и творческом пути одного из первых профессиональных художников Карелии — уроженце вепсского Прионежья Софонии Дмитриевиче Ершове. Фольклористу и этнографу, основателю Вепсского народно-го хора, балетмейстеру ансамбля песни и пляски «Кантеле», заслу-женному деятелю искусств Карелии Василию Ивановичу Кононову, его наградам, хранящимся в Шелтозерском музее, посвящена статья В. В. Ухановой. Роль Н. Г. Зайцевой в формировании и развитии современного вепсского языка и вепсской литературной традиции выразительно описана в статье Д. А. Гороха. Потенциальные воз-можности вепсского языка, его красота и лексическое богатство убе-дительно раскрываются на примере изданной в 2012 году эпической поэмы «Virantanaz» («Вотчина Вира»), которая переведена на русский язык хорошо известным в Карелии краеведом, поэтом, переводчиком В. А. Агапитовым. О купце-комиссионере Олонецких заводов Ста-

фее Тимофеевиче Жданове, награжденном императором Александром I серебряной медалью «За труды и усердие» написана статья Л. И. Капусты. О вепских купцах-подрядчиках и мастерах-каменотесах, принимавших участие в строительстве Адмиралтейства, Исаакиевского и Казанского соборов, домов и набережных в Петербурге рассказывает статья Т. А. Мошиной. М. П. Пименов как известно, был одним из богатейших купцов Петрозаводска, крупным строительным подрядчиком и меценатом. Е. Е. Ициксон, описывая историю строительства дома Пименовых, выделяет в нем несколько периодов. Со временем из личной собственности семьи дом М. П. Пименова был передан епархиальному женскому училищу, затем в нем располагалась партийная школа. Многие годы дом был и оставался больницей (роддомом). В 2014 году ему был присвоен статус памятника архитектуры регионального значения, установлена памятная доска. На добротной источниковой основе написана статья Т. А. Мошиной об участии уроженцев вепского края в Первой Мировой войне 1914–1918 годов. Автор приводит интересные биографические сведения о них. Она справедливо считает, что память Георгиевских кавалеров, уроженцев вепской земли, «можно будет увековечить достойным образом».

Второй блок — историко-этнографический — открывает статья З. И. Строгальщиковой, посвященная истокам формирования вепского этноса. В работе привлекаются материалы современных исследований археологов и лингвистов. История села Винницы воспроизводится М. А. Куриловым на основе разных источников — данных археологии, топонимии, писцовых книг, этнографических исследований, воспоминаний старожилов. Различные аспекты народного искусства и вепского фольклора, прежде всего мифологии, рассматриваются в статьях С. П. Сергеева, Е. П. Фотеева, М. М. Филатовой, С. А. Минвалеева. В них обсуждаются связи народного искусства с историей вепского народа, поступление в музей новых коллекций, отмечается роль различных предметов быта в обрядовой практике и их значимость в просветительской деятельности музея, воссоздающие общую картину жизни вепского народа в прошлом и настоящем. В статьях также исследуется мифологическая роль образа птицы в причитаниях, обсуждаются некоторые проблемы связи мифоло-

гии и вепсской литературы. К. К. Логинов предлагает использовать различные по объему и информации кластеры при изучении свадебной обрядности финно-угров. И. Б. Семакова впервые подробно описала хордофон и другие подобные архаичные музыкальные инструменты без названия. Она выявила ареалы их распространения на Северо-Западе России. Статья В. А. Гузиной посвящена многочисленным памятникам деревянного зодчества. Автор отмечает вклад русских исследователей в изучение памятников архитектуры (Л. В. Даля, В. Нечаева и др.) Карелии, приводится перечень церквей и часовен на территории проживания вепсов Прионежья и описание приуроченных к ним престольных и деревенских праздников.

Последний блок статей посвящен проблемам возрождения вепсского языка, использованию его в сфере образования и культурной деятельности. В статье Г. Н. Поливановой рассказывается о начальном этапе преподавания вепсского языка в Винницкой школе, об использовании разных форм и методов работы по овладению навыками общения и письма на вепсском языке, анализируются результаты участия школьников в конкурсах и олимпиадах. В статье Л. В. Чирковой перечисляются каналы освоения и распространения вепсского языка, выражается надежда, что вепсская общественность и особенно органы государственной власти усилят работу по сохранению вепсского языка.

Думаю, что малоизвестные страницы истории, материальной и духовной культуры вепсов, яркие судьбы известных подвижников вепсского народа, известных далеко за пределами Карелии привлекут внимание к настоящему сборнику статей.

Е. И. Клементьев (2017 г.)

Слово о Р. П. Лонине

Вспомним об ушедшем от нас человеке. Без юбилея, а почитая старинную традицию помнить о тех, кого нет с нами рядом. На петроглифах Карелии, на кольских канозерских наскальных рисунках, на норвежских петроглифах Альты много лодок. Есть версия, что люди эпохи неолита так общались с миром мертвых, поддерживая с ними духовную связь. Мы делаем это редко, и зачастую для этого нам нужна дата... Наша духовная лодка часто стоит у причала.

О Рюрике Лонине надо вспоминать чаще. Как ветхозаветный Моисей, он спасал свой народ, его культуру, его духовное начало. Создав Шелтозерский вепсский этнографический музей — уникальный музей вепсского народа — он вывел из пустыни забвения языка, истории, традиций, обычаев, из всего, что принято называть культурой. Именно она — культура — превращает население в народ.

Он родился в семье каменотеса и малограмотной крестьянки в вепском селе Каскесручей. Почему Рюрик? Вепсы иногда называли своих детей странными именами. Может, он назван в честь новгородского князя — первого князя Древней Руси, которого некоторые считают по происхождению вепсом? Ведь камнеруб Петр Лонин, занимаясь отхожими промыслами, мог где-то слышать эту легенду. Каменотесы жили недолго. Кварцитная пыль часто съедала их легкие. Как же мне было обидно прочитать в буклете парижского Дома инвалидов неправду о том, что саркофаг Наполеона сделан из камня, привезенного из Финляндии. Моя семилетняя тяжба с этим музеем закончилась тем, что Финляндию из буклета убрали, но и шокшинский малиновый кварцит

Дом Мелькиных. С. Шелтозеро. 2015 г.
Из архива ШВЭМ

или карельский порфир не появился. «Это будет очень сложно для восприятия миллионами туристов. Ошибку мы убрали и больше не обманываем посетителей, в чем вы обвиняли нас ранее», — аргументировали служащие саркофага Наполеона. Не понять им того, что малый, загадочный, древний вепсский народ является ключом к пониманию многих глобальных явлений. Не зря некоторые финские исследователи считают вепсский язык северным санскритом, который послужил языковым корнем всей семьи финно-угорских народов. Но с конца 30-х годов прошлого века вепсский народ и его язык оказались под запретом, плаваясь в котле формирующейся новой исторической общности.

Рюрик Лонин не стерпел ожидания безвременного счастья, обещанного народу, не вынес запретов говорить на вепском языке, преподавание которого было официально запрещено в 1937 году, а авторы вепского букваря и учебников репрессированы. Он начал действовать. Стал собирать коллекцию будущего музея, превратив свой дом в музей-склад. Объехал всю вепскую округу, выпрашивая у стариков и старушек утварь, а главное, записывая их колыбельные, причитания, плачи, песни, обычаи...

Как и когда Рюрик Лонин заболел идеей сохранить культуру своего народа? Как он превратился в шукшинского чудика, над которым обычно потешаются и порой принимают за сумасшедшего? Это отдельная тема. Усложняю задачу. Как человек с семиклассным образованием, ремесленным училищем, профессией слесаря, потом сварщика, написал семь книг, создал уникальный музей, преподавал вепсский язык, стал научным сотрудником, к которому приезжали за советом доктора наук? После ремесленного училища он работал в Петрозаводске слесарем на ОТЗ. Но крестьянский сын не уподобился некоторым шукшинским героям, многих из которых «сожрали» города-монстры или, как Егора Прокудина из «Калины красной», превратили в матерых уголовников. Рюрик вернулся обратно в село. Земляков-вепсов стал записывать еще в городе, но вовремя понял, что его место, его миссия — на родных просторах.

Сколько надо было потратить сил для борьбы с бюрократией, чтобы добиться для организации музея маленького помещения в шелтозерской библиотеке, а затем перенести его в дом Мелькиных, которо-

*Общественные экскурсии в Вепском народном музее
с Р. П. Лониным и И. Н. Полиным. С. Шелтозеро. 1978 г.
Фото В. Трухтарова. Из фондов ШВЭМ*

му недавно исполнилось 200 лет! Надо было стать вепским Гераклом, чтобы отстоять дом Мелькиных в Шелтозере, когда принималось ошибочное решение переместить его на остров Кижь. Да, подвигов у Рюрика Петровича побольше, чем у героя мифов Древней Греции.

В нем жил талант педагога. Он преподавал вепский язык в шелтозерской школе, а как он беседовал с детьми! Когда под музейные экспонаты был выделен уголок в библиотеке, Рюрик Лонин открывал экспозицию в часы приезда бочки с молоком, располагавшейся напротив музея и к которой выстраивалась очередь в основном из детей с бидончиками. Пока очередь за молоком двигалась, Рюрик Петрович приглашал в музей ребятишек и рассказывал им, передавая свой интерес, пробуждал чувство национального достоинства, просто общался. Эта «молочная» история может быть поставлена в один ряд с библейскими...

С 1993 года, руководя историческим отделением Республиканской школьной академии, я привозил к Р. П. Лонину ребятишек со всей Карелии и наблюдал, как он рассказывал им о своем детище. Скупой на эмоции вепский сфинкс преображался, глаза его загорались. Он говорил с вепским акцентом, подбирая нужные слова.

*Раздел музейной экспозиции
хозяйственного двора. С. Шелтозеро. 2014 г.*

Я привозил в Шелтозеро детей не для того, чтобы все они пошли в этнографы. Просто хотелось показать увлеченного человека, Личность. Хотя из той когорты школьных академиков вышло немало историков музейщиков да и просто хороших людей, знающих цену духовной пищи.

Этому Дон Кихоту, конечно, помогали люди.

Особенно его поддержала карельская наука, разглядев в нем уникального носителя историко-культурного опыта народа, своего коллегу, поборника и просветителя. Когда его впервые пригласили в Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, он долго советовался с мамой, в каком костюме предстать перед учеными. «Поезжай в одежде слесаря», — посоветовала мать. Мол, оставайся самим собой. Рюрик не перечил, но признавался, что цивильный пиджак все-таки захватил с собой. Конечно, он комплексовал, переживал свою «необразованность». Но ученые, знавшие его, по сей день утверждают, что говорили с этим самородком на равных, без тени высокомерия и снисходительности. И он был им под стать.

Его поддерживало Министерство культуры республики, помогая издавать написанные им книги. Поэт Иван Костин помогал в редактировании. Особую поддержку Рюрику Петровичу и его детищу оказал Карельский государственный краеведческий музей. Людмила Васильевна Лопаткина организовала работу по превращению народного музея в профессиональный с системой учета и хранения коллекций. Вепский музей стал отделом КГКМ, а теперь является филиалом Национального музея Карелии.

В 1999 году знаменитая Алла Сурикова — кинорежиссер первой шеренги, имевшая в рюкзаке своего опыта фильмы «Человек с бульвара Капуцинов», «Чокнутые», «Ищите женщину» (это один из немногих

фильмов, при демонстрации которого мы с женой просто замираем), — бросает все, едет в Шелтозеро, живет у Лониных в доме и снимает о Рюрике Петровиче фильм «Рюрик и его Шелтозеро». Это был фильм из цикла «Провинциальные музеи России» (50 документальных фильмов по 26 минут каждый). Ну, просто «Вепссадская история»! Алла Сурикова снимала фильм во многих вепсских деревнях, и, как когда-то в 20-х годах XIX века Андерс Шёгрен впервые научно описал вепсов, введя проблему их изучения в мировую науку, она сделала первое серьезное документальное киноисследование.

После смерти великого поборника его музею присвоено имя Рюрика Петровича Лонина, и я горд, что приказ об этом подписан мною. Раз в два года проводятся «Лонинские чтения», в которых принимают участие ученые, краеведы, музейщики, а главное — дети-школьники, потомки тех «молочных слушателей», впитавшие с тем самым молоком... В 2014 году с помощью Министерства культуры Республики Карелия и Министерства Республики Карелия по вопросам национальной политики, связям с общественными и религиозными объединениями дом Мелькиных отреставрирован, завершается обновленная экспозиция вепсского музея, которым заведует ученица Рюрика Петровича Наталья Анхимова, тоже борец и тоже поборник...

Дело, которому служил Рюрик Лонин, живет. Но знают его в Карелии недостаточно. Вся страна знает подвиг Семена Степановича Гейченко, возродившего пушкинское Михайловское. У нас есть свой вепсский Гейченко. Предлагаю учредить премию имени Рюрика Лонина, которую вручали бы хранителям материального и духовного наследия Карелии. Вручать ее надо не чаще, чем раз в три года. Для музейной сферы нужно время, с кондачка ничего не создашь... С другой стороны, хранители культуры всегда в цейтноте. Если где-то в деревне умерла старушка — на одну колыбельную мир обеднел. Значит, духовно беднее стали все мы.

На иконах Моисея принято изображать на фоне известных скрижалей или со свитком, на котором написано: «Чти Бога и восславь его!». Восславим Рюрика Лонина!

Рюрик Петрович. Жизнь и деятельность

Kaik tõ tedat, suvipoles, randarõunal
Seižub čoma vepsän posad,
Kaskez nimitadas sen,
Posad om ni sur', ni pen'.
Ende eletihe vepsad,
Nügüd' vepsoid vähä jäi.
Ümbri seištas kezapertid,
Sikš i kezal rahvast äi,
Nu a tal'vel rahvast vähä,
Elo sambub sihesai,
Kuni kevāz' udes tulob,
Möst i rahvast linnob äi.
Konz-se amu neciš küläs
Rürik oli rod'nuze.
Tegi äjan hüvid azjoid...
Kargaiži i pajati,
Vanhoid kaluid kerazi,
Vepsän kirjoid kirjuti.
Kodiman hān navedi.
Vepsän veroid kaiči,
Kaiken tegi, miše kel'
Lujas hāt'ken eläiži!

(Mironova O. J., Mironova M. A.)

Rürik Petrovič Loninan nimi om tutab lujas äjile ristituile kut Karjalas, muga Karjalan irdpolel-ki. Hān oli vepsän fol'kloran keradai, Šoutjärven vepsän etnografižen muzejan tegii, kirjutai, vepsän kul'turan tedai, kodi-istorijan tundii.

Rürik Petrovič Lonin sündui 22. sügüz'kud vodel 1930 vanhas vepsläižes Kaskez-küläs, sures kanzas. Hänen bat'oli kiviradnikan, a mam tegi manradoid.

Vodel 1946 konz hān oli lopnu seičeme klassad, māni opendamhas radmahttehnikumha, kus openzihe slesarikš. Vodel 1948 hān eli Petroskoiš i radoi Oneg-zavodal. Vodel 1959 Rürik pördihe Šoutjärvehe i radoi sigä.

Konz hān oli nor', rižoi sūdāimes suren tahton sūvemba tedištada ičeze rahvahan elod da melevut, kudambiden polhe ājan sanuiba pajod da sanundad, kodi – da radkalud.

Rūrik Petrovič Lonin ajeltes Karjaladme, Piterin da Vologdan oblastidme, kerazi i kirjuti mušt'ho vepsān rahvahan enččid pajoid da starinoid. Mōhembra neniš mušt'losišt'pāi tehtihe āi hüvid kirjoid, kudambad lksiba eloho kut vepsān, muga venān-ki kelel. Kerates fol'klorad Rūrik Petrovič vastsi āi vanhoid ristituid, kudambad hüvin mušt'iba vōl vepslāižiden endišt elod. Hān ei vaiše kerazi fol'klorad, hān jāl'ghepāi oppi-ki sidā.

*Р. П. Лонин в рабочем кабинете музея.
С. Шелтозеро. 1979 г.*

Oppides fol'klorad Rūrik Petrovič sūvemba tedišti ičeze rahvahan istorijad. Hānen pāhā tuli himo tehta vepsān rahvahan muzei, kudamb starinoičiži vepslāižiden elon polhe endevanhas aigaspāi nügūdehesai. Hān pakiči ristituid toda vanhoid kaluid da erazvuiččid predmetoid. Hānen pertiš ei olend jo sijad, kus voiči pidāda predmetoid. Vodel 1967 muzejān tāht anttihe kaks' külākirišt'on honust. Pigai muzei avaiži ičeze verajad. Ristitud paksus toskeliba muzejaha erazvuiččid vanhoid kaluid. A koumes vodes pāliči muzei sirdihe udehe sijaha školinternatan alahaižele žirule. Nügūd' muzei om Mel'kinoiden pertiš.

Ei se olend kebn azj, āi vāged da tervhut se vei, āi paginoid oli pagištud da āi kirjeižid oli kirjutadud. No sur' himo vāgesti kaiken. Muzejān tegemine Šoutjärves oli hānen todesine uništuz, elon pärad.

Rūrik Petrovičal oli muite āi erazvuiččid azjoid, no hānel kaiken oli aig vepsān rahvahan fol'kloran tāht. Hān eli siš da sai sišt'pāi elonvāged. Kacmata vāzundaha ehtkožižidme hān navedi kāvuda Vepsān rahvahan horha pajatamha da kargaidamha. Ājan oleskeli horanke adivajelusil. Rūrik Petrovič Lonin ājan kirjuti venān i vepsān kelil.

Om lujas žal', miše tāmbei hāndast ei ole meidenke, no mō voim tedištada lujas ājan ut i melentartušt hānen kirjoišt'pāi. Lopuks vōib sanuda, miše Rūrik Petrovič Lonin om vepsān man ülenduz, se mez', kudambad tetas da mušt'as vepsān mal.

Увлеченность фольклором

Рюрик Петрович Лонин, собиратель вепсского фольклора, основатель Шелтозерского вепсского этнографического музея, писатель, пропагандист вепсской культуры, выдающийся краевед и общественный деятель, родился 22 сентября 1930 года в д. Каскесручей Шелтозерского района КАССР в многодетной семье. Его отец был рабочим — каменотесом, мать — крестьянкой.

В 1946 году после окончания семилетней школы поступил в Петрозаводское ремесленное училище на слесаря-инструментальщика. В 1948 году после сдачи экзаменов был направлен по специальности на Онежский машиностроительный завод. В 1959 году вернулся в с. Шелтозеро, где работал газосварщиком до перехода в 1980 году в Шелтозерский вепсский этнографический музей.

У Рюрика Петровича Лонина еще с детства появилась тяга к устному поэтическому творчеству своего народа. С 1956 по 1993 год в свободное от основной работы время он занимался сбором фольклора на территории проживания вепсов Карелии, Ленинградской и Вологодской областей.

Результатом его многочисленных поездок стало издание материалов в сборниках по фольклору и истории. Значение сбора вепсского фольклора, а также изучение занятий и промыслов вепсов состояло в том, чтобы показать историю формирования и развития вепсского народа, его материальное и духовное наследие, чтобы будущие поколения могли зримо представить, как жили вепсы прежде, какие пели песни, какие знали обряды, чем занимались, что умели делать вепские умельцы, чтобы могли сравнить прошлое с настоящим.

О создании музея

В 1967 году Рюрик Петрович Лонин создал Шелтозерский вепсский этнографический музей, единственный в России музей, фонды которого «рассказывают» об истории и культуре потомков легендарной Веси.

Занимаясь сбором произведений устного народно-поэтического творчества, Рюрик Петрович Лонин встречался с людьми старшего поколения, которые много помнили о том, как люди жили раньше. Изучая фольклор, Рюрик Петрович активно изучал и историю свое-

го народа. Он стал обращать внимание на повседневный быт людей, на предметы материальной культуры, которые дошли из далекого прошлого до наших дней. Собирател ь фольклора понял, что та или иная вещь, предмет утвари или орудие труда для выполнения различных хозяйственных работ могут многое рассказать об истории древнего народа и его жизни. Это натолкнуло его на мысль создать музей (1965 год), экспонаты которого характеризовали бы культуру и быт вепсов с древних времен по настоящий день.

Рюрик Петрович шаг за шагом, не покладая рук, приближался к намеченной цели. И когда в своем доме уже негде было размещать собранные предметы, Шелтозерский сельский Совет выделил под музейные экспонаты небольшое помещение на нижнем этаже сельской библиотеки в бывшем поповском доме. В нем было открыто два небольших отдела. В первом отделе хранились предметы народного быта и культуры, открывающие мир давно минувших дней, рассказывающие нам, как наши предки жили и боролись с жизненными трудностями. Второй отдел был посвящен промышленности края и культуре. Но даже весьма скромная в то время экспозиция музея уже имела большой успех. Вскоре музей переехал в другое здание, в бывший школьный интернат и занял в нем нижний этаж. Впоследствии музей стал известен не только в районе. Он стал общекультурным явлением республики и страны.

Сегодня Шелтозерский вепсский этнографический музей размещается в просторном двухэтажном доме Мелькиных. В свое время любовно отреставрированный, дом сам стал музейной ценностью, как памятник крестьянской деревянной архитектуры XVIII в. И хотя сегодня он соответствует почти всем нашим потребностям, но и в нем порой не находится лишнего места для показа той или иной экспозиции. Отчасти проблему решает дом Д. Е. Тучина, бывшего руководителя Шелтозерского подполья в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Дом этот в свое время был перевезен из его родной деревни Калинин-остров (Горнее Шелтозеро). В настоящее время дом Д. Е. Тучина стоит рядом с музеем и является вторым музейным объектом.

Создание народного музея в Шелтозере стало главным детищем «главного» вепса Карелии Рюрика Петровича Лонина. Превратив музейную экспозицию в связующее звено духовного наследия между

прошлым и настоящим, Рюрик Петрович дал новую жизнь тем бесценным богатствам материальной и духовной культуры, которые, казалось, уже безвозвратно исчезли.

Участник Вепсского народного хора

Несмотря на занятость, Рюрик Петрович Лонин много времени уделял Вепсскому народному хору. С 1957 по 2001 год он участвовал в художественной деятельности вепсского хора, посещал репетиции, выезжал с коллективом на гастроли. В 70 лет Рюрик Петрович пел и танцевал на сцене. Движущей силой его активности была любовь к музыке, забота о сохранении самобытного искусства талантливого вепсского народа.

Рюрик Петрович Лонин как писатель

На склоне жизни Рюрик Петрович Лонин всё чаще излагал свои мысли и знания на бумаге, как на русском, так и на вепсском языках. В 2000 году были изданы две его книги — «Записки краеведа» и сборник устного народного творчества «Minun rahvahan fol'klor» («Фольклор моего народа»). Затем были опубликованы еще две книги — «Детство, опаленное войной» (2004 г.) и «Хранитель вепсской культуры» (2007 г.)

В последней книге Рюрик Петрович рассказывает о людях, составляющих гордость нашего края. По его мнению: «Каждый народ, большой и малый, непременно выдвигает из своих рядов ярких представителей в различных областях жизни — общественных и политических деятелей, хозяйственных руководителей, тружеников науки и культуры, замечательных умельцев и просто высоких профессионалов своего дела!»

Рюрика Петровича Лонина без сомнения можно назвать героем своего времени. Он — гордость нашего края. Его вклад в сокровищницу истории и культуры нашего народа, нашего края огромен по своей значимости.

В 2009 году (17 июля) Рюрика Петровича Лонина не стало, но память о нем и о его достижениях будет жить всегда!

К 100-летию со дня рождения финского исследователя традиций вепсов Юсси Райнио

Юсси Райнио родился 23 марта 1914 года в г. Хельсинки. Учился в Хельсинкском университете на филологическом факультете, закончил магистратуру. Во время учебы изучал финский и другие финно-угорские языки, в том числе вепсский язык, литературу и этнографию финно-угорских народов, занимался изучением фольклора.

Во время Великой Отечественной войны с 1941 по 1944 год Шелтозерский район был оккупирован. В это время Юсси Райнио работал на оккупированной территории. Он был направлен в вепсский край на работу финским командованием с целью сбора фольклорного, этнографического, топонимического материала о вепсском народе.

Вверенное дело Юсси выполнял с особым чувством уважения и любви к порученному делу. Собранный им материал долгие послевоенные годы и до конца его жизни служил важной основой в его научных исследованиях, популяризаторских мероприятиях и различных изданиях, как в Финляндии, так и за рубежом.

В Шелтозерском вепсском этнографическом музее им. Р. П. Лони-на хранится уникальная коллекция публикаций Юсси Райнио, документов и фотографий, два подаренных музеем фотоальбома и письма от исследователя в адрес музея и его основателя Рюрика Петровича Лони-на. Фотографии и документы, топонимические и этнографические материалы, собранные Юсси Райнио в середине прошлого века, по праву следует считать ценным историко-культурным наследием вепсского народа.

По тому, как и с каким отношением Ю. Райнио выполнял свою работу, можно предположить, что у него были хорошие учителя. Он не только хорошо знал финский и вепсский языки, историю и фольклор вепсского народа. С университетской поры и на протяжении всей жизни, судя по его статьям и письмам, можно проследить, с какой искренней любовью проникнуты рассказы исследователя о вепсском народе.

Известный финский ученый, профессор, учитель Юсси Райнио на филологическом факультете университета Е. А. Тункело читал курс истории фонетики вепсского языка. По воспоминаниям студентов, преподаватель хорошо владел материалом и с особым увлечением читал им лекции. В памяти студентов на долгие годы оставались такие исторические зарисовки: вепсы — родственник финнам народ, живет в деревнях по общинным законам большими семьями. Во главе семьи хозяин, старый бородатый дед, его слово — закон для каждого, взрослого и малого, он, как хозяин, занимает особое место в жизни семьи и за семейным столом.

С такими представлениями о вепсском народе Юсси Райнио приехал осенью 1941 года в Шелтозерский район. Перед ним открылась сказочная вепсская страна: по берегам реки стоят красивые высокие деревянные дома, на росстанях (перекрестках дорог) зерновые амбары, в домах окна необыкновенной красоты, одетые в кружева, с крыш смотрят на тебя птицы или головы коней.

Из статей исследователя известно, что в разговоре с деревенскими жителями во время поездок от деревни Шокша до деревни Каскесручей он познавал тонкости вепсского языка, народные верования и фольклор. Его прекрасными помощниками в сборе вепсских пословиц, поговорок, загадок для Ю. Райнио были школьные учителя и ученики. В финских школах на территории Шелтозерского района вепскими учениками в период проведения школьных конкурсов было собрано немалое количество фольклорных записей, среди которых 9500 загадок.

Известно, что знания вепсского языка со студенческой скамьи во время общения с местными жителями Юсси Райнио значительно пополнил. Это позволило ему получать качественную и в большем объеме собирать информацию, фиксировать ценные материалы по историко-культурному наследию вепсского народа.

Собранные данные, как и переводы финских песен на вепсский язык, Ю. Райнио активно использовал на больших сельских праздниках, которые проходили под финским флагом. Свидетельством тому являются его фотографии времен оккупации, которые хранятся в музее. Мы видим, что эти праздники собирали большое количество народа, взрослых и детей, проходили они весело с песнями в исполнении

хоров и с хороводами в красивых местах на берегу реки, озера, в самой деревне.

Судя по музейным материалам, Ю. Райнио занимался переводами финских текстов на вепсский язык, в т. ч. официальными и священными писаниями для ведения церковных служб. Когда

*Дом Мелькина. С. Шелтозеро. 1943 г.
Фото Ю. Райнио*

в Шелтозерский район приезжали представители Финляндии, он проводил для них экскурсии по музею, знакомил посетителей с коллекциями и экспонатами музея, их историей, историей и культурными традициями вепсского народа.

Хорошо владея вепским языком, он часто писал в финские газеты «Helsingin sanomat», «Suomen kuvalehti» об истории и культуре вепсского народа. Статьи Ю. Райнио можно было прочитать и в газетах «Varaa Karjala», молодежных и детских газетах, его рассказы на вепском языке передавались по радио.

В музее хранятся несколько первых учебников на вепском языке, которые вышли из печати в 1932–1936 годах. Однако они совсем недолгое время использовались в школьном обучении.

Есть и учебник вепского языка «Vepsän opas» 1945 года, который никогда не использовался в школе. История этого издания такова. В 1944 году Юсси Райнио вместе с профессором Марти Айрола и Аймо Турунен подготовили учебник вепского языка. Известно, что во время оккупации вепские дети учились на финском языке. Но у финского командования были планы вести преподавание в школах вепсского края на вепском языке. Учебник вепского языка был подготовлен и издан в 1945 году в Финляндии в г. Хельсинки, но по нему, по известной причине, не учились в школе. В музей учебник принес Р. П. Лонин, и музейные сотрудники долгие годы показывали его посетителям. К учебнику посетители проявляли огромный интерес, так как в нем были представлены тексты, составленные

Ю. Райнио на основе его записей в вепсских деревнях в середине XX века на темы «Вепсский берег», «Шелтозеро», «Шелтозерский дом», «Ходил на беседу». Записи дополнены фотографиями того времени.

Из переписки Р. П. Лони́на с Ю. Райнио мы узнаем, что ученый на протяжении всей своей жизни занимался популяризацией вепсской культуры и языка вепсского народа как в Финляндии, так и в других странах. При этом выполнял он эту миссию с чувством особого уважения к родственному финнам народу.

Собирая вепсский фольклор по деревням, он занимался так же сбором местных географических названий. В 1970 году в журнале «Советское финно-угроведение» Ю. Райнио опубликовал статью, подтверждающую мнение А. Алквиста о происхождении названия «Шелтозеро». В основе этого слова две основы — «souta» (грести) и «järvi» (озеро). Действительно, из Онежского озера можно было добраться до деревень, двигаясь на лодке против течения реки. Написал он эту статью на немецком языке, чтобы, вероятно, об этой истории и о самих вепсах узнало большее количество людей. В целом коллекция вепсских топонимов, собранная исследователем, составляет 460 наименований. В 1967 году она была передана им в Финно-угорский исследовательский центр г. Хельсинки.

Известно, что Юсси Райнио исследования проводил в различных областях традиционных знаний вепсского народа. В 1973 году он написал работу «О древней медицине прионежских вепсов». Это были результаты его общения с вепскими женщинами пожилого возраста в деревнях на юго-западном побережье Онежского озера. В 1940-е годы они еще хорошо помнили, как можно помочь человеку в дни его болезни и плохого самочувствия. Эти сведения являются редкими, и в настоящее время их практически невозможно зафиксировать, в том числе, как приготовить травяной отвар по местным традициям. Изданная работа J. Rainio. Vanhaa äänisvepsäläistä lääkintätietoa. 1973. (ШВЭМ ШО-1098) хранится в фондах Вепсского музея. Листая ее страницы, удивляешься, как много жизненно-полезного знали наши предки.

Вспомним еще об одном важном факте из жизни Ю. Райнио, который сыграл, на наш взгляд, особую роль в научно-исследователь-

ской, популяризаторской деятельности ученого. Выполняя приказ финского командования в период оккупации, Юсси в селе Шелтозеро встретил молодую девушку Нину из вепсской семьи Мельниковых. Они полюбили друг друга и, покидая оккупированную территорию Шелтозерского района, он увез девушку в Финляндию. Так тогда поступали многие финские офицеры и солдаты. На родине Юсси они поженились и прожили долгую и счастливую жизнь. По письмам, которые хранятся в музее, мы узнаем, что все они подписаны «Jussi akanke» (Юсси с женой) или «Jussi ja Niina» (Юсси и Нина). Письма повествуют о том, что Нина очень часто помогала своему мужу переводить фольклорные записи с вепсского языка на финский. Мне думается, что благодаря ей муж проникся особым уважением к вепсскому языку и культуре родственного народа.

После войны Юсси и Нина приезжали в село Шелтозеро довольно часто. Здесь оставались ее семья и родная сестра Анастасия. Уточним, что такое время после войны настало не сразу. В послевоенные годы Юсси и Нине не разрешали приезжать в Россию, позднее встречаться с родственниками можно было только в г. Ленинграде. В 1990-е годы они приезжали к родным почти ежегодно и всегда заходили в гости к Рюрику Петровичу и Анне Петровне Лониным, сестре Анастасии и, конечно, в музей.

К счастью, мне довелось познакомиться с Ю. Райнио и иметь несколько встреч с ним в селе Шелтозеро. В то время, в начале 1990-х годов, после окончания исторического факультета Петрозаводского государственного университета я работала научным сотрудником в музее. Предполагаю, что университетские знания и возвращение на родину молодого специалиста, разговор на финском и вепсском языках пришлись им по душе. В моей памяти эти встречи вызывают самые теплые воспоминания, особенно искренний интерес Юсси ко всему, что происходит в музее и в целом в вепсских деревнях.

Одна встреча мне запомнилась по-особому, на ней Юсси и Нина передали музею дорогой подарок — рукопись Дмитрия Моисеевича Пушкина, вепсского этнографа. В ней приведены записи в северновепсских деревнях с 1938 по 1942 год о вепсских праздниках и буднях, традиционных занятиях и промыслах, вепсской кухне и др.

*Дарование рукописи вепского
этнографа Д. М. Пушкина музею
в лице Р. П. Лони́на и Н. А. Анхимовой.
С. Шелтозеро. 1991 г.*

Рукопись имеет интересную историю. После смерти Д. М. Пушкина в 1942 году по завещанию автора она была передана в 1943 году Ю. Райнио и более 50 лет хранилась в Финляндии в семье Райнио. Ученый активно использовал ее в своей научно-популяризаторской работе. Спустя полвека она вернулась на родину и поныне хранится в музейных фондах.

В свое время история этой рукописи меня вдохновила на неоднократное посещение деревни Другая Река Прионежского района. Здесь я встречалась с родственниками Дмитрия Моисеевича, заходила в дом его жены Елены Егоровны. Они подарили музею фотографии Дмитрия Моисеевича и Елены Егоровны Пушкиных. Семья Калининых, откуда родом Елена Егоровна, показала места захоронения супругов на новом кладбище д. Другая Река, место, где стоял дом Пушкиных (в настоящее время не сохранился). Он располагался в маленькой деревне Мягоцево, на горке.

Об этой истории я рассказала в статье «На погост на белой лошади», которая вышла в газете «Прионежье» (15 октября 1992 г.). С тех пор во время автобусных экскурсий по рыбацким деревням мы рассказываем о Д. М. Пушкине, который оставил нам в наследство интереснейшую этнографическую рукопись и ее хранителе Ю. Райнио. Встреча с ученым из Финляндии открыла интересную страницу истории северновепского края.

В фондах музея хранятся редкие книги, брошюры, изданные с 1945 по 1989 год, письма, адресованные Рюрику Лони́ну, Александру Максиму и два альбома с фотографиями, большая часть которых сделана была в период оккупации Шелтозерского района в 1941–1944 годы. Имеются в музее также снимки вепских деревень более позднего времени. Фотографии середины XX века представляют особый интерес, так как на них запечатлены деревни, которые сегодня уже не существуют, как и большие вепские семьи и традиционные занятия

и праздники. Листая альбом, понимаешь, что все эти снимки сделаны автором с большой любовью.

Вышесказанное подтверждается и в статьях, которые писал Ю. Райнио в финские газеты после поездок в Карелию в 1980–1990-х годах. Каждый раз, возвращаясь из Шелтозера в Финляндию, он публиковал большую статью с красивыми фотографиями. На них запечатлены большие деревянные дома вепсов, доброжелательные лица деревенских жителей. Из статей можно было также узнать об истории вепсов, территории их расселения, событиях того времени. Читая статьи, понимаешь, что в них все едино: знания автора, его восприятие и доброе отношение к вепсскому народу. В газетных статьях Ю. Райнио обращается к финскому народу и рассказывает им о вепсах как о родственном им народе, демонстрирует сходство вепсского и финского языков, черты близости двух культур.

В одной местной газете «Suur-Keuruun sanomat» от 14 августа 1980 года можно прочитать статью Ю. Райнио о Вепском народном хоре из села Шелтозеро, основанном в 1936 году. В 1968 году впервые хор приезжал с выступлением в Финляндию г. Хельсинки. Далее он делится своими мыслями, что хорошо было бы, если бы Вепсский народный хор снова приехал в Финляндию и «заглянул» с концертом в г. Кеуруу.

Письма ученого являются интересными музейными документами. Из письма, адресованного Рюрику Лонино в 1982 году, узнаем: Юсси и Нина очень рады за Рюрика, за его музей. Они думают, что для вепсов большое счастье, что Рюрик вернулся из города к вепсам в деревню. Они пишут, что не каждый может собирать фольклор, понимать это, не каждый может сделать музей и такого человека знают в Финляндии.

В другом письме, датированном 1993 годом, Ю. Райнио пишет, что ему известно о выходе в г. Таллинне в 1992 г. сборника вепсских пословиц и поговорок «Vepsä vanasõnad». В нем большая часть записей от прионежских вепсов, собранных и отправленных для публикации в сборник от Анны и Рюрика Лониных и меня (Ю. Райнио). В этом же письме он упоминает, что в этом месяце (ноябре), он был на осеннем празднике в Обществе «Калевалы». Во время праздника ему вручили медаль весом полкилограмма, диплом за сбор вепсского фольклора и издание книг о вепсской культуре и топонимах.

В письме Юсси Райнио к Рюрику Лонину, датированном декабрем 1988 года, сообщается, что Юсси и Нина занимаются переводом поговорок, собранных им от учеников во время Великой Отечественной войны в Шелтозерском районе. Они обращаются к Рюрику с просьбой о помощи в переводе вепсских текстов. Понимаешь, что в возрасте 74 лет у человека сохраняется интерес к делу, которому он посвятил всю свою жизнь. Ушел от нас Юсси Райнио 24 февраля 1998 года.

Исследуя коллекцию документов, фотографий и редких книг, хранящихся в фондах Вепсского музея, я думаю, что Юсси Райнио питал искреннее уважение к языку, культуре вепсского народа, находился в постоянном поиске новых знаний о них и популяризировал их как в Финляндии, так и в других странах Европы. С мыслью о том, что финно-угорская семья большая и в ней есть малочисленные народы, которые имеют свою древнюю историю и свой язык и которых следует знать.

Список использованной литературы

- Письмо Р. П. Лонину от Ю. Райнио. Кеуруу, 17.04.1982, ШВЭМ ШО-3472.
Письмо Р. П. Лонину от Ю. Райнио. Кеуруу, 19.12.1988, ШВЭМ ШО-3463.
Письмо Р. П. Лонину от Ю. Райнио. Кеуруу, 19.11.1990, ШВЭМ ШО-3471.
Письмо Р. П. Лонину от Ю. Райнио. Котка, 15.04.1991, ШВЭМ ШО-3465.
Письмо Шелтозерскому музею от Ю. Райнио. Кеуруу, 18.10.1991, ШВЭМ ШО-390/26.
Письмо Р. П. Лонину от Ю. Райнио. Кеуруу, 31.03.1992, ШВЭМ ШО-3464.
Письмо Р. П. Лонину от Ю. Райнио. Кеуруу, 30.11.1993, ШВЭМ ШО-3469.
Пушкин Д. М. Рукопись. Другая Река, 1938–1942, ШВЭМ ШО-390/1.
Советское финно-угроведение. № 6, 1970. Таллинн, ШВЭМ ШО-1088.
Фотоальбом. Автор и составитель Ю. Райнио. Кеуруу, 1992, ШВЭМ ШО-411.
Sauna. № 4 1989, ШВЭМ ШО-398.
Airila M., Turunen A., Rainio J. Vepsän opas. Helsinki, 1945, ШВЭМ ШО-369.
Rainio J. Vanhaa äänisvepsäläistä lääkintätietoa. 1973, ШВЭМ ШО-1098.
Vepsa vanasõnad. Eesti, vadja, liivi, karjala ja vene vastetega. T. I–II. Tallinn, 1992.
Äänisvepsäläisiä sananparsia. Helsinki, № 48, 1968, ШВЭМ ШО-223.
Suur-Keuruun sanomat. № 90, 93, 1980, ШВЭМ ВШО-147/a,б.

Художник из вепсского края. С. Д. Ершов. 1888–1946

В фондах Национального музея Республики Карелия хранится малоизвестная, но очень значимая для Карелии картина «На сенокос», созданная в 1938 году. Картина принадлежит кисти Софония Дмитриевича Ершова, одного из первых профессиональных художников Карелии, вепса по национальности.

В этом произведении в полную силу проявилось не только высокое мастерство, но и своеобразие искусства самобытного живописца. Картина пронизана любовью автора к родному вепсскому краю, его природе, она подкупает блестящим знанием жизни, традиций, этнографического материала. Ее по праву можно считать программной в творчестве Ершова.

К сожалению, после смерти художника в 1946 году его имя было незаслуженно забыто. Между тем без творческой деятельности Ершова трудно представить историю становления и развития изобразительного искусства в Карелии.

Софоний Ершов родился в 1888 году в крестьянской семье в деревне Дорофеевская (Другая Река) Шелтозерско-Бережной волости Петрозаводского уезда (ныне Прионежского района). Его отец, Дмитрий Сергеевич, как и многие мужчины вепсского края, был каменотесом. Большую часть года он проводил на каменотесных промыслах, чаще всего в Петербурге. Не случайно Софоний, после окончания в 1900 году Рыборецкого мужского земского училища, был отправлен «во учение» в Петербург.

Еще в раннем возрасте у будущего художника проявился интерес к рисованию, что побудило отца разрешить сыну учиться дальше. В 1909 году Софоний Ершов окончил Рисовальную школу при Императорском Обществе поощрения художеств, а в 1912 году был принят вольнослушателем в Императорскую Академию художеств. Через три с половиной года ему пришлось, по семейным обстоятельствам, оставить Академию и вернуться на родину.

Возвращение в Карелию позволило молодому художнику, получившему в Петербурге основательную профессиональную подго-

товку, продолжить занятия живописью. В Петрозаводске он активно включается в художественную жизнь республики. Вместе с первыми профессиональными мастерами, выпускниками Академии художеств — К. В. Аккуратовым, А. Л. Андрияновым, В. Н. Поповым и другими — Софоний Дмитриевич участвовал в выставочной деятельности, вел большую преподавательскую и организационную работу по развитию художественного образования в республике, являясь одним из создателей и преподавателей первой художественной школы в Петрозаводске. Софоний Дмитриевич был также один из основателей первой в Карелии организации, объединившей профессиональных художников — секции изобразительного искусства при подотделе искусств Народного образования. Молодой художник участвовал в праздничном оформлении Петрозаводска к первой годовщине Октябрьской революции, делал декорации для Национального театра и параллельно работал учителем рисования в школах Петрозаводска и районах республики.

В предвоенные годы художник стал хорошо известен как педагог и руководитель Изостудии при Дворце пионеров, открытом в Петрозаводске в 1937 году.

В 1930-е годы Софоний Дмитриевич также много работает творчески, создает большое количество тематических картин преимущественно по заказам, некоторые из его работ приобретаются Карельским государственным краеведческим музеем. При жизни Ершова не состоялось ни одной персональной выставки художника, не появилось искусствоведческих исследований или публикаций о его творчестве, хотя уже к концу 1930-х годов он сформировался как профессиональный живописец со своим личностным видением и своей самобытной манерой. Ярким свидетельством зрелости творческого почерка Ершова явилась его лучшая картина «На сенокос», приобретенная в конце 1930-х Карельским государственным краеведческим музеем.

Работая в Петрозаводске, Софоний Дмитриевич постоянно приезжал в родные и любимые с детства места. Здесь, в Шелтозерской волости, у берегов Онега, художник глубже, чем где-либо, ощущал свою близость к родному краю, родной северной природе и к своим землякам. Ему, вышедшему из крестьянской среды, были близки сельские

темы и образы. Картина «На сенокос» — это своего рода воспоминание о детстве, где образ близкого человека, может быть, его молодой матери, которую он не раз видел на фоне родного села, стал основным композиционным ключом. Конечно же, в картине сконцентрированы впечатления не одного дня, а целого пласта жизни.

Основной сюжет картины — изображение (на фоне типичного для вепского края деревенского пейзажа) молодой женщины и ее дочери, идущих ранним летним утром на сенокос. Эту будничную сцену из крестьянской жизни, не раз виденную в своем далеком детстве, Ершов сумел поднять до высокого уровня обобщения, сохранив при этом свежесть непосредственного впечатления. Для этого художник использовал новаторские приемы, выразительные средства живописи, характерные для отечественного искусства 1920–1930-х годов. Картину отличает монументальность и ясность композиции, лаконизм рисунка, чистота локальных цветов и обобщенность живописной формы. Фигура молодой женщины дана крупным планом и занимает почти две трети вертикальной композиции, что вносит в общий строй произведения определенную динамику, движение. Все в этой картине строится на большом знании этнографического материала, использовании деталей, которые несут смысловую нагрузку. Многие в работе решено на контрастах и сопоставлениях.

На сенокос. Художник С. Д. Ершов

Особое внимание художник уделяет передаче достоверного внешнего облика своей героини. Перед нами характерный тип вепской крестьянки. Она одета в традиционный

синий домотканый сарафан, холщовую рубаху, украшенную по подолу вышивкой, поверх сарафана — передник. На голове женщины яркий красный повойник, на шее — красная косынка, на ногах — берестяные лапти и холщовые наголенки (защита от насекомых). На плечах крестьянки орудия труда: деревянные грабли и вилы, а также коса-горбуша, обмотанная холстиной (такая коса удобна именно в Карелии для косьбы на небольших каменистых участках). За плечами молодой женщины берестяной кошель.

В этнографических заметках дореволюционного периода неоднократно подчеркивалось, что в вепсских деревнях с «ранней весны до поздней осени отсутствует почти все мужское население: оно уходит на камнетесные промыслы. И начинается странная картина. Все полевые и домашние работы выполняются женским трудом. Женщина идет за сохой, она сеет, она ставит изгороди, она косит сено и мечет стога».

Картина «На сенокос» является точным подтверждением этого описания. Перед нами типичный национальный образ женщины-вепсянки, на плечи которой легли все тяготы неженского труда (и в прямом, и в переносном смысле). Прекрасно загорелое лицо темно-волосой крестьянки, с правильными красивыми чертами. Художник восхищен несуетностью, простотой и душевной чистотой крестьянки, подчеркивает ее задумчиво-печальный, самоуглубленный взгляд. На сопоставлении Ершов дает изображение девочки лет восьми, идущей за матерью и как две капли воды на нее похожей. С точностью он передает их внешнее сходство, подчеркнутое общим ритмом движения фигур и характерными чертами национального костюма.

По принципу контраста построен и деревенский пейзаж. С фоном изумрудно-синего неба, с золотисто-розовыми отсветами восходящего солнца контрастируют тяжелые силуэты добротных двухэтажных домов, расположенных на холме. Слева от крестьянки виден берег озера, на контрасте с ним дана вертикаль паруса, которая воспринимается как знак деревенской пристани, откуда отправляется на промыслы мужское население вепсского села. Особую светоносность обретают в картине локально-открытые цвета: голубые, зеленые, желтые, которые вносят в общее звучание образа светлые интонации, придают картине песенный настрой.

Софонию Дмитриевичу Ершову удалось с годами усвоить лучшие качества отечественной живописной школы 1920–1930-х годов и на их основе создать свой самобытный язык. Можно предположить, что с некоторыми художниками этого времени (К. С. Петровым-Водкиным, А. Н. Самохваловым и другими мастерами), искавшими новые формы живописи, созвучные своему времени, Ершов был знаком уже в период его учебы в Петербурге. Во всяком случае, художнику были близки их новаторские поиски в области монументальной живописи. Выразительные средства монументальной формы позволили наполнить картину торжественным песенным звучанием, а образу главной героини — вепской крестьянки — придать черты поэтического национального символа.

Источники и литература

Макаревич В. Изобразительное искусство Карелии. — Петрозаводск, 1957. — С. 6.

Плотников В. И. Изобразительное искусство Советской Карелии. — Петрозаводск, 1961.

Кондратьев В. Г. Судьба художника в его картинах // Kodima, 2003. № 12. С. 2.

Вепские художники. Вепский календарь 2009–2010. — Петрозаводск, 2009. — С. 25.

Календарь знаменательных дат. 2013 год. 125 лет со дня рождения С. Д. Ершова.

Изобразительное искусство Карелии // Красная Карелия, 1935. № 16, № 158.

Строгальщикова З. И. Вепсы. — Петрозаводск, 2008. — С. 102–103, 138–145.

НА РК. Ф. 2. Оп.1. Д. 54/713. Л. 25.

НА РК. Ф. 689. О.15. Д. 4/9. Л. 114–117.

Награды Василия Ивановича Кононова в собраниях Шелтозерского Вепсского этнографического музея им. Р. П. Лони́на

Коллекция документов, фото и наградных знаков Василия Ивановича Кононова в фондах Шелтозерского Вепсского этнографического музея им. Р. П. Лони́на небольшая (всего 17 единиц хранения), но ценная.

Василий Иванович Кононов родился в вепсской крестьянской семье в д. Другая Река в 1905 году. Окончив школу, ушел на самостоятельные заработки. В 1929 году он поступил в Московский театральный техникум. С 1935 года работал художественным руководителем Шелтозерского сельского клуба. Из книги «Записки краеведа» Р. П. Лони́на узнаём: в 1936 году в с. Шелтозеро Василий Иванович собрал женщин-колхозниц, исполнительниц народных песен и организовал хоровой кружок. В декабре 1936 года состоялся районный смотр художественной самодеятельности, где выступление хора было высоко оценено.

В 1937 году хор пригласили на Декаду карельского искусства в г. Ленинград. Выступление женщин-колхозниц завоевало горячие симпатии слушателей. В музее хранится фотография того времени, на которой запечатлены Вепсский хор и Петровский хор у Екатерининского дворца в г. Пушкин, Ленинградской области (*Документ 1*).

Позднее В. И. Кононова переводят в г. Петрозаводск балетмейстером ансамбля песни и пляски «Кантеле» при Государственной филармонии. В 1951 году танцевальный коллектив ансамбля «Кантеле» под его руководством успешно выступил на Всемирном фестивале молодежи и студентов в г. Берлине, где получил 2-ю международную премию. В том же году за выдающиеся заслуги в области карело-финского советского искусства Василию Ивановичу присвоено почетное звание «Заслуженный деятель искусств Карело-Финской АССР» (*Документ 2*).

В 1959 году за большие заслуги в развитии советского искусства и в связи с декадой карельского искусства и литературы в г. Москве Василию Ивановичу было присвоено звание «Заслуженный деятель искусств РСФСР» (*Документ 3*).

В 1966–1967 годах В. И. Кононов руководил народным хореографическим ансамблем Дома культуры Сегежского целлюлозно-бумажного комбината. Под его руководством коллектив завоевал звание Лауреата Всесоюзного фестиваля самодеятельного искусства (*Документ 4*).

Несмотря на то что Василий Иванович Кононов работал в разных городах Карелии, он никогда не прерывал связь с родными местами. Не раз он приезжал на репетиции Шелтозерского вепсского хора со своими новыми работами. В фондах музея хранится поздравительная телеграмма Вепсскому народному хору с 40-летием от основателя хора: «Дорогие земляки, участники народного хора, поздравляю вас с 40-летием.

В. И. Кононов
(1904–1983) —
основатель Вепсского
народного хора

Желаю творческого труда, успехов и новых свершений. Внимательно следил за вашими выступлениями, вы меня покорили. СПАСИБО ВАМ, жду встречи. Всегда ваш Василий Иванович» (*Документ 5*).

В 1975 году Кононов В. И. был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета КАСССР (*Документ 6*).

Василий Иванович Кононов прошел путь от рабочего до балетмейстера. Знаток фольклора и этнографии, он заложил основы профессиональной хореографии в Республике Карелия. Во время чествования в связи с юбилеем, 75-летием со дня рождения, в Финском драматическом театре Петрозаводска в адрес Кононова были произнесены теплые слова: «Мудрый волшебник танца, открыватель талантов, первый балетмейстер нашей республики». В собрании музея находится афиша, которая приглашала всех желающих встретиться с В. И. Кононовым (*Документ 7*).

В. И. Кононов был дважды награжден орденами Трудового Красного знамени в 1951 году и в 1971 году, медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За трудовую доблесть» (*Документы 8, 9, 10, 11, 12, 13*).

С 1987 году на родине Кононова в д. Другая Река стал проводиться фольклорный праздник, посвященный его имени. Это день памяти выдающегося человека, праздник всего вепсского народа. В фондах музея

хранятся эмблемы 2-го Кононовского праздника и пригласительный билет на 3-й Кононовский праздник (*Документы 14, 15, 16*).

Наградные знаки и почетные грамоты были представлены на постоянной экспозиции «Современная культура вепсов» в Дом Мелькина с 1991 по 2012 год в выставках, посвященных памятным датам Вепского народного хора. Сегодня и в новой постоянной экспозиции Шелтозерского вепского этнографического музея им. Р. П. Лонины есть специальный раздел, рассказывающий об истории Вепского народного хора и его основателе Василии Ивановиче Кононове.

Наградные документы Василия Ивановича Кононова

Документ 1

ВКГМ ШО

Нвф-1307 Фото. Автор неизвестен. Вепский хор и Петровский хор, г. Пушкин. 1937 г. Оригинал, ф/бумага, серия. Р.: 17,6×12

Документ 2

ВКГМ ШО

Нвф-1013/а, б Почетная грамота заслуженного деятеля искусств Карело-Финской ССР. Президиум Верховного Совета Карело-Финской ССР тов. Кононову Василию Ивановичу присваивает звание «Заслуженный деятель искусств Карело-Финской ССР». № 98. г. Петрозаводск. 2 ноября 1951 г. На русском и финском языках. 1 л. плот. бум. сл. поп. Р.: 22,3×29,4 см. Печать типографская, рукопись. Оттиск круглой гербовой печати.

*Почетная грамота
заслуженного деятеля
искусств Карело-Финской ССР
В. И. Кононова. 1951 г.
Из фондов ШВЭМ*

Подписи: Председатель Верховного Совета КФССР О. Куусинен.

Секретарь Президиума Верховного Совета КФССР А. Богданов.

В красной ледерной папке.

Документ 3

КГКМ ШО

ОФ-217/а, б Почетная грамота.

Документ 4

ВКГМ ШО

Нвф-1012 нт. Диплом Лауреата Кононову Василию Ивановичу, руководителю танце-

вального коллектива Дома культуры Сегежского ордена Ленина целлюлозно-бумажного комбината (Карельская АССР), за творческие успехи на Всероссийском смотре художественной самодеятельности, посвященном 50-летию Советской власти. 1967 г. 2 л. наклеены на красную ледерную обложку. Оттиск круглой гербовой печати «Министерство культуры РСФСР».

Документ 5

ВКГМ-5495/1 Телеграмма от В. И. Коконова участникам Вепского народного хора. 5 марта 1977 г. Бумага. Печать типографская, машинопись, рукопись. Р.: 14,3×20,2 см. 1 л. сл. поп., оттиск почтового штемпеля.

Документ 6

ВКГМ ШО

Нвф-1014/а, б Почетная грамота. Президиум Верховного Совета Карельской Автономной ССР Коконова Василия Ивановича наградил Почетной грамотой за многолетнюю плодотворную работу в области искусства и в связи с 70-летием со дня рождения. г. Петрозаводск. 13 января 1975 г. На рус. и фин. языках. 1 л. плот. бум. сл. поп. Р.: 22×29,5 см. Печать типографская, рукопись. Оттиск круглой гербовой печати.

Подписи: Председатель Верховного Совета КФССР. Секретарь Президиума Верховного Совета КФССР. В красной ледерной папке.

Документ 7

КГМ ШО-1742 Афиша. Творческий вечер к 75-летию В. И. Коконова.

1980 г. 5 февраля. От Министерства культуры КАССР. Г. Петрозаводск. 1980 г. 1 л. Р.: 82×59 см. Печать тип. Типография им. П. Ф. Анохина, тираж 50 экз. Надпись шариковой ручкой «На память Лениным, В. И. Коконов»

Документ 8

КГМ ШО-2792

Орден Трудового Красного знамени № 176307. Металл, ткань. Промышленное пр-во. Вручен 29 октября 1951 г.

Документ 9

КГМ ШО-2793

Орден Трудового Красного знамени № 630086. Металл, ткань. Промышленное пр-во. Вручен 3 декабря 1971 г.

*Почетная грамота
заслуженного деятеля
искусств РСФСР
В. И. Коконова. 1959 г.
Из фондов ШВЭМ*

*Орденская книжка В. И. Кононова. 1951 г.
Из фондов ШВЭМ*

*Медаль «За трудовую
доблесть» В. И. Кононова.
1971 г. Из фондов ШВЭМ*

Документ 10

КГМ ШО-2791

Орденская книжка Кононова В. И. Г№ 452207. 3 декабря 1951 г. Р.: 10,5×7,5 см. Печать тип., рукопись. В ледерной обл. красного цв.

Документ 11

КГМ ШО-2787 Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Металл, ткань. Промышленное пр-во. Р.: d–3,2 см.

Документ 12

КГМ ШО-2788 Удостоверение к медали «За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны» В. И. Кононова. № 0172771.

Документ 13

КГМ ШО-2790 Медаль «За Трудовую доблесть СССР». Металл, ткань. Промышленное пр-во.

Документ 14

ВКГМ ШО

Нвф-65 Эмблема нагрудная праздника вепской культуры. С. Шелтозеро. Июнь 1988 г. 1 л. бум. Р.: 7,4×10,5 см. Аппликация петуха малинового цвета.

Документ 15

ВКГМ ШО

Нвф-66 Эмблема праздника вепской культуры. С. Шелтозеро. Июнь 1988 г. 1 л. бум. Р.: 28,9×30,8 см. Аппликация петуха белого цвета.

Пир народов на земле Вира

Известный исследователь финно-угорских народов В. В. Пименов однажды признал вепсов историко-этнографической загадкой¹.

Такое определение маститого ученого отнюдь не кажется проявлением слабости перед решением уравнения со всеми почти неизвестными. Здесь скорее восхищение головоломкой Клио, запершей вход в удивительный мир древнего народа, так что ученым, не подобравшим ключа, остается лишь глядеть в замочную скважину.

Когда научные формы познания оказываются бессильны, накопленных фактов для построения строго научной картины явления критически мало и логические построения рушатся, как карточный домик, а сердце исследователя при этом продолжает изнывать от неразделенного чувства, на помощь ему приходит художественное озарение и интуиция.

Заведующая сектором языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, доктор филологических наук Нина Григорьевна Зайцева в вепсском мире личность поистине легендарная. Без всякого преувеличения! Нет смысла перечислять, а тем более доказывать ее заслуги, когда любой желающий без труда найдет эту информацию в Интернете. Скажу лишь о том, что молодая вепсская литература многим обязана Нине Григорьевне именно сочетанием в ее душе движимых нескончаемой силой любви к звукам родной речи качеств ученого-исследователя и наделенного огромным талантом поэта.

Впервые эпическая поэма «Вирентаназ», написанная на вепсском языке, была представлена публике в 2012 году. Через год вышел в свет ее перевод на финский язык. И вот, наконец, перед нами русский перевод, осуществил который Вячеслав Агапитов. Сама Нина Зайцева, автор оригинального произведения, так поясняет свой замысел: «В основу эпоса «Вирентаназ» мною положены вепские плачи и заговоры,

¹ Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры / В. В. Пименов. — Ленинград: Наука, 1965. — С. 9.

Н. Г. Зайцева, автор вепсского
эпоса «*Virantanaz*»

а также сведения о вепсах, изложенные в этнографической литературе, и мое собственное знание уклада вепсской жизни «изнутри».²

Название происходит от двух слов: «Вир» — это традиционное вепсское мужское имя, «таназ» — подворье, земля, обжитая Виrom и оставленная им своему народу». Таким образом, в самом названии, образованном сходно со всемирно известной «Калевалой» — землей Калева, зашифрована амбициозная идея: подарить своему народу культурную память, уважение к предкам, а через

это и уважение к себе сегодняшним, отличным от других народов, но и стоящих с ними в одном ряду и имеющим на это полное историческое право. Более того, этот посыл обращен не в прошлое, а в будущее, где он и призван обрести — чем дальше, тем больше — стихийную энергию ретроспективы. Именно с этой стороны «фасад» произведения кажется мне наиболее величественным.

Можно признать отчасти несправедливым, что вся слава великого эпоса «Калевала» досталась карелам и финнам. Записанные Элиасом Лённротом руны — со слов по большей части карельских сказителей — скрепили и защитили от внешних невзгод народ Суоми едва ли не круче линии Маннергейма. Да еще и оказались в сокровищнице мировой литературы! А ведь древние мифологические пласты эпоса от сотворения мира до выплавки железа, включая и образ самого исполина Калева, принадлежат тем временам, когда дерево финно-угорских народов еще не было таким ветвистым. С этой точки зрения «Калевала», безусловно, является частью духовного пространства и нынешних вепсов тоже. Но — и это главное «но» — сохранили для себя и передали потомкам древние руны именно отчие племена ны-

² <http://cultinfo.ru/infoproject/vepsy/index.php?id=28> Интервью с лингвистом Ниной Зайцевой о работе по сохранению вепсского языка.

нешних восточных финнов и карелов, сохранили их на своем наречии. В эволюционной борьбе за выживание этносов племени ямь и корела приобрели, что называется, прогрессивный признак — умение сбегать и сохранить национальное достояние. А племена летописной веси, как это ни горько осознавать их потомкам, в силу ли национальных черт или в силу обстоятельств щедро и почти без остатка поучаствовали в формировании соседних народов. «Чудь начудила да Меря намеряла» — напоминает Александр Блок о племенах, оставивших свой след в истории Руси..

По теории этногенеза, максимально осторожно, так, чтобы не попасть на минные поля сторонников и противников этой теории, необходимо отметить, что к концу IX века весь уже была довольно старым народом, достаточно влиятельным, чтобы поучаствовать в создании древнерусского государства, но недостаточно энергичным, чтобы продолжать бороться за место под солнцем. Нестор прописал весь на Белоозере³, а чудь близ моря Варяжского, т. е. Балтийского⁴. Сами (лопари) и корела не были отмечены в «Повести» ни как данники, ни как бенефициары Новгородского государства. Это при том, что древность самобытной культуры карелов не вызывает сомнений, и оттого кажутся обоснованными версии о происхождении карельского народа из взаимодействия чудских и вепских племен.

Часть веси под напором активных переселенцев перемещалась на запад по реке Оять, в среднем и нижнем течении которой сохраняются десятки курганов — захоронений древнего народа, по мнению исследователей и называемого летописной весью⁵, часть веси обжило пространство между Онежским и Ладожским озерами. И как угасает, вибрируя, последний звук кантеле, как бывает допета, казавшаяся бесконечной, старинная песня и вскакивает, радостно галдя, молодежь, так вдруг порвалась спайка рода, рассыпались имена на буквы, и вновь из этих букв стали складываться иные имена.

³ Повесть временных лет / Пер. Д. С. Лихачева. — Петрозаводск: Карелия, 1991. — 191 с.: ил., с. 19.

⁴ Повесть временных лет / Пер. Д. С. Лихачева. — Петрозаводск: Карелия, 1991. — 191 с.: ил., с. 16.

⁵ Кочуркина С. И. Сокровища древних вепсов. — Петрозаводск: Карелия, 1990. — 126 с.: ил., с. 23.

Сегодняшний вепс так же далек от летописной веси, как русский помор далек от словен и кривичей. В самоопределении этноса сохранение и развитие языка — вопрос первостепенный. Но и язык в тысячелетней притирке соседних народов отдаляется от первобытного оригинала. Современный вепсский язык имеет три диалекта, но все они нашли свое место в вепсском литературном языке. Тридцать лет небольшой срок для формирования письменной традиции. Поэтому писателю-первопроходцу не остается ничего иного, как обратиться прямо к «земле», т. е. к древней вепсской культуре, дающей право на самоидентичность. Без этого укоренения невозможны ни индивидуальное, ни национальное начала в художественном творчестве.

Имея в виду все это, взялась Нина Зайцева за многолетний труд. Одновременно ею были заложены основы вепсской письменности, выпущен букварь и множество учебников, переведены на вепсский язык библия и эпос «Калевала», бережно собраны крупницы фольклора. В поэме «Вирантаназ» сохранено знание о вепсах автора — одного из самых известных и уважаемых ученых в области вепсского языка и литературы. «Калевала» образует как самый нижний и древний культурный слой, общий для родственных народов, так и верхний культурный слой, принадлежащий исключительно карелам и финнам. «Вирантаназ» охватывает период XV–XVII столетий, когда вепсы уже уверенно торили свой путь, тем самым не вторгаясь в культурно-исторический и литературный феномен несравнимо старшего и более величественного произведения. Таким образом, чтобы у будущих исследователей не возникало соблазна противопоставить или сравнить эпосы, этикет был соблюден безукоризненно.

Поскольку речь в нашем случае идет о русском переводе, оценку художественного значения труда для вепсской национальной литературы опускаю. В то же время необходимо отметить, что перевод Вячеслава Агапитова, не менее известного поэта, переводчика, краеведа, много времени посвятившего изучению заонежской культуры, сам по себе символичен и ценен. По сути, это самостоятельное культурное явление. Достаточно вспомнить какое заметное влияние оказала вепсская самобытность на формирование особого заонежского диалекта, уклада жизни русских переселенцев. Любое взаимодействие может быть только обоюдным — это фундаментальный закон все-

ленной. И вот локальное взаимодействие двух народов, сказавшееся в культуре, языке, быте, мифологии, сегодня откликается легким, естественным, гармоничным восприятием образной, символической, эстетической, отчасти даже семантической категорий художественного произведения. Использование переводчиком диалектных заонежских слов оправдано не только стилистически, но и, учитывая все вышесказанное, метафизически. Это ничуть не выглядит искусственным для русскоязычного читателя, а наоборот, создает особую атмосферу погружения в реальность описываемых событий на подсознательном уровне. Именно такую силу, по моему мнению, имеют забытые имена обычных вещей.

Песни, старины, заговоры, сказы и плачи, составляющие ядро духовного наследства предков, чудом еще сохранившегося и собранного у носителей языка во время многочисленных экспедиций, переведены легко и вдохновенно. Сюжет «Вирантаза» несложен и подчинен этому ядру. Персонажи, кроме мифологического прародителя вепсов медведя — Конди, — отнюдь не сказочны. Вир и Айра, их дети — самая заурядная семья. Но вокруг — одухотворенный сказочный мир, в лесу и в воде живут леший, водяной и русалки, а в избе хозяйничает домовая. Вир — вепсский знаменитый охотник, чьим прообразом стал промысловик Мартьянов, житель Шимозерья, он двуязычен, говорит по-вепски и по-русски. Айра из народа саами, обогатила речь вепсов лапландскими словами. Тетка Вира Анни — знахарка, «...знала мудрость Веси». Пастушок Ваня, которому Анни перед смертью передает лесные тайны, веселит народ в деревне напевной игрой на свирели. Русский князь сватается к дочери Вира красавице Тали, перед тем, спасая его на охоте, Вир убивает медведя. Не того Конди, что учил свой народ этическим и экологическим правилам жизни в ладу с природой, но все же его *alterego*. Все вместе — это авторская схема, модель мира, который в поэме оживает, наполняясь песнями-сказами, колдовской силой веси. Тот же пастушок ищет сезонной работы на чужбине: в Заозерье, в Заволочье, так и крутится у Вячеслава Агапитова на языке родное Заонежье! Чудный наш край Карелия, сохранились здесь в памяти людской и богатства карельских рун и сокровища русских былин, и золотые россыпи народных песен!

Летела пташечка,
Да летела серая
Из-за моря дальнего
Да все в край родной.
Из-за моря дальнего
Да к себе на родину,
Ветер в крылья дул
С полной силою.
Ветер в крылья дул,
Помогал лететь,
Легку перышку
С крыльев дал слететь.

Чего мне не хватило в поэме, так это поэтического описания вепских обрядов, не короткими мазками, а широкой кистью. Так, чтобы не зарисовки, а картины народной жизни проступали на ткани поэтического холста. Выпукло, зримо, со множеством незнакомых современному человеку деталей. Сватовство, свадьба, роды или похороны неизменно в деревнях сопровождались привычным ритуалом, замешанным на народных обычаях, поверьях, предрассудках. Сватовство, например, по записи З. И. Строгальщиковой, начиналось с моления перед иконами, при этом молодых ставили на шубу, лежащую мехом вверх. Затем уже — после сделки о приданом — начинались причитания. После мытья в бане невеста становилась на сковороду, ее обливали молоком или соленой водой. На соленой воде пекли рыбник, которым потом угощали жениха, на молоке пироги. Вопросы «зачем» и «почему» остаются за этим многоцветным кадром, живым и любопытным⁶.

На одной из встреч, посвященных выходу поэмы на русском языке, Нина Григорьевна призналась, что труд ее не окончен. И вполне возможно, как наши пожелания, так и задумки автора, вовсе еще неизвестные публике, найдут место на страницах будущих книг. Что ж, в основу положено главное: из разрозненных источников, часто русскоязычных, записей, воспоминаний собрана воедино книга, по кото-

⁶ *Строгальщикова З. И.* Вепсы. Очерки истории и культуры. Документирование языка, — СПб.: Изд. дом «Инкери», 2014. — 284 с.: ил. С. 157–161.

рой будущие ученики на родном языке смогут изучать историю своего народа, его культуру, его обычаи и привычки. И этот урок не будет методически скучен или научно многословен. Благодаря переводу В. Агапитова и русский читатель прикоснется к фольклорно-песенной и бытовой традиции братского вепсского народа, включая, безусловно, и традицию, заложенную самим новейшим фактом существования эпической вепсской поэзии. Нина Зайцева сумела придать вепсскому языку вершинную форму эпоса, где в качестве структурной единицы использована двенадцатистрочная *рифмованная* строфа. Русский перевод украсил произведение новыми — заонежскими обертонами и местами придал звучанию мотивы песен Русского Севера, что в силу давней близости культур двух народов не ощущается стилистически чужеродным. В целом перевод «Вирантаназ» состоялся и его должно признать удачным.

Об уроженцах вепсского края, строителях соборов Санкт-Петербурга

О купцах-подрядчиках и мастерах-каменотесах, уроженцах вепсского края, работавших в Петербурге, известно мало. Лишь некоторые исследователи упоминали о том, что в конце XVIII – начале XIX вв. крестьяне из Шелтозерской, Шокшинской, Остречинской и других присвирских волостей занимались каменными работами при строительстве Адмиралтейства, Исаакиевского и Казанского соборов, домов и набережных в Петербурге¹. Назывались и имена некоторых подрядчиков. Так, в 1760-х годах купцы Л. Пентешин и Е. Бекренев, уроженцы Остречинской волости, богатые приписные крестьяне М. Иванов и К. Сысоев в Шелтозерской волости нанимали рабочих на строительство Екатерининского канала, а подрядчик Ф. Попов из Остречинского погоста нанимал рабочих для обработки и доставки «дикого морского камня» (*так называли гранит рапакви, который добывали в Пютерлаксе, близ города Фридрихсгама, ныне Хамина*) для строительства на реке Неве мостов и набережных. Подрядчик Т. Медведев из Рыборецкой волости нанимал крестьян в Шелтозерской и Шокшинской волостях «в казенную каменную работу» в Кронштадте и для заготовки «дикого камня» на Выборгских островах. Каменотесы из Шелтозерской, Шокшинской, Рыборецкой и Гиморецкой волостей работали на строительстве дворца графа А. А. Аракчеева в селе Грузино Обводного канала в Петербурге. Они возводили из «дикого камня» колоннады с воротами у здания банка на Сенатской площади. В 1840-х годах у подрядчиков Ивана Власова и Ивана Васильева из Шелтозерской волости работали его земляки,

¹ Балагуров Я. А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII–XIX вв. — Петрозаводск. 1962. — С. 177, 204, 216–217, 220–222, 234–235, 244; Кораблев Н. А. Пашиков А. М. «Олончане-молодцы: санкт-петербургские купцы» — выходцы из Олонецкой губернии (XVIII – начало XX века) // История предпринимательства в России XIX – начала XX века. Вып. 2. — СПб., 2006. — С. 395–413; Кораблев, Н. А., Мошина Т. А. Городские головы Петрозаводска. 1778–1918 гг. — Петрозаводск, 2008. — С. 12–13 (Бекреневы); Санкт-Петербургский некрополь. Том 4 / Составитель В. И. Сайтов. — СПб., 1913. — С. 548 (Шихин).

перестраивая гранитную набережную реки Фонтанки от Измайловского до Калинкина моста². Десятки каменотесов работали в 1792–1793 годах по контрактам с купцом Е. Бекреневым на добыче камня в Выборгской губернии, на строительстве берегов проводного канала и итальянского пруда в Кронштадте. Среди них были и крестьяне д. Парфиевской Шокшинской волости Тарас Ларионов с сыном Луппой Тарасовым, д. Артемьевской той же волости Егор Ипатов Кононов³. Количество каменотесов-отходников росло год от года. К середине XIX века более 2500 каменотесов из Шелтозерской, Шокшинской, Рыборецкой волостей работали по найму на заготовке камня и на строительстве⁴.

В монографии «Пименовы: династия предпринимателей, благотворителей, общественных деятелей» раскрыта деятельность лишь одного предпринимателя начала XIX века Марка Пименовича Пименова, строителя мостов в Санкт-Петербурге и фортов в Кронштадте⁵. Другие имена остаются в забвении, и до сих пор никто из историков и краеведов не занимался конкретно этой темой.

В данной статье автором предпринята попытка выявить имена других подрядчиков из Шелтозерской, Шокшинской и Остречинской волостей, которые принимали участие в возведении Исаакиевской церкви и Казанского собора. В публикациях, посвященных их участию в строительстве и каменном убранстве этих зданий, приводились лишь единичные фамилии купцов-подрядчиков и мастеров-каменотесов.

В Российском Государственном историческом архиве (далее — РГИА) и Национальном архиве Республики Карелия (далее — НА РК) нами были найдены контракты и другие документы, которые помогли раскрыть особенности деятельности подрядчиков, систему их взаимоотношений с заказчиками, партнерами и рабочими.

² Балагуров Я. А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII–XIX вв. — Петрозаводск. 1962. — С. 233–237.

³ НА РК. Ф. 63. оп. 3. д. 78/620. л. 184 об., л. 186 об.—188.

⁴ Балагуров Я. А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII–XIX вв. — Петрозаводск. 1962. — С. 237.

⁵ Кораблёв Н. А., Мошина Т. А. Пименовы: династия предпринимателей, благотворителей, общественных деятелей. — Петрозаводск, 2013. — С. 5–34.

Основные породы декоративного камня, используемые при строительстве построения соборов

Исаакиевский и Казанский соборы по праву считаются своеобразными музеями камня. Для их строительства и украшения было использовано более сорока различных пород декоративных камней. В данной статье речь пойдет о тех из них, заготовку и выделку которых производили в Олонецкой, Выборгской и Санкт-Петербургской губерниях. Олончане имели подряды на производство работ именно в этих регионах. В Санкт-Петербургской губернии это был пудостский камень (от одноименной деревни Пудость, другие названия: *пудожский, пудошский, пудовский, пудостьский*). Его добывали в долине реки Ижоры, около Гатчины⁶. В Выборгской губернии это были граниты и мраморы. Ломки гранита рапакиви (другие названия: дикий, морской, финский розовый морской) производили в Пютерлаксе, близ города Фридрихсгама (ныне Хамина), в приходе Виролахти (или Ведерлаксе), в Туппурансаари, около Выборга. Мрамор добывали на острове Ювень (Йоенсуу) (по месту добычи его называли ювенским) и в Рускеала около Сердоболя. Олонецкая губерния была известна тивдийским мрамором, шокшинским кварцитом, аспидным сланцем, соломенной брекчией и др. Тивдийский мрамор добывали около деревни Тивдия (на месторождении Белая гора различали семь разновидностей), шокшинский кварцит (его также называли шоханским порфиром) — у села Шокша, аспидный сланец (нигозерский сланец, черный аспид или шифер) — близ села Нигозеро; соломенная брекчия — около села Соломенное⁷.

Из истории строительства Исаакиевского собора

В Санкт-Петербурге в разное время было построено четыре храма во имя преподобного Исаакия Далматского. Деревянное одноэтажное здание первой Исаакиевской церкви было перестроено из адмиралтей-

⁶ Булах А. Г. Казанский собор в Петербурге (1801–2012): Каменный декор и его реставрация. 1801–2012. — СПб., 2012. — С. 32.

⁷ Булах А. Г., Абакумова Н. Б. Каменное убранство центра Ленинграда. — Л., 1987. — С. 22, 26, 28, 33, 39–41, 44–46, 50, 60–61.

ской чертежной и освещено в 1707 году (ныне на этом месте стоит фонтан). Здание второй каменной Исаакиевской церкви строилось по проекту Г. И. Маттарнови (ныне на этом месте находится Медный всадник) и освящено в 1727 году. Как удалось выявить, выходцы из Олонецкой губернии имели подряды на строительстве третьего собора, построенного по проекту Антонио Ринальди (освящен в 1802 году, разобран в 1819 году), и четвертого собора, автором которого был Огюст Монферран (освящен в 1858 году). О каменном убранстве третьего Исаакиевского собора написано недостаточно. Его стены были выложены из гранита рапакиви, облицованы рускеальским мрамором. В интерьере использовали тивдийский мрамор. Заготавливали и поставляли гранит и мрамор для этого здания купцы Ефим Бекренев (1743–1803), родом из Остречинского погоста, вместе с петрозаводскими купцами Никифором (1778–1823) и Федором (1784–02.01.1832) Вонифатьевыми⁸. В 1799–1800-х годах Ефим Бекренев и Никифор Вонифатьев по контракту, заключенному 1 мая 1798 года, обязались выломать на Рускеальских мраморных ломках «назначенное количество белого ... мрамора по данным шаблонам и рисункам», отделать и перевезти за 30 верст «сухим путем до Гелюльской пристани с починкою дорог собственным коштом» (то есть, на свои средства. — *Т.М.*), а затем водным путем доставить в Петербург. Нанятые ими работники выломали, обработали и доставили 37859 пудов 17 фунтов мрамора, за что купцы получили 35 521 рублей. Треть этого мрамора пошла на базы, ступени и капители Михайловского замка⁹.

Иван Карпович Пентешин (1757–29.02.1807, Петрозаводск) был выходцем из д. Большой Двор (Большаковщина) Остречинского погоста. Разбогатев, он перешел сначала в петрозаводское купечество, позже стал петербургским мещанином. В 1787–1792 годах он имел подряды на перевозку мраморных блоков и плит, предназначенных для облицовки наличников Исаакиевского собора, из Тивдии в Кондопогу, а затем водным путем в Петербург¹⁰.

⁸ Балагуров Я. А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII–XIX вв. — Петрозаводск, 1962. — С. 123; Кораблев, Н.А., Мошина Т. А. Городские головы Петрозаводска. 1778–1918 гг. — Петрозаводск, 2008. — С. 12–13; НА РК. Ф. 63. оп. 1. д. 30/2. л. 3, 6, 31, 60.; Ф. 63. оп. 18. д. 60/562. л. 96 об.; Ф. 656. оп. 1. д. 81/1186. л. 1, 3.

⁹ РГИА. Ф. 468. оп. 1. ч. 2. 1804. д. 3921. л. 194–197 об.

¹⁰ НА РК. Ф. 25. оп. 22. д. 29. л. 136 об.; Ф. 4. оп. 51. д. 6/16. л. 160–162, д. 6/18. лл. 117, 279, 391, 432–435; Ф. 63. оп. 3. д. 542. лл. 4–6.

*Групповой портрет рабочих-строителей.
Литография Байо по рисунку О. Монферрана. 1836 г.*

Источник: Чеканова О. А., Ротач А. Л. Огюст Монферран. Ленинград: Стройиздат, 1990. С. 138.

Отметим, что техника выломки мрамора и гранита в конце XVIII – начале XIX веков мало отличалась от времен средневековья. Процесс выломки требовал много времени, опыта и сноровки каменотесов. В 1820–1830-е годы в каменоломнях Рускеалы работало от 300 до 800 человек, на Выборгской ломке до 350 человек. Мрамор добывали буровзрывным способом. Вначале рабочие при помощи буров и молотов долбили рвы вдоль подошвы уступа карьера и по краям размеченного блока, затем сверлили в мраморе отверстия, которые забивали порохом и подрывали. Аналогичную работу проделывали и с тыльной стороны блока. После чего блок откалывался от скалы и оседал на дно карьера на россыпи щебня. За день двое рабочих сверлили от 2 до 4 метров породы¹¹. Гранит выламывали из скалы буроклиновым способом, т. е. при помощи металлических клиньев и танг для бурения, кувалд, ворота, полиспасты, бревенчатых кат-

¹¹ *Борисов И. В.* История горного дела Северного Приладожья (XVII в. – 1939 г.). — Сортавала, 2009. — С. 26.

ков. Сначала мастер размечал границы добываемого блока, для чего на скале вырубались борозды. Затем в бороздах вручную высверливались шпуры на глубину пластовых трещин. Отрыв обуренных блоков от скалы осуществлялся при помощи клиньев, забиваемых в шпуры. При разделке блоков на «штуки» также применялся буроклиновый способ. Нужную форму и фактуру мраморным и гранитным заготовкам каменотесы придавали при помощи зубил, долота, киянки, кувалды и других инструментов. Зимой блоки грузили на сани, в которые впрягалось несколько десятков лошадей, и тащили до деревни Хелюля. Весной из Санкт-Петербурга приходили галиоты с продуктами, их загружали мраморными блоками и отправляли по реке Хелюля, Ладожскому озеру и Неве до столицы¹². Окончательная обработка гранитных и мраморных блоков производилась в специальных мастерских, расположенных поблизости со строящимися соборами¹³.

Работа бурильщиков, каменотесов, кузнецов была травмоопасной. Однако на ломках долгое время не было лекарей. Только в 1820-е годы, после визита О. Монферрана на Рускеальские ломки и его обращения в Комиссию по строительству Исаакиевского собора, а Комиссии — к императору, было дано распоряжение об учреждении лазарета в Рускеале¹⁴.

В 1818 году по Указу Александра I была создана Комиссия для перестройки Исаакиевского собора. Ее Председателем стал член Государственного совета граф Н. Н. Головин¹⁵. Для отделки нового здания использовались все местные граниты и мраморы, которые применялись в то время на строительстве Петербурга. Основным материалом для конструкций нового здания (фундамент, стилобат, колонны) был гранит рапакиви из карьеров Пютерлакса, для облицовки фасадов храма, резных порталов наружных дверей — рускеальский мрамор. Тивдийский мрамор розового цвета использован в отделке цокольной части стен и пилонов, центрального нефа, многочисленных пилостр

¹² Там же. С. 24–29.

¹³ Булах А. Г. Казанский собор в Петербурге (1801–2012): Каменный декор и его реставрация. 1801–2012. — СПб., 2012. — С. 180; Шурыгин Я. И. Казанский собор. — Л., 1961. — С. 21.

¹⁴ НА РК, Ф. 37. оп. 1. д. 15/144а. л. 84 об., 97 об.

¹⁵ РГИА, Ф. 1311. оп. 1. д. 92. л. 28, 29; Бутиков, Г. П., Хвостова, Г. А. Исаакиевский собор. — Л., 1974. — С. 26.

коринфского ордера и астрагала фриза. Плитами рускеальского мрамора серых оттенков и тивдийского розового мрамора в виде косой шахматной клетки был выложен пол. Центральную, подкупольную часть пола украшает розетка из тивдийского мрамора. Прочный шокшинский порфир темно-красного цвета украсил стены и пилоны храма, фриз большого антаблемента, Царских Врат, главного иконостаса (солеи, ступеней, деталей цоколя и др.). Соломенская брекчия использована в оформлении иконостаса придела Святой Екатерины, а также цокольной части стен и пилонов (из брекчии выполнены прямоугольные филенки и круглые медальоны). Из серого аспидного сланца выполнена нижняя часть широкого плинта цоколя стен храма¹⁶. Добыча и обработка соломенской брекчии из-за ее большой хрупкости была особенно трудной. По мнению А. Г. Булаха и А. Г. Аббакумовой, украшение Исаакиевского собора «тщательно отполированными блестящими вставками из соломенской брекчии» является «плодом огромного мастерства и великого терпения ... камнетесов», среди которых, несомненно, были и олончане¹⁷.

Заготовкой и перевозкой камня для нового здания собора занимался Василий Луппов Варапайкин. Василий Варапайкин (1768?-19.05.1819) и его дядя Афанасий Артемьев Варапайкин, уроженцы д. Васильевской Шокшинского погоста, имели свой лесозавод, занимались добычей шокшинского кварцита. С конца 1790-х годов Варапайкины проживали в Петербурге. Они брали подряды на строительство разных объектов, в том числе и Обводного канала¹⁸. (Позже известным подрядчиком станет и двоюродный брат Василия Варапайкина — Марк Пименович Пименов, строитель Аничкова моста и Кронштадтских фортов). Инженер-полковник Петр Базен, руководивший сооружением Обводного канала, отзывался о подрядчике В. Варапайкине как о «человеке благонадежном, исполнительном

¹⁶ Чеканова О. А., Ротач А. Л. Огюст Монферран. — Л., 1990. — С. 60–64; Борисов И. В. История горного дела Северного Приладожья (XVII в. – 1939 г.). — Сортавала, 2009. — С. 23–24.

¹⁷ Булах, А. Г., Аббакумова, Н. Б. Каменное убранство центра Ленинграда. — Л., 1987. — С. 61.

¹⁸ Балагуров Я. А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII–XIX вв. — Петрозаводск, 1962. — С. 234; НА РК. Ф. 4. оп. 45. д. 4а/28. л. 14об., 22а; НА РК., Ф. 25. оп. 22. д. 84. л. 788; Ф. 4. оп. 19. д. 1/7. л. 30–30 об.

в обязательствах принятых им на себя»¹⁹. По контракту, заключенному с Комиссией 27 марта 1818 года, Василий Варапайкин обязался «своим коштом и своими людьми» добыть в Выборгской губернии и поставить для цоколя собора шестьдесят квадратных сажений тесаного дикого камня (гранита рапакиви. — *Т. М.*). Блоки камня, «вышиною в один с половиной аршин, длиною от двух с половиной до трех аршин, толщиною в постели в один аршин, имеющего в усах не менее восьми вершков», причем, рабочие, в основном, выходцы из Шокшинского прихода, должны были обтесывать «чисто и исправно». Треть добытого камня пошла для нужд Монетного двора, где в то время велось строительство паровой мельницы и плющильной машины²⁰. После кончины подрядчика работы по контрактам продолжила его жена — Анастасия Ивановна Варапайкина (1772–8.03.1835, д. Васильевская Шокшинского прихода)²¹.

Одним из крупных подрядчиков, долгие годы заключавшим контракты с Комиссией по строительству Исаакиевского собора, был петербургский купец первой гильдии Архип Евсеевич Шихин (1755–13.12.1830, Петербург). Архип Шихин был уроженцем Олонецкой губернии (его отец жил в д. Заозерье Важинского погоста, где карелы соседствовали с вепсами). Рабочих людей он нанимал обычно в Остречинской, Шелтозерско-Бережной и Рыборецкой волостях²². С 1819 года Шихин заключал контракты с Комиссией на выломку гранита в Пютерлаксе Фридрихсгамского уезда²³. Одним из его партнеров по поставке гранитных баз для колонн был известный подрядчик и каменных дел мастер Самсон Кондратьевич Суханов, выходец из Вологодской губернии²⁴. В соответствии с контрактом, заключенным 28 июля 1821 года, Шихин с Сухановым обязались в очень ко-

¹⁹ РГИА. Ф. 1311. оп. 1. 1818. д. 22. л. 4.

²⁰ Там же. л. 1–4, 11–15.

²¹ РГИА. Ф. 1311. оп. 1. 1818. д. 22. л. 31, 33.

²² Санкт-Петербургский некрополь. Том 4 / Составитель В. И. Саитов. — СПб., 1913. — С. 548; НА РК. Ф. 446. оп. 1. д. 98/525; Ф. 446. оп. 1. д. 107/557. л. 9 об. — 10.

²³ РГИА. Ф. 1311. 1819 г. оп. 1. д. 39, д. 45; Ф. 1311. 1821 г. оп. 1. д. 139; д. 152; Ф. 1311. 1823 г. оп. 1. д. 197; Ф. 1311. 1826 г. оп. 1. д. 353.

²⁴ РГИА. Ф. 1311. 1821 г. оп. 1. д. 145; Яковлев К. В. Каменных дел мастер Самсон Суханов // Андрей Никифорович Воронихин. Мастер, эпоха, творческое наследие. — СПб., 2010. — С. 197–204.

роткий срок, до 15 сентября того же года, «своим коштом и своими рабочими людьми» выломать камень, доставить его в Петербург, выгрузить на берегу у Сената, обтесать «по выданному от архитектора шаблону и пустить к месту строения». Цена за каждую базу была установлена 1800 рублей. С выполнением этого контракта они успешно справились и получили право на выполнение еще более ответственных и трудоемких работ²⁵. Так в историю строительства собора вошла доставка от Пютерлакских каменоломен до Сенатской пристани колонн для собора, их перекатка на место стройки, организованные Шихиным и его мастерами²⁶. Это событие, проведенное в присутствии царских особ, было описано современниками и запечатлено несколькими художниками. Французский путешественник Дюпре де Сен Мор оставил такие заметки: «Публика не представляла себе, как можно выполнить эту перевозку: если и будет найдено средство отделить от почвы эти огромные глыбы, то будет ли в человеческих силах перенести их на большое расстояние... В течение многих дней ожидание занимало умы», а в памятный день «огромная толпа наводнила набережную и Исаакиевскую площадь, чтобы быть свидетелями этого чуда. Эта работа — высший образец человеческого терпения, мощи и знания»²⁷.

Интересно и то, что купец А. Е. Шихин (под своим именем. — Т. М.) фигурируют в романе Леонида Рахманова «Базиль», посвященном строительству Исаакиевского собора. Причем Архип Шихин (автор описал его как коренастого, рыжебородого с хитрыми глазами человека, наделенного энергией и опытом в своем деле) является одним из главных героев повествования. Л. Н. Рахманов, изучавший первоисточники в архиве, именно ему приписал фразу: «Нет выгоднее торговли каменотесцами. Прикажи только — горы ворочают. Для кого там в карьерах. — Т. М.) каменные горы, а для меня золотые...»²⁸.

Архитектор О. Монферран лично выезжал на ломки в Пютерлак и Рускеалу. После обозрения Рускеальских ломок в сентябре 1821 года

²⁵ РГИА. Ф. 1311. 1821 г., оп. 1, д. 145, л. 2.

²⁶ РГИА. Ф. 1311. 1823 г., оп. 1, д. 208.

²⁷ Бутиков, Г. П., Хвостова, Г. А. Исаакиевский собор. — Л., 1974. — С. 34.

²⁸ Рахманов Л. Н. Базиль. Рахманов Л. Н. Избранное. Повести разных лет. — Л. 1983. — С. 100.

(в то время там велись работы по контрактам петрозаводского купца А. К. Герчина, в Пютерлаксе — А. Е. Шихина), Монферран в отчете писал: «Работы в полном действии, каменоломня в хорошем состоянии, на всей высоте горы разделена по направлению разноцветных слоев, и очищена от щебня... все казармы, магазины, мастерские в надлежащей исправности». Он высоко оценил и качество мрамора разных сортов и оттенков (белый, желтоватый, сероватый, синий), заготовленного для стен, цоколя, дверей, архитрава портика Исаакиевского собора: «надлежащей меры и без малейших наружных трещин и недостатков» и сделал такой вывод: «ни одно здание, ни древнее, ни новое, не имеет столь великолепной одежды, каковую составит подобный мрамор». Немаловажно отметить и то, что О. Монферран после поездки сделал представление в Комиссию о поощрении 52 мастеровых и рабочих «в награду за усердие к работе» (всего на сумму 805 рублей)²⁹.

Замечательным документом являются и рисунки архитектора Огюста Монферрана, в которых он отразил основные этапы строительства собора: вырубку и обработку монолитов, их погрузку на суда и баржи, доставку в Петербург, выгрузку и перевозку к месту строительства, подъем колонн, а также и самих строителей, казармы и землянки, в которых они жили. Литографии с рисунков были изданы в Париже в специальных альбомах с комментариями Монферрана³⁰.

Из истории строительства Казанского собора

На месте ныне известного здания Казанского собора была когда-то деревянная часовня. В 1737 году по Указу императрицы Анны Иоанновны был возведен каменный Казанский храм (проект М. Г. Земцова). Строительство собора по проекту Андрея Никифоровича Воронихина велось в течение в 1800–1811 годов. Руководила всеми работами Комиссия, созданная по Указу Павла I, которую возглавлял президент и вице-президент Академии художеств граф А. С. Строганов. Для отделки собора были использованы: пудостский камень из-под Гатчины, известняковая плита с берегов Тосны и из-под Путилова, ревельский известняк из Эстляндии, тивдийский мрамор, малиновый кварцит

²⁹ НА РК. Ф. 37. оп. 1. д. 15/144а. л. 65, 88, 97, 94–96.

³⁰ Чеканова О. А., Ротач А. Л. Огюст Монферран. — Л., 1990. — С. 174–183.

и черный сланец из Олонецкой губернии, рускеальский и ювенский мраморы, сердобольский гранит. Из желтоватого пудостского камня изготовлены все наружные колонны собора, капители, антаблементы, резные барельефы, им облицованы фасады и частично интерьеры храма. Цоколь выложен из монолитов серого сердобольского гранита из каменоломен острова Ваннисенсаари. Из плит красно-розового гранита-рапакиви сделаны лестницы, ведущие на колоннаду. Во внутренней отделке собора широко использован мрамор из Олонецкой и Выборгской губернии, а также шокшинский кварцит, финский гранит. На отделку стен архитектор Воронихин использовал пудостский камень, для внутренних колонн красный гранит-рапакиви, на облицовку полов — два сорта рускеальских мраморов: белый, светло-серый и светло-серый с зелеными разводами и полосами; розовый мрамор из Тивдии, шунгитовый сланец. Полы и ступени алтаря, амвона, царского места облицованы малиновым шокшинским кварцитом. Рускеальские мраморы также пошли на облицовку стен, пола и резного портала «северных» дверей, на изготовление фриза юго-западного пилона и консоли царского места, а ювенский мрамор — для сооружения цоколя проповеднической кафедры³¹.

Со строительством Казанского собора связаны имена купцов Лазаря Ефимовича Пентешина (1739–1805?), Ефима Евстратьевича Бекренева (1743–1803) и его сына Филиппа (1770–1803). Лазарь Пентешин, выходец из д. Большой Двор Остречинского погоста, с 1784 года жил в Петербурге и занимался предпринимательской деятельностью. У него было два контракта: в 1801 году на поставку и обработку «морского камня» (рапакиви), добытого в Пютерлаксе близ Фридрихсгама, для подкупольных столбов (вместе с купцами Бекреневыми)³², в 1804 году — на поставку камня для подпятников церковных дверей (вместе с Л. Ануфриевым)³³.

У Бекреневых, уроженцев д. Пустошь Остречинского погоста,

³¹ Борисов И. В. История горного дела Северного Приладожья (XVII в. – 1939 г.). — Сортавала, 2009. — С. 20–22, 24, 28, 29; Булах А. Г. Казанский собор в Петербурге (1801–2012): Каменный декор и его реставрация. 1801–2012. — СПб., 2012. — С. 17; Шурыгин Я. И. Казанский собор. — Л., 1961. — С. 20–21.

³² РГИА. Ф. 817. оп. 1. д. 72; НАРК. Ф. 63. оп. 3. д. 34/294. л. 17 об. Фамилия «Пентешин» писалась и как «Пянтешин».

³³ РГИА. Ф. 817. оп. 1. 1804. д. 327; НАРК. Ф. 63. оп. 3. д. 93/673. л. 12 об.

были крупные контракты на поставку пудостского камня и сердобольского гранита. Ранее они заготавливали камень в Выборгской губернии для берегов канала и итальянского пруда в Кронштадте (1782), а также для берегов реки Фонтанки (1783) в Петербурге. На эти работы они нанимали крестьян из Петро-

*Выгрузка и перекатка колонн.
Литография с рисунка О. Монферрана.*

Источник: Чеканова О. А., Ротач А. Л. Огюст Монферран.
Ленинград: Стройиздат, 1990. С. 180.

заводского уезда (Ладвинской, Шокшинской, Шелтозерско-Бережной, Сямозерской, Вырозерской, Сенногубской волостей), Коштугской волости Вытегорского уезда, Бережнодубровской и Кенозерской волостей Пудожского уезда, Сердобольской волости Выборгской губернии³⁴.

По контрактам с Бекреневыми сотрудничали Григорий Мартемьянович Копылов (1762–1809), крестьянин деревни Мануйловской Вологодской губернии³⁵, софийский мещанин Алексей Низовцев, петербургский купец Лев Ануфриев, купец из города Великие Луки Яков Толоконцев. В 1802–1806 годах Бекреневы с Григорием Копыловым вели работу над выполнением очень крупного контракта, включавшего в себя заготовку, перевозку и обработку пудостского камня³⁶. Для гарантии качества будущей работы подрядчики внесли денежные залого: Ефим Бекренев в 25 000 рублей (а именно: каменный дом в Кронштадте с каменными и деревянными флигелями, службами

³⁴ НА РК. Ф. 63. оп. 3. д. 78/620. л. 29–32, 43, 183–188 об.; Ф. 63. оп. 3. д. 33/289. л. 1, 6, 7; д. 33/288. л. 3–10.

³⁵ Санкт-Петербургский некрополь. Том 2. — СПб., 1913. — С. 468; *Аплаксин А. П.* Казанский собор. Историческое исследование о соборе и его описание. — СПб., 1911. — С. 31.

³⁶ РГИА. Ф. 817. оп. 1. 1802. д. 152; оп. 1. 1803. д. 180.

и садом), Филипп Бекренев в 5000 рублей (а именно: каменный дом в Кронштадте на Наровской улице под № 15, каменная кузница с четырьмя горнами), Копылов — в 9000 рублей (а именно: материал, заготовленный для переделки и укрепления террасы в Стрельнинской мызе). Комиссия по строению Казанской церкви брала на себя обязательство обеспечить подрядчиков жильем для рабочих, инструментами и материалами (горн для кузницы, бревна, доски, снасти и блоки, необходимые для подмостов, подъема и других нужд, железные связи, скобы, пироны, свинец, алебастр, известь и песок). Бекреневы и Копылов обязались добыть 2252 кубических сажень пудостского камня по двести тридцать девять рублей за кубическую сажень и изготовить из него «по данным шаблонам в грубой обтеске онаго» за четыре года: колонны и наугольные пилястры, стенные церковные пилястры, капители к колоннам и угловым пилястрам, софитный архитрав с фризом на порталы и колоннады, стеновой архитрав и фриз вокруг церкви, главной карниз на фронтонах, девять десюдепортов над дверьми, «пояски с порезкою», «парапет над церковью с цоколем, телом и карнизом», «парапет на проезды с цоколем, базою, телом и карнизом», парапет на куполе под пилястренными базами с базой, телом и карнизом, купольные пилястры с базами, капителями и телом, архитрав, фриз и карнизы, люнетные окна, слуховые окна в куполе». Также ими был подготовлен камень для оболочки стен (оболочку стен подрядчики обязывались вести рядами шириною от 8 до 12 вершков, а длиною камней не короче 1½ аршин). За всю работу они должны были получить около 62 тысяч рублей³⁷.

Добыча пудостского камня в то время велась довольно примитивным способом. Рабочие лопатами снимали верхний слой земли, под которым залегал известняк, и затем с помощью деревянных или металлических клиньев откалывали блоки, из которых сразу на месте выпиливали или вырезали стволы колонн и архитектурные детали. Затем изделия выдерживались на воздухе под навесом (чтобы не намокли в случае дождя) до затвердения поверхности. По мере высы-

³⁷ Аплаксин А. П. Казанский собор. Историческое исследование о соборе и его описание. — СПб., 1911. — С. 18–19; Булах А. Г. Казанский собор в Петербурге (1801–2012): Каменный декор и его реставрация. 1801–2012. — СПб., 2012. — С. 64–65.

хания этот пористый камень становился прочным и мог выдерживать колебания температур. Окончательная обработка проводилась опытными каменотесами уже в Петербурге³⁸.

В 1803 году Бекреневы с купцом А. Низовцевым также поставляли сердобольский гранит для цоколя, лещади, плинтусов и ступеней собора³⁹.

Для работ по облицовке здания и строительство наружных колонн Казанского собора Бекреневыми было нанято 500 каменщиков, выходцев из разных губерний. Условия труда были тяжелыми: «на работу выходить поутру в четыре часа, а завтракать в семь часов на строении, полдничать в два часа... полуужинать в шесть часов на строении ж, с работы шабашить ввечеру в девятом часу». Зачастую контракты в отношении рабочих нарушались: несвоевременно выплачивали деньги, кормили недоброкачественными продуктами, заставляли трудиться ночами и в праздничные дни, отчего нередкими были различные травмы. А. Н. Воронихин, живший рядом со строительной площадкой и знавший не понаслышке всё происходящее там, включил в смету на содержание аппарата Комиссии по строительству собора жалование лекарю и покупку медикаментов. Потребовалось вмешательство военного губернатора Петербурга М. И. Кутузова для того, чтобы рабочих начали принимать в больницу. Однако медицинскую помощь они получали за свои деньги⁴⁰.

Иностранцев, живших в России, изумляли рабочие, строившие Казанский собор. Один из них писал: «Им, этим... мужикам в рваных полушубках, не нужно было прибегать к различным измерительным инструментам: пытливо взглянув на указанный им план или модель, они точно и изящно ее копировали. ...несмотря на зимнее время и 13–15 градусов мороза работы продолжались даже ночью. ...Способность даже простых русских людей в технике изящных искусств поразительна»⁴¹.

Некоторые моменты строительства соборов были запечатлены ху-

³⁸ Аплаксин А. П. Казанский собор. Историческое исследование о соборе и его описание. — СПб., 1911. — С. 18; Булах А. Г., Абакумова Н. Б. Каменное убранство центра Ленинграда. — Л., 1987. — С. 44–45.

³⁹ РГИА. Ф. 817. оп. 1. 1803. д. 168.

⁴⁰ РГИА. Ф. 817. оп. 1. 1802. д. 374. л. 4; Шурыгин Я. И. Казанский собор. — Л., 1961. — С. 22–26.

⁴¹ Шурыгин Я. И. Казанский собор. — С. 35–36.

дожниками того времени, а также самими архитекторами, авторами проектов Андреем Воронихиным и Огюстом Монферраном⁴². Кроме того, Огюст Монферран оставил заметки о рабочих каменоломен и о строителях собора (каменщиках, плотниках). Ко многим из них он искренне привязался и запечатлел на своих рисунках. По его описанию, это были люди «рослые, крепкого сложения, доброго, открытого нрава», наделенные такими качествами, как «честность, смелость, настойчивость, незаурядная сообразительность». Одежда их в теплое время года состояла из простой широкой блузы, сшитой из полосатой ткани красного или синего цвета, застегивающейся на левом плече. Штаны были широкими, короткими, с поясом, обувь наподобие сандалей (вероятно, имелись в виду лапти). Быт рабочих был устроен так: они жили в бараках группами по 15–20 человек и вносили ежемесячно равную долю в общий котел. Все денежные расчеты группы вел доверенное лицо — «голова». Группа имела свою кухарку, двух помощников, которые занимались дровами, топили печи, доставляли воду и провизию⁴³. В архивных документах есть сведения и о том, чем кормили в то время рабочих на каменных ломках. Подрядчики завозили крупными партиями соленую говядину, сельдь, треску, горох, пшено, гречу, ржаную муку и крупчатку, постное масло. В архивах сохранились документы, в которых приведены сведения о рабочих и мастеровых⁴⁴.

В заключение можно сказать, что автору, благодаря вновь привлеченным источникам, удалось выявить несколько имен подрядчиков (купцов, мещан, крестьян), выходцев из вепсских земель, принимавших участие в строительстве Исаакиевского и Казанского соборов в Санкт-Петербурге. Это: Архип Шихин, Ефим и Филипп Бекреневы, Василий Варапайкин, Лазарь и Иван Пентешины. Они не только выполняли подряды на выломку, доставку, обработку декоративного камня для строящихся соборов, но и на каменотесные работы непосредственно в самих зданиях, а также выполняли такие уникаль-

⁴² Воронихин А. Н. Чертежи и рисунки. — М.-Л., 1952; Чеканова О. А., Ротач А. Л. Огюст Монферран. — Л., 1990. — С. 174–183.

⁴³ Чеканова О. А., Ротач А. Л. Огюст Монферран. — Л., 1990. — С. 214–215.

⁴⁴ РГИА. Ф. 1311. оп. 1. д. 49. л. 34; Ф. 1311. оп. 1. 1826 г. д. 3186; Ф. 1311. оп. 1. д. 288. л. 119; Ф. 468. оп. 10. д. 1370; НАРК. Ф. 37. оп. 1. д. 15/144

ные работы, как добыча, обработка, доставка и установка огромных колонн для соборов, что было запечатлено на картинах и рисунках, в мемуарах современников и даже в эпитафиях. Так, на могильной плите Е. Е. Бекренева на Малоохтинском кладбище были такие слова: «... отважился принять для Казанской церкви выломку гранитных колонн и большую часть выломал и доставил, что тож может служить памятником»⁴⁵. Библиограф и историк, секретарь Императорского русского исторического общества В. И. Саитов в книге «Санкт-Петербургский некрополь» после обычной записи о рождении и смерти купца Шихина сделал специальную приписку: «Архип Евсеевич Шихин был одним из первых в России художников каменного дела. Его трудами извлечены из недр земли огромные толщи гранита, из оных иссечены колонны, украшающие Исаакиевский собор»⁴⁶. Однако участием в строительстве Исаакиевского и Казанского соборов их подрядная деятельность в столице отнюдь не ограничивалась. Строительство мостов, гранитных набережных, общественных и частных зданий — лишь краткий перечень основных направлений их деятельности, которые, возможно, со временем войдут в сферу научных изысканий ученых и краеведов.

⁴⁵ Исторические кладбища Санкт-Петербурга. — СПб., 1993. — С. 421.

⁴⁶ Санкт-Петербургский некрополь. Том 4 / Составитель В. И. Саитов. — СПб., 1913. — С. 548.

Комиссионер Олонецких заводов Стафей Жданов

В последней четверти XVIII в. среди представителей торгового сословия г. Петрозаводска было немало выходцев из велеских деревень. Одним из первых в 1778 году в петрозаводское купечество записался выходец из деревни Парфиевской Шокшинской волости Михаил Осипов с заявленным капиталом в 600 руб.¹

С начала 1790-х годов одним из главных подрядчиков Олонецких заводов стал купец Стафей Тимофеевич Жданов². В отличие от других, сотрудничавших с заводами купцов и подрядчиков, Жданов имел звание «комиссионера Олонецких заводов», а его активная предпринимательская деятельность совпала с периодом нововведений, которые внедрялись английскими специалистами на Александровском заводе. В процессе перестройки производства иностранцы по некоторым позициям предпочитали опираться на местные силы, в том числе и выходцев из крестьянства. Непосредственные контакты с приписными крестьянами, поиск и поставки необходимых для успешной работы сырья и материалов рационально было поручить активному и предприимчивому: заинтересовать комиссионными, приданием ему особого статуса. И такой статус — комиссионера Олонецких заводов — и предоставил Жданову занимавшийся снабжением заводов Адам Васильевич Армстронг.

Шотландец Армстронг в 1785 году сначала был определен губернским регистратором в Олонецкую Казенную палату, в 1786 г. он уже стал помощником директора Олонецких заводов Карла Гаскойна.

¹ НА РК. Ф. 63, оп. 3, д. 7/53, л. 9.

² Ждановы, вероятно, были выходцами из д. Гришинской Шелтозерско-Бережной волости. Кроме Стафея Тимофеевича, к 1790-му году в Петрозаводске проживала семья его младшего брата Дмитрия Тимофеева. Племянник Евдоким Дмитриев работал у Жданова. В д. Гришинской волостным головой в начале XIX в. был Лука Жданов, затем Василий Лукин Жданов.

О Жданове: «Жданов Стафей Тимофеевич (1766–3.01.1843), купец, именитый гражданин, общественный деятель. Родился в Петрозаводске в семье местного старожила». См.: *Кораблев Н. А., Мошина Т. А.* Городские головы Петрозаводска. 1778–1918 гг. — Петрозаводск, 2008. — С. 20.

В 1790 году он недолго прослужил в Лейб-гвардии Преображенском полку каптенармусом (то есть, снабженцем), а в 1791 году стал заниматься обеспечением припасами и материалами Олонецких заводов³. В 1793 году директор Гаскойн поручает ему ответственное задание — «попечение о заготовлении материалов для доменных печей», для которых «требовались лучшие руды». В 1795 году заводское начальство определяет в комиссионеры Жданова. Отметим, что впервые инициативу проявил обер-провиантмейстер А. М. Полторацкий, «поручив посадскому Жданову добычу железных руд», на что и последовал Указ Екатерины II. Вторичный указ о комиссионерстве был подписан 18 декабря 1807 году, когда Армстронг был назначен горным начальником и другого кандидата на это место он не искал⁴. Новый руководитель заводов позаботился и о вознаграждении Жданова.

В феврале 1809 года Армстронг сделал представление «об отличных трудах и усердии Жданова на пользу казне» и комиссионер получил большую серебряную медаль для ношения на красной ленте. В Указе императора Александра I так говорилось о его заслугах: «Петрозаводскому купцу Стафею Жданову сего декабря 14 числа. Горный начальник берггауптман 6 класса Армстронг при объявлении, что по сделанному от него поручению Вы, г-н комиссионер, отыскав в разных местах многие железные рудники и разработав оные, производя добычи руды для производства действия заводов, а для того предлагает учинить по сему предмету распоряжение, дабы повсюду показывали Вам пробы руд и давали бы всякое по требованию всякое вспоможение...»⁵.

Одним из главных направлений поисков сырья в эти годы становится юго-западное побережье Онежского озера. Железная руда (в том числе из шелтозерских, шокшинских, гиморецких, остречинских

³ НА РК. Ф. 37, оп. 1, д. 1/4, л. 1–1 об.

⁴ НА РК. Ф. 63, оп. 1, д. 19/5, л. 172–173. Армстронг «присмотрел» и других помощников: бухгалтером в его правление работал из «мастеровых детей» Иван Чудинов, к описанию рудников он привлек Тихона Баландина (оба активно интересовались историей края). История комиссионера свидетельствует о том, что Адам Васильевич, отпуская средства заводов, не вникал в подробности сделок и обоснованности тех или иных выплат, главным для него был конечный результат. В конечном итоге ответственность за перерасход средств понес комиссионер, а не его непосредственное начальство.

⁵ НА РК. Ф. 63, оп. 1, д. 19/5, л. 175.

урочищ), а также черная вытегорская глина, камень и прочие материалы доставляются в Петрозаводск, Петербург и Кронштадт. Кроме того, Жданов исполнял «разные поручения от господ директоров Гаскойна и Армстронга, кои видя усердие мое к пользе казны исходатайствовали награду».

Более эффективную работу в местах добычи руды и камня Жданов впервые стремился обеспечить обустройством инфраструктуры: тратил большие средства на строительство новых пристаней, складских и хозяйственных помещений, строил и жилые дома для руководства в местах активной производственной деятельности⁶. На острове Брусно даже была построена колокольня. Обеспечивал Жданов приписных крестьян и необходимым рабочим инструментом.

Весьма активно участвовал Жданов в подрядах по добыче и доставке строительного камня для Кронштадта и Петербурга. Некоторые из таких работ выполнялась по прямым указаниям А. Армстронга. Так, 1813 году Жданову поручили ломать камень для Монетного двора в Петербурге, в 1799 году добывали камень в Выборгской губернии для канала в Кронштадте⁷.

подавляющее большинство договоров по поставке руд и различных материалов Ждановы (сам комиссионер и его жена) заключали с крестьянами Шелтозерья, особенно много работали приписные на острове Брусно. В 1792 году из Шокшинской волости д. Гришинской крестьянин Лука Иванов Жданов и Поликарп Кононов заключили договор с женой петрозаводского посадского Стафея Тимофеева Авдотьей Ефимовой «работать у нее в городе или в других городах, где показано будет, и иметь смотрение за рабочими людьми, где определено будет»⁸.

Жена комиссионера в 1792 г. также заключает договора с крестьянами Шокши и Шелтозера и из д. Гришинской Лукой Ивановым Ждановым и Поликарпом Кононовым «о каменотесных работах

⁶ НА РК. Ф. 63, оп. 1, д. 19/5, л. 172. Жданов построил большой дом в Вытегре, двухэтажный деревянный дом на берегу со службами в Шокше, в Брусно — двухэтажный деревянный дом и каменную кузницу, в Шелтозере — большой дом и много других деревянных построек для удобства работ.

⁷ НА РК. Ф. 63, оп. 3, д. 107/743, л.

⁸ НА РК. Ф. 63, оп. 3, д. 78/620, л. 96.

на Ладожском канале»⁹. Приказчиками у Жданова работали выходцы из разных карельских деревень, к 1800 г. это третьей гильдии купец Андрей Гаврилов, затем из Шуйского погоста Фофан Гадов, работавший при производстве каменных работ на Ижорском заводе, в строительстве которого Жданов также принимал участие¹⁰.

В Петрозаводске комиссионер построил несколько небольших предприятий: «за казенной пристанью каменную кожевню», «на Неглинке каменный кирпичный завод»¹¹. Эти предприятия, прежде всего, предназначались для обеспечения заводов необходимыми материалами. Впервые в городе им была построена и «мыловаренная бревенчатая с чугунным котлом». В Гостином дворе у Жданова стояла «каменная двухэтажная лавка проходная на обе стороны с галереями с полками». Но не торговля, а подряды по добыче сырья и доставке грузов в столицу являлись главными статьями его доходов.

К началу XIX века Жданов стал одним из самых состоятельных горожан Петрозаводска. Благодаря связям с заводским начальством он получил место под строительство дома на Английской улице, где были только дома горного ведомства. Он начал возведение планового каменного двухэтажного дома «супротив Гостиного двора и Александровского завода по Петербургскому прешпекту во втором квартале № 4 длиною 14, а шириною 7 сажень». Дом остался недостроенным и выглядел следующим образом в 1820-е годы: «Вверху чердак неотстроенный, в нем как в нижнем, так и верхнем этаже и чердаке 27 окон, без окончин и дверей и без печей и полов»¹². При этом доме имелся «деревянный на пришкекте дом в Дворянскую улицу 8 окон, во дворе 2 окна, в нем три больших жилых покоя, 3 печи, из них 2 голландские и 1 русская. К сеням приделаны бревенчатые покои для кухни и тем

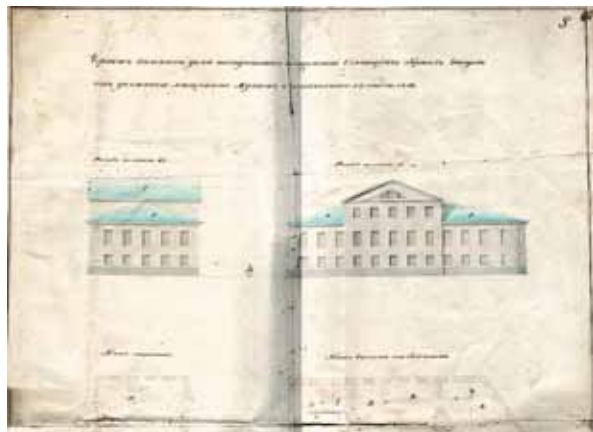
⁹ Там же, л. 97.

Супруга Жданова Евдокия Ефимова (дочь купца Ефима Бекренева?), пожалуй, впервые в Петрозаводске выступает как полноправный деловой партнер мужа, заключая договора, а также выступает как гарант при заключении сделок. Так, в 1797 г. для получения свидетельства для строения в Кронштадте гавани в магистрате Жданов получил «удостоверение купца Алексея Долгова и купеческой жены Авдотьи Ждановой (так как «они люди капиталистые, торговлю и промыслы имеющие, по сему и о благонадежности их верить можно»). НА РК, ф. 63, оп. 1, д. 1/8, л. 103.

¹⁰ НА РК. Ф. 37, оп. 8, д. 18/200, л. 200.

¹¹ НА РК. Ф. 63, оп. 1, д. 50/7, л.

¹² НА РК. Ф. 63, оп. 1, д. 28/1, л. 3.

*Проект Дома купца Жданова, г. Петрозаводск.
Фото НА РК*

домам принадле-
жит земли клином
длиною не более
25 сажен...»¹³.

В истории дома
Жданова просма-
тривается обычная
для петрозаводских
каменных жилых
построек судьба: хо-
зяева в них не осо-
бо нуждались, жить
северяне предпочи-
тали в деревянных
домах (так было

с каменным домом купца Бекренева, с большим каменным домом купца Пименова). Строились каменные дома лишь для того, чтобы использовать их в качестве залога при заключении сделок. Предприимчивый Жданов старался обзавестись несколькими жилыми строениями. Так, к концу XVIII века в числе имения Жданова в залог под выдачу ему 25 тысяч аттестат был представлен фундамент на месте против дому вдовы Эртовой, купленный у мещанина Долгова»¹⁴.

Еще один из домов Жданова (его главный жилой) находился на традиционном месте жительства петрозаводских торговцев — на Набережной, неподалеку от общественной пристани. Это был дом «из дикого камня подле дому Ивана Деревянцова. Внизу подвалы, жилых чистых покоев 10, кухонь 3, в чердаке жилых покоев 4, в нижнем этаже жилых покоев 3, печей русских и голландских 19 и 2 очага». Рядом находились «конюшня бревенчатая со стойлами и один хлев со всем прибором и дверьми на крыюках, каретник с воротами дощатыми и погреб бревенчатый близ ворот»¹⁵.

¹³ Там же.

¹⁴ НА РК. Ф. 63, оп. 1, д. 13/2, л. 112.

¹⁵ НА РК. Ф. 63, оп. 1, д. 28/1, л. 3. В 1819 году после смерти Армстронга имущество Жданова было описано и получены объяснения по поводу большого долга заводам. Жданов полагал, что не он должен, а ему не доплатили, что обещано. Там же он сообщал, что «собственного имения имеет на сумму 126 тысяч 75 рублей». См.: НА РК, ф. 63, оп. 1, д. 19/5, л. 172.

Еще один деревянный дом длиной в 15 сажен был в Солдатской слободе.

Обставлен дом Жданова на Набережной был дорогой городской мебелью, вероятно, приобретенной в столице. Купец явно демонстрировал приверженность к столичной моде: у него мебель красного дерева, появляется в оформлении предметов интерьера и карельская береза.

В описях имущества Жданова (в отличие от других петрозаводских купцов) прежде всего перечисляются многочисленные предметы мебели красного дерева: разных форм столы, комоды, софы, ломберные столики (в числе которых и «оклеенные разным деревом цветами»). Для письменных дел предназначалась «канторка красного дерева и стол с канторкой красного дерева», имелся и стол красного дерева с изображением шашечной доски (подобные были и у других купцов Петрозаводска). На окнах висели «белые коленкоровые завесы с ситцевыми подгорами с зеленой бахромой, на трех ситцевые занавесы полосатые с бахромой красной»¹⁶.

В доме было несколько зеркал в золоченых и бронзовых рамах, немало картин в золоченых рамах с изображениями «пастухов с пасомым скотом», «дамы, держащей младенца» и других. Имелись пейзажи и портреты Петра I и Павла I (в белом и в зеленом мундирах), а также «картина с родословной Государя» (вероятно, речь идет об Александре I).

Среди икон в дорогих окладах (также и киотах из карельской березы) традиционные для Петрозаводска медные створы — «дванадесятые праздники в 4-х полках». В перечне имущества Жданова также упоминается «картина Лонжевилля», возможно, это свидетельствует о приобретении купцом вещей, оставшихся после смерти их владельца — капитана Лонжевилля¹⁷. Среди картин на стене висел «План Олонецкой губернии» в деревянной черной раме. Возможно, интерес комиссионера к географии региона связан с постоянными поисками новых месторождений сырья, возможно, это свидетельство его участия в изучении (совместно с Армстронгом) возможности проведения водного пути из Белого моря к Онего (исследователи истории ББК называли их в числе инициаторов строительства канала)¹⁸.

¹⁶ НА РК. Ф.63, оп. 1, д. 28/1.

¹⁷ НА РК. Ф. 63, оп. 1, д. 28/1, лл. 10–11.

¹⁸ Там же, д. 12.

И, наконец, в доме Жданова имелись «гусли на ношках со струнами медными и картинами»¹⁹. Речь идет о так называемых клавинообразных гусях, популярных в России к началу XIX века. Такие гусли получили распространение в XVIII в., и о них сообщалось, что они «употребляются во многих знатных домах для застольной музыки», а также, что «вне столицы гусли часто служат для застольной музыки или сами по себе, или с пением»²⁰. Подобные музыкальные инструменты приобретались в Петербурге. В описях имущества петрозаводчан за этот период известно еще одно упоминание музыкального инструмента — «фарталианы», которую богатый петрозаводский купец Харлам Костин приобрел для своей дочери.

В доме было много фарфоровой посуды, в том числе мало распространенные в это время в Петрозаводске супницы и соусники, престижный «чайный ящик карельской березы круглой», разнообразная медная посуда, а также жестяные подносы, вероятно, производства местных «французских фабрик».

Жданов, сотрудничая с англичанами, учитывал их интересы и в организации отдыха и развлечений. Благодаря Жданову, появился «клуб» (возможно, в деревянном здании на Дворянской). Впервые это название в Петрозаводске применялось именно к его трактирному заведению.

В трактирах Петрозаводска в конце XVIII века имелся и бильярд (например, у купца Вонифатьева). У Жданова был «бильярд дубовый с зеленым сукном» с «покрышкой из холста» стоимостью в 80 рублей, рядом стояли 7 скамеек с подушками, имелись кии дубовые, березовые и другие. Обстановка «клуба» также свидетельствует о заимствовании модных образцов. Хозяин приобрел характерную, бытовавшую у англичан в подобных заведениях плетеную мебель: в клубе было 24 стула, плетеных из камыша²¹. Напротив своего дома на берегу озера Жданов построил водочный завод «бревенчатый, с печью и двумя медными кубами», у него хранились сотни стеклянных штофов и полуштофов. Продукция этого предприятия поступала и в трактир хозяина²². Была у Жданова и небольшая пекарня.

¹⁹ НА РК. Ф. 63, оп. 1, д. 28/1, л. 14.

²⁰ Фаминцын А. С. Гусли. Русский народный музыкальный инструмент. — Ростов, 2007. — С. 107–109.

²¹ НА РК, ф. 63, оп. 1, д. 28/1, л. 14.

²² Английские «художники» как постоянные посетители местных трактиров неоднократно упоминаются в архивных документах.

Влияние английских традиций сказывалось и на местном судостроении. С 1790-х годов появляются новые типы судов: на Свири это «подобие яхты «Свифт» иностранного гостя Франца Гарднера». В эти годы известный ластовых судов мастер Пресняков «лекалом на аглицкий манер» строит мореходные ластовые гукеры, в том числе петрозаводскому купцу и крупнейшему подрядчику Михаилу Анцыферову²³. В 1787 году Жданов перевозит пушки на галиоте, сойму заказывает в Кулмуксе. К 1798 году свое новое судно он уже называет «яхта» и перевозит на ней в Кронштадт Егору Кларку чугунные пушки и цементированный купорос в Петербург. К 1800 году он строит яхту «Санкт Алексей» (имя сына), которую оценивает в 4500 рублей²⁴. Став горным начальником, с 1809 г. Армстронг отдал во фрахт Жданову и несколько новых заводских судов²⁵.

Кроме судов, Жданов обеспечил себя самыми разнообразными средствами передвижения. В его хозяйстве имелась «пара лошадей небольшого росту с мелкими пятнами» (местной породы), повозки зимние с кибитками, дрожки на рессорах, «розвальни касимские весьма хорошей доброты», «сани парные, оклеенные красным деревом с подушкой и медвежьей полостью», «коляска с крашеными колесами», «белые розвальни», «телега о четырех колесах» и пр.²⁶

В 1790-е гг. купцы Варапайкин и Жданов служили на выборных должностях в магистрате. Жданов в 1791 г. был сборщиком рекрутских денег, затем ратманом и бургомистром (в 1794, 1796–1801 годах). В 1809, 1817–1819 годах он занимал пост городского головы. В 1819 году ему предстояло решить нелегкую задачу: привести в порядок центральные улицы города к приезду императора Александра I.

Жданов оставил свой след и в истории Олонецкой мужской гимназии. При полном отсутствии желающих в 1808 году провести капитальный ремонт здания, именно он предложил свою кандидатуру в качестве подрядчика и выполнил часть работ безвозмездно²⁷. Правда, как активный благотворитель он себя не проявил.

²³ НА РК, ф. 63, оп. 1, д. 93/671, л. 65.

²⁴ НА РК, ф. 63, оп. 1, д. 4/4, л. 61.

²⁵ НА РК, ф. 37, оп. 8, д. 29/319, л. 4.

²⁶ НА РК, ф. 63, оп. 1, д. 28/1, л. 13.

²⁷ НА РК. Ф. 37, оп. 8, д. 29/319, л. 4.

Дом Пименовых в Петрозаводске — памятник истории и архитектуры

Рис. 1. Наб. Гюллинга в Петрозаводске.
Фото Александра Паукова. 2015 г.

Здание дома купцов Пименовых, известное сегодня как гинекологическое отделение Родильного дома № 1 им. К. А. Гуткина, располагается в историческом центре Петрозаводска, у пересечения улицы Луначарского (б. Пробная, Протасьевская) и наб. Гюллинга (б. Лососинская наб.) (Рис. 1).

История освоения территории, на которой расположен дом, связана со строительством чугунолитейного и оружейного Петровских заводов в 1703 году и возникновением слободы при этих заводах. Здесь, на правом берегу Лососинки на Зареке, находились кузнечные цеха, а также дорога на редуты, где проводились «пробы» пушек. Название улицы Пробной (совр. ул. Луначарского), по которой везли пушки на артиллерийские испытания, зафиксировало одну из функций Петровских заводов с привязкой к конкретной местности города.

После строительства в 1772–1774 годах нового пушечного завода — Александровского, когда промышленная площадка градообразующего предприятия оказалась на полторы версты выше по реке, территория правого берега Лососинки, в соответствии с конфирмованным в 1785 году планом Петрозаводска, была разбита на жилые кварталы, которые начали постепенно застраиваться (Рис. 2).

Дом

В 1844–1859 годах Марк Пименов¹ (1799–1865), один из богатейших купцов Петрозаводска, приобрел несколько участков в кварта-

¹ *Кораблев Н. А.* Пименов Марк Пименович // Энциклопедия «Карелия», т. 2. — Петрозаводск, 2009. — С. 386.

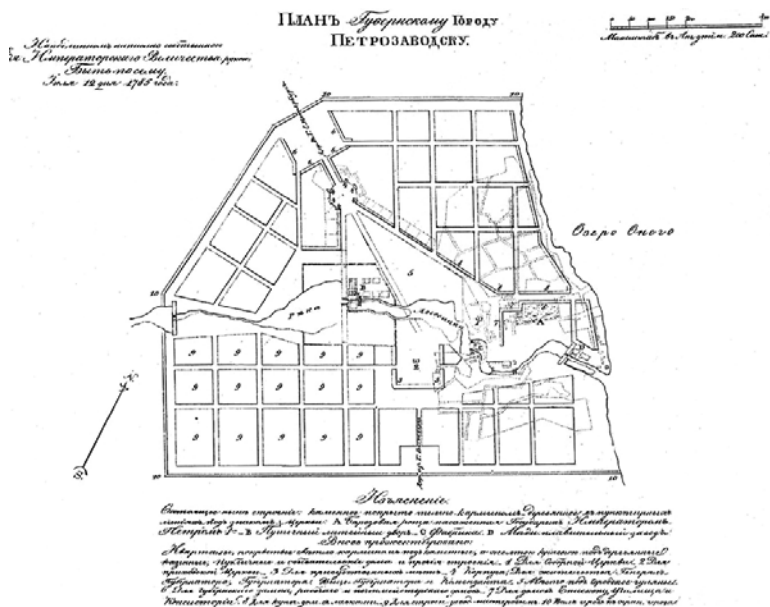

Рис. 2. План Петрозаводска. 1785 г.

ле 22, ограниченном улицами Пробной, Александровской (совр. пр. А. Невского), Вознесенской (совр. ул. Коммунистов) и Лососинской наб. (совр. Гюллинга)². Для строительства главного жилого дома Пименовым был выбран угловой участок, купленный у Николая Фирсова в феврале 1844 года, где он «срыл по ветхости» старый дом, находящийся там, судя по его определению как «ветхий», построенный задолго до этого. В результате объединения нескольких «плановых мест» участок дома Пименова вырос до размеров в 700 кв. сажен (3175 кв. метров), на которых, кроме дома, служб и огорода, находился сад.

Участок ответственный в градостроительном отношении, так как здания на нем формировали своеобразное «лицо» Зареки — набережную Лососинки, хорошо просматривавшуюся из центра города через пойму реки (Рис. 3). Дом Пименовых, в котором проживало три поколения известной фамилии, с перестройками сохранился до наших дней.

² НА РК. Ф. 372, оп. 1, д. 3/46.

Рис. 3. Бывший дом Пименовых. Петрозаводск. С открытки начала XX в.

История здания насчитывает **три основных строительных периода.**

Первым строительным периодом является собственно возведение дома, который был построен в течение **1844–1846 годов.** Изображений дома в его первоначальном виде

пока не обнаружено, равно как и чертежей. Но некоторую информацию о здании дают сохранившиеся капитальные конструкции дома, архитектурное решение фасадов, которое соответствует классицистическому стилю, господствовавшему в то время в России, а также объявления в «Олонецких губернских ведомостях»³ о нахождении дома Пименова «в залоге».

Уже 21 января 1847 года датируется Свидетельство Олонецкой Палаты Гражданского и Уголовного суда *«по удостоверению о каменном двухэтажном с мезонином доме под железной крышей... петрозаводского 1 гильдии купца Марка Пименова сына Пименова, собственно выстроенном им на доставшемся ему месте по купчей крепости»*, которое было получено Марком Пименовым для внесения нового дома в залог при строительных подрядах в Кронштадте. Дом оценивался в 22 934 рубля⁴.

Марк Пименов был крупнейшим в России своего времени строительным подрядчиком: он вел значительные подрядные операции по строительству в Петербурге каменных домов, мостов, набережных⁵. Он возвел Аничков мост в Петербурге (1848), фортификационные объекты в Кронштадте — комплекс «Князь Меншиков», форт

³ «Олонецкие губернские ведомости», 1847, № № 13, 16; 1848, № 2; 1850, № 7; 1853, № 14, 37.

⁴ Российский государственный архив ВМФ, ф. 84, оп. 1, д. 4330.

⁵ Кораблев Н. А., Мошина Т. А. Купец Марк Пименов — предприниматель и благодетель // Православие в вепском крае. Сборник материалов Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 450-летию основания Благовещенского Ионо-Яшезерского мужского монастыря. Петрозаводск. 26–27 сентября 2012 года. — Петрозаводск, 2013. — С. 92–104.

«Павел Первый» (Рисбанкский), доки канала Петра Первого, батареи форта Кроншлот. Большой дом Пименова в г. Петрозаводске и его 10 лавок в Гостином дворе часто находились в залоге при этих под-
рядках, что нашло отражение в архивных материалах и газетных публикациях своего времени.

Двухэтажный каменный с мезонином дом Пименова на Зарецкой стороне был выстроен о 9 окнах по каждому фасаду. Для такого большого дома, тем более расположенного на угловом участке, характерным является взаимно перпендикулярное расположение двух мезонинов, которые возводились, как правило, по центру фасада, над тремя центральными окнами. Скорей всего, мезонинов было 4, по каждому фасаду (что называется еще крестообразным мезонином), так как дом возвышался над окружающей деревянной застройкой и был виден издали со всех сторон. То есть у него практически не было задних фасадов.

Кроме того, мезонины, или верхние полуэтажи, сооружались не только для украшения фасадов, особенно протяженных, но, кроме дополнительных помещений, еще и для возможности иметь изнутри разные виды на город и его окрестности. Это было распространено в архитектуре жилых особняков первой половины XIX века: иметь мезонин для удовольствия созерцать красивые панорамы⁶. А в Петрозаводске виды из мезонина дома Марка Пименова были самые замечательные! На Соборную площадь и Общественный сад, возле которого он уже начинал строить детский приют, а также мост к нему через Лососинку, на Александровскую заводскую церковь и старую Троицкую церковь на Зарецком кладбище, где через несколько лет его стараниями будет возведена Крестовоздвиженская церковь, и, конечно, на озеро.

Возможно, как это часто бывало в таких типах зданий, с одной или нескольких сторон из мезонинов были выходы на балконы. Также не исключено наличие светового барабана над перекрестьем мезонинов, под которым должна была размещаться внутренняя лестница, соединяющая два нижних этажа дома и уровень мезонина, располагающегося практически на третьем этаже.

⁶ Тюдман Л. В. Изба, дом, дворец. — М., 2000. — С. 90–93, 99–103.

*Рис. 4. Дом Антонова.
Петрозаводск, ул. Соборная.
Фото из архива НМ РК*

*Рис. 5. Дом Антонова.
Петрозаводск, ул. Карла Маркса.
Фото Владимира Ларионова. Нач. XXI в.*

Дом Марка Пименова был самым большим частным домом⁷ в г. Петрозаводске как при его постройке в 1846 году, так и на протяжении всего XIX века.

Кто был архитектором здания, пока не установлено. Однако с большой долей уверенности можно отнести авторство этого объекта губернскому архитектору В. В. Тухтарову (1805–1861), стоявшему в своем творчестве на классицистических позициях. Василий Тухтаров много лет постоянно сотрудничал с М. Пименовым практически во всех строительных начинаниях известного благотворителя⁸. Их совместными работами являются Покровская церковь в с. Шокша (1842), мост через Лососинку в створе ул. Пробной (1848), Николаевский детский приют (1849), Крестовоздвиженская церковь (1853) и богадельня (1854) в г. Петрозаводске, Преображенская церковь (1851–1857) в Ионо-Яшезерском монастыре и др.

Аналогом композиции здания с взаимно перпендикулярным расположением мезонинов в Петрозаводске может служить дом купца Антонова на Петропавловской (Соборной, совр. К. Маркса) улице, построенный в конце XVIII в. (перестроен в к. XX в.).

⁷ НА РК, Ф. 1, оп. 2, д. 4/17. По представлению Олонецкого губернатора Министру финансов о благотворительной деятельности потомственного почетного гражданина петрозаводского купца 1-й гильдии М. П. Пименова. 1850.

⁸ Ицксон Е. Е. Василий Тухтаров — Олонецкий губернский архитектор. Формулярный список 1860 года о службе В. В. Тухтарова с комментариями // Краеведческие чтения. Материалы II научной конференции (16 мая 2008 г.). — Петрозаводск, 2009. — С. 14–29.

Марк Пименов скончался в 1865 году. В доме осталось большое семейство Ефима Григорьевича Пименова (1828–1873), племянника Марка Пименовича, усыновленного им и ставшего наследником и продолжателем его бизнеса и благотворительной деятельности⁹.

После внезапной кончины Ефима Григорьевича его вдова десять лет (1874–1884 гг.) сдавала почти весь 1-й этаж дома под размещение канцелярии и присутствия Олонецкой губернской Контрольной Палаты¹⁰, которой *«по неимению удобного для нее помещения в казенных зданиях с согласия Начальника губернии»* с 1869 года разрешалось арендовать частные «обширные и приличные помещения». Дом Пименовых отвечал этим условиям.

Епархиальное женское училище

В 1900 году наследники купца М. П. Пименова продали Олонецкой Епархии участок на углу ул. Пробной и Лососинской набережной вместе с каменным домом, дворовыми флигелями, службами и садом для устройства Епархиального женского училища. Дом с участком был уступлен за 50 тыс. руб. с рассрочкой платежа на несколько лет, что было «очень важно ввиду бедности Олонецкого духовенства». Перестройка и приспособление дома для новой функции стали **вторым строительным периодом** объекта¹¹.

Проект реконструкции главного здания был составлен гражданским инженером, младшим архитектором строительного отделения Олонецкого губернского правления И. Я. Капустиным (1852–1901). Чертежи проекта надстройки пока не обнаружены, но, в случае наличия мезонинов, достройка третьего этажа заключалась, как правило, в достройке 3-го уровня здания до карниза мезонина в границах несущих наружных стен, что и было выполнено, судя по результату. То есть мезонины были обстроены со всех сторон

⁹ Кораблев Н. А. Пименов Ефим Григорьевич // Энциклопедия «Карелия», Петрозаводск, 2009; т. 2. С. 385–386.

¹⁰ НА РК. Ф. 13, оп. 1, д. 10/185. О найме дома у купеческой вдовы Пименовой... 1874–1883.

¹¹ НА РК. Ф. 2, оп. 50, д. 52/58. По отношению Совета Олонецкого Епархиального женского училища об утверждении проекта надстройки 3-го этажа на приобретенном училищем у наследников Пименовых каменном двухэтажном здании. 1900.

Рис. 6. Педтехникум. Петрозаводск. С открытки 1930-х гг.

и «утонули» так же, как и на доме Антонова после реконструкции. Кроме того, в центральной части здания, над помещением проектируемой домово́й церкви, был устроен высокий световой барабан с куполом (Рис. 6).

Классицистическая основа дома Пименовых была сохранена — положение и декоративная обработка окон, пояски и карнизы, их профилировка, соответствующие времени постройки здания. В уровне кровли реконструированного здания, в виде слуховых окон, похоже, сохранялись верхние части бывших мезонинов.

В 1900 году надстройка 3-го этажа была закончена вчерне. Домовую церковь во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы обустроил повенецкий 2-й гильдии купец Иван Васильевич Распутин на свои средства. Строительные работы вместе с отделкой здания и обустройством флигелей для интерната учениц и жилья наставниц были завершены в 1902 году, когда епархиальное женское училище въехало в обновленное здание¹².

¹² *Кораблев Н. А.* Епархиальное женское училище // Энциклопедия «Карелия», т. 2. — Петрозаводск, 2009 — С. 318–319.

Судя по довоенным фотографиям здания, к нему со стороны ул. Пробной именно во время реконструкции по проекту Ильи Капустина был пристроен тамбур с готическими окнами для организации главного входа в учебное заведение.

В феврале 1918 года здание епархиального женского училища передали в ведение женской учительской семинарии¹³, или Учительской советской семинарии № 2. По акту осмотра и приема здания, «при бывшем епархиальном женском училище находилось:

каменное, 3-этажное, имеющее 21 комнату здание;

деревянное, 2-этажное, имеющее в каждом этаже по 4 комнаты, здание для помещения образцовой одноклассной школы и квартиры эконома училища;

деревянное, 2-этажное, имеющее в каждом этаже по 6 комнат, здание для интерната воспитанниц;

службы: баня, прачечная, больница при училище, хлебопекарня, ледник, конюшня и каретник».

Деревянное здание интерната ранее было сдано Олонецкой епархией Управлению Мурманской железной дороги в аренду для размещения Службы движения (конторские и жилые помещения).

В каменном учебном здании располагались 6 классных помещений, рекреационный зал, домовая церковь, библиотека с читальной комнатой, музыкальный зал, столовая с умывальной при ней, продовольственная кладовая, кухня, раздевальная и 2 комнаты, занимаемые начальницей училища. В соответствии с Декретом Совнаркома «О свободе совести и церковных и религиозных обществах», а также Постановлением наркома просвещения А. В. Луначарского «О светской школе», домовая церковь в здании училища была упразднена. ГубОНО решил разместить в бывшей домово́й церкви училища Олонецкий губернский церковно-исторический музей¹⁴, который действовал в этом здании около полугода.

С лета 1918 года здание Учительской семинарии (б. епархиального женского училища) занимали военные части — сначала Ораниенбаумский батальон, затем 5-й Олонецкий полк, потом — военные моряки Онежской флотилии.

¹³ НА РК. Ф. 80, оп. 1, д. 4/73. Дело Петрозаводской женской учительской семинарии...

¹⁴ НА РК. Ф. Р-28, оп. 1, д. 3/12. Протоколы заседаний ГУБОНО... 1918.

К началу 1920-х годов здание освободили от постоя военных и оно было возвращено наркомату народного просвещения. В 1923 году в бывшем епархиальном училище разместился Педтехникум с опытной школой при нем. Впоследствии менялись названия учреждений, но всегда это были учебные заведения. И самое главное — дом в этот период его жизни не перестраивался, оставаясь неизменным в рамках реконструкции 1900–1902 годов.

Партшкола

Третий строительный период бывшего дома купцов Пименовых относится к 1945–1946 годам, когда оно было перестроено с размещением в нем Партшколы ЦК КП (б) Карело-Финской ССР¹⁵. Проект наружной отделки и внутренней реконструкции выполнила архитектор Н. И. Корнева (1917–1991)¹⁶.

Автор, работавшая в актуальном на то время стиле классицизма, довольно малыми средствами, что было крайне важно в послевоенных условиях, создала облик здания, отличающийся от прежнего. Ма-

Рис. 7. Проект Партшколы. Арх. Н. И. Корнева.
1945–1946 гг.

ленький тамбур входа, решенный в готическом стиле, со стороны улицы Луначарского заменила 4-колонным, хороших пропорций портиком, покоящимся на рустованной аркаде 1-го этажа, широким треугольным аттиком увенчала композицию — все это придало зданию значительность и даже некоторую помпезность, что было вполне уместно

¹⁵ НА РК. Ф. Р-3084, оп. 2-НТД, д. 1/4. Реконструкция б. дошкольного техникума под партшколу ЦК КП(б) КФСР по ул. Луначарского в г. Петрозаводске. 1945–1946.

¹⁶ Ицксон Е. Восемь проектов Нины Корневой // Лицей, № 8–9, 2007.

и даже необходимо для новой функции старинного дома. Обработка рустом первого этажа, сохранение прежней отделки окон здания наличниками и сандриками — это те приемы классической архитектуры, которые вместе с портиком тосканского ордера преобразовали тяжеловатых пропорций дом в достойный архитектурный памятник классицизма и неоклассицизма в Петрозаводске. Восьмигранный барабан был уменьшен по высоте и получил восьмигранное шатровое завершение; в соответствии с проектом Нины Корневой световой барабан предполагалось сделать со стеклянной крышей, чтобы осветить конференц-зал, располагающийся под ним, но остекление не было осуществлено (*Рис. 7*).

Роддом

В 1960 году здание передали Петрозаводскому горздравотделу¹⁷ для размещения в нем родильного дома № 2. В связи с приспособлением здания к больничной функции была сделана реконструкция, которая состояла, в основном, только в перепланировке помещений (с добавлением к боковому фасаду 3-этажной пристройки) и устройстве лифтов; наружная отделка и архитектурный стиль фасадов здания изменены не были.

Памятник

Бывший дом купцов Пименовых дошел до нашего времени в удовлетворительном состоянии, с полностью сохранившимися историческими капитальными конструкциями. Перестройки и перепланировки здания сохранили стиль фасадов, что дает возможность и все основания считать его редким образцом классицистической архитектуры г. Петрозаводска (*Рис. 8*).

За 170 лет своего существования здание, изначально построенное в качестве жилого дома, изменило свою функцию на общественную: сначала — учебного назначения, затем — лечебного (больничного).

¹⁷ Архив РГЦ «Недвижимость», д. 61. Партшкола ЦК КП (б) КФССР. Родильный дом № 2. Родильный дом № 1, гинекологический стационар. Ул. Луначарского, 2.

*Рис. 8. Дом Пименова.
Петрозаводск. 2015 г.*

Территория бывшего дома Пименовых, а затем — епархиального женского училища и больницы (родильного дома), сохранилась практически в своих исторических границах, т. е. бывшего владельческого участка Пименова, и прослеживается на многих планах г. Петрозаводска практически без изменения, за исключением постепенного

сноса всех служб и утраты первоначальных насаждений сада.

Здание, построенное в 1846 году купцом и крупнейшим строительным подрядчиком своего времени, городским головой Петрозаводска (1853–1854) и благотворителем Марком Пименовым для своей семьи, стало домом для нескольких поколений Пименовых. Приемный сын и внук¹⁸ М. П. Пименова были достойными продолжателями деловых и благотворительных семейных традиций и городскими головами¹⁹ Петрозаводска, а их дом является памятником выдающейся династии общественных деятелей и благотворителей Петрозаводска и Олонецкой губернии.

Распоряжением Правительства Республики Карелия от 11.09.2014 № 551р-П дом, расположенный по адресу: Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Луначарского, д. 2, признан объектом культурного наследия регионального значения (памятник архитектуры) с наименованием «**Дом купцов Пименовых, 1846 г., 1902 г., 1946 г.**».

Р. С. Автор выражает глубокую благодарность Николаю Александровичу Кораблеву (1947–2015) и Татьяне Александровне Мошиной, многолетним исследователям жизни и деятельности Пименовых, за помощь, оказанную ими при изучении истории дома. Публикации и книги Н. А. Кораблева и Т. А. Мошиной стали весомым аргументом при обосновании названия памятника в работе над заключением историко-культурной экспертизы по этому объекту культурного наследия.

¹⁸ Мошина Т. А. Пименов Георгий Ефимович // Энциклопедия «Карелия», т. 2. — Петрозаводск, 2009. — С. 385.

¹⁹ Кораблев Н. А., Мошина Т. А. Городские головы Петрозаводска. 1778–1918 гг. Биографический справочник. — Петрозаводск, 2008. — С. 32–35, 39–42, 58–63.

О вепсах, неизвестных героях Великой войны 1914–1918 годов

Войну, которую первоначально называли в России Великой Народной войной, долгое время называли царской, империалистической, а о ее героях предпочитали не вспоминать.

В последние годы, с приближением столетия со дня начала этой трагедии, во многом изменившей жизнь миллионов людей, издано много книг и статей, посвященных Первой мировой войне.

В Карелии также заметно повысился интерес к этой теме: исследователи получили объемный и содержательный сборник «Карелия в годы Первой мировой войны. Документы и материалы», подготовленный коллективом Национального архива Республики Карелия¹, ряд статей и электронных ресурсов (в том числе, базы данных по награжденным Знаками отличия Военного ордена Святого Георгия, по убитым, пропавшим без вести и раненым воинам)².

Однако по-прежнему остаются слабоизученными многие вопросы, в том числе регионального характера. Так, например, в Шелтозерско-Бережной волости Петрозаводского уезда в начале века проживало около 9,5 тысяч человек, из них почти тысяча мужчин были запасными и призывниками. Однако практически ничего неизвестно об участии жителей волости в войне³.

Данная статья основана на документах Национального архива Республики Карелия (фонды: Ф. 23. оп. 2; Ф. 37. оп. 8; ф. 72. оп. 1; Ф. 94.

¹ Карелия в годы Первой мировой войны. Документы и материалы. — Петрозаводск, 2014.

² Басова Н. Духовенство Олонецкой епархии в годы Первой мировой войны. [Электронный ресурс]. Режим доступа: eparhia.karelia.ru/html4/ods14.htm, свободный. Язык русский; Георгиевские кавалеры Великой войны. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cavalier.rusarchives.ru/search>, свободный. Язык русский; Алфавитные списки потерь в Первую мировую войну 1914–1918 по Олонецкой губернии с указанием уезда. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.svt.ru/1914/00-1914.htm>, свободный. Язык русский).

³ Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 год / Составил И. И. Благовещенский. — Петрозаводск, 1907. — С. 39; НА РК. Ф. 378. оп. 4. д. 1/3.

оп. 1; Ф. Р-573. оп. 1), Российского Государственного архива Военно-морского флота: Ф. 417. оп. 4), большинство из которых впервые вводится в научный оборот. Автором привлекаются также краеведческие издания и специальная литература, материалы периодической печати («Олонецкие губернские ведомости», «Олонецкая неделя», «Вестник Олонецкого губернского земства» и др.), мемуары, Интернет-ресурсы.

Впервые предпринята попытка выявить имена участников этой полузабытой войны и прежде всего тех, кто был награжден Знаками отличия Военного ордена Святого Георгия (солдатский Георгиевский крест), Георгиевскими медалями, тех, кто погиб на полях сражений и на море, привлечь внимание историков и краеведов к продолжению исследований по этой теме.

Архивные документы свидетельствуют о том, что в годы Мировой войны вепсы героически проявили себя и на море, и на суше. На войну призывались по несколько человек из семьи. Были призваны четыре брата Варухиных из деревни Матвеева сельга (Петр, Егор, Александр и Иван), сыновья Фрола Варухина; братья Коротяевы (Николай и Александр) из деревни Погост Шелтозерско-Бережского общества; Иван Михайлович, Архип Михайлович и Василий Петрович Анхимовы; Николай Яковлевич, Никанор Терентьевич, Николай Алексеевич и Даниил Михайлович Лонины, уроженцы деревни Каскесручей и т. д.⁴

Выходцами из вепсской земли издавна пополняли российский военный флот. Так среди тех, кто служил в эскадре адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина с 1805 по 1810 год, участвовали в разгроме турецкого флота в Дарданелльском и Афонском сражениях были два матроса из Шелтозерско-Бережной волости: Иван Филатов из деревни Андреевская и Ефим Терентьев из деревни Гришинская⁵.

В годы Первой мировой войны немало вепсов оказалось на службе на военных судах, в береговой артиллерии, были ранены, пропали без вести и героически погибли на море. На минном заградителе «Енисей» служил с 1910 года сигнальщиком Иван Андреевич Красильников (1888–22.05.1915), уроженец деревни Подщелье Щелейско-Гиморец-

⁴ НА РК. Ф. 378. оп. 4. д. 1/3, л. 25 об., 55 об., 57 об., 87 об., 119, 159 об., 248 об., 345 об., 380 об., 441.

⁵ НА РК. Ф. 37. оп. 8. д. 72/702, л. 80; *Дыгало В. А.* Откуда и что на флоте пошло. М., 1993. С. 20–21.

кого общества. «Енисей» занимался установкой минного заграждения в Финском заливе, перед Данцигской бухтой, в начале 1915 года он принимал участие в установке мин в районе Даго. 22 мая 1915 года на переходе из Ревеля в Моонзунд в 10 милях от острова Оденсхольм «Енисей» торпедировала немецкая подводная лодка. Из 298 человек было спасено только 30 человек. Погиб и И. А. Красильников⁶.

Сигнальщик Иван Кузьмич Кильцов (04.01.1893–18.09.1916), уроженец деревни Житный Ручей Рыборецкого общества, был призван по мобилизации 24 ноября 1914 года и определен в 1-й Балтийский Флотский экипаж, прошел обучение в школе судовых содержателей и писарей. 30 мая 1916 года его определили в команду миноносца, а уже в сентябре того же года он был убит при взрыве минного заграждения у финского берега. Его похоронили на кладбище в городе Або (Турку)⁷. Мотористом в Морском полку особого назначения служил Полин Николай Назарьевич, уроженец деревни Каскесручей Рыборецкого общества. После тяжелого ранения и лечения в Московском госпитале он был уволен с военной службы в марте 1916 года⁸.

Гораздо больше уроженцев вепсской земли служило в пехоте, артиллерии. В частях связи, в пограничных отрядах, многие из них получили ранения, немало попало в плен. Списков всех призванных на фронт и всех погибших, вероятно, не удастся составить уже никогда. А в электронную базу данных попали неполные и требующие уточнений сведения лишь по нескольким призванным из Шелтозерско-Бережной волости (убитым, раненым и попавшим в плен)⁹.

О некоторых из участников той войны хотелось бы сказать особо. Прежде всего, назовем Степана Андреевича Макарьева (23.09.1895, деревня Подщелье Щелейско-Гиморецкого общества — 27.11.1937).

⁶ РГА ВМФ. Ф. 417. оп. 4. д. 6205. л. 81, 84; НАРК. Ф. 72. оп. 1. д. 92/7, л. 1 62–165; Ф. 378. оп. 4. д. 1/3. л. 33 об., 74 об.

⁷ НА РК. Ф. 94. оп. 1. д. 74/815, л. 169 об.; Ф. 72. оп. 1. д. 106/24, л. 304–306; Ф. 378. оп. 4. д. 1/3, л. 129 об.; *Столяров И. Г.* Не скажет ни камень, ни крест (Опыт военно-морского некрополя. 1696–1917 гг.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: nekropolvmf.ru/boy.php?amp; height... width... iframe..., свободный. Язык русский.

⁸ НА РК. Ф. 72. оп. 1. д. 94/17. л. 28; Ф. 378. оп. 4. д. 1/3, л. 374 об.

⁹ Алфавитные списки потерь в Первую мировую войну 1914–1918 по Олонецкой губернии с указанием уезда. [Электронный ресурс]. Режим доступа :<http://www.svrt.ru/1914/0o-1914.htm>, свободный. Язык русский.

Благодаря ему было положено начало научному изучению истории и культуры вепсского народа. Он должен был идти в армию в призыв 1916 года, но был принят добровольцем 27 октября 1915 года в первый пехотный запасной батальон. По окончании школы прапорщиков он попал на Западный фронт, где прошел путь до командира роты¹⁰.

Теперь стали известны и имена настоящих героев — Георгиевских кавалеров, рядовых, награжденным Знаком отличия ордена Святого Георгия Победоносца. Среди участников русско-японской войны удалось выявить только одного вепса — Георгиевского кавалера — ефрейтора Сергея Дмитриевича Стафеева, уроженца деревни Гимрека Щелейско-Гиморецкого общества¹¹. Среди участников Мировой войны выявлено семь вепсов — Георгиевских кавалеров. Это:

Варухин Иван Фролович, крестьянин д. Матвеева Сельга Шелтозерско-Горного общества, рядовой 9-й стрелковой артиллерийской бригады¹²,

Вирлаков Ефим Иванович, крестьянин д. Верховье Шелтозерско-Бережского общества, рядовой 79-го пехотного запасного батальона, 8-го Сибирского стрелкового полка¹³,

Коротяев Николай Александрович, крестьянин д. Погост Шелтозерско-Бережского общества, рядовой команды связи штаба 3-го гвардейского пехотного дивизиона¹⁴,

Миккоев (Микоев) Михаил Петрович, крестьянин д. Посад Шелтозерско-Бережного общества, рядовой 173-го Заамурского пограничного отряда, (16.09.1883–22.10.1937), был Полным Георгиевским кавалером¹⁵.

¹⁰ НА РК. Ф. 23. оп. 1. д. 65/97, л. 73; *Савватеев Ю. А.* Полузабытое имя: (К 100-летию со дня рождения С. А. Макарьева) // Вестник Карельского краеведческого музея: Сб. науч. тр. Петрозаводск, 1995. Вып. 3. С. 3–18.

¹¹ НА РК. Ф. 4. оп. 3. д. 55/77, л. 26.

¹² НА РК. Ф. Р-573. оп. 1. д. 18/178. л. 191–192; Ф. 23. оп. 2. д. 7/175, л. 32 об.; Ф. 378. оп. 4. д. 1/3. л. 250б., 87об., 441.

¹³ НА РК. Ф. 72. оп. 1. д. 106/24, л. 429–431, 436; Ф. 378. оп. 4. д. 1/3, л. 153 об.

¹⁴ НА РК. Ф. Р-573. оп. 1. д. 18/178, л. 82, 183; Ф. 378. оп. 4. д. 1/3, л. 14 об., 236 об., 261 об.

¹⁵ Полные Георгиевские кавалеры (список, составленный Н.А. Кораблевым и Т.А. Мошиной). См. Дубровская Е.Ю., Кораблев Н.А. Карелия в годы Первой мировой войны: 1914 — 1918. — СПб.: Нестор-История, 2017. С. 364.

Носов Степан Антонович, крестьянин д. Калин Остров Шелтозерско-Бережского общества, рядовой 430-го пехотного Валкского полка¹⁶,

Патраев Яков Гаврилович, крестьянин д. Матвеева Сельга Шелтозерско-Горного общества, рядовой 645-го вьючного транспортного полка¹⁷,

Шишов Андрей Михеевич, крестьянин д. Докучаевской Шелтозерско-Бережного общества, рядовой 363-го пехотной Виленской дружины¹⁸.

Иван Варухин и Михаил Миккоев были награждены также Георгиевскими медалями «За храбрость».

В правилах о награждении Знаком отличия ордена Святого Георгия Победоносца, учрежденным в 1807 году, говорилось: «Им награждаются только те из нижних воинских чинов, которые, служа в сухопутных и морских русских войсках, действительно выкажут свою отменную храбрость в борьбе с неприятелем»¹⁹. К сожалению, практически не удалось найти сведений, дающих информацию о том, за что конкретно были награждены названные герои. Известно, что один из них, телефонист Николай Коротяев, был отмечен «за подвиг у деревни Медухи в ночь с 9 на 10 июля 1917 года»²⁰.

Немного удалось узнать и о семейном положении Георгиевских кавалеров и их дальнейшей судьбе. Иван Варухин, Степан Носов, Яков Патраев и Андрей Шишов были холостыми. У Ефима Вирлакова, скончавшегося от ран 4 августа 1916 года, на родине остались две малолетних дочери, Устинья и Александра, у Николая Коротяева — трое малолетних детей: Василий, Степан и Вера. У Михаила Миккоева в Петрозаводске проживали жена и дочь Ольга. Его жизнь прервал незаконный арест 21 сентября 1937 года, он был расстрелян в окрестностях Петрозаводска. Реабилитирован прокурором Карельской АССР 12. 04. 1989 года²¹.

¹⁶ НА РК. Ф. Р-573. оп. 1. д. 18/178, л. 70–71; Ф. 378. оп. 4. д. 1/3, л. 61, 92 об.

¹⁷ НА РК. Ф. Р-573. оп. 1. д. 18/178, л. 70–71; Ф. 378. оп. 4. д. 1/3, л. 61, 92 об.

¹⁸ НА РК. Ф. Р-573. оп. 1. д. 18/178, л. 206–207 об.

¹⁹ Дуров В. А. Русские награды XVIII – начала XX века. — М., 1997. — С. 96.

²⁰ НА РК. Ф. Р-573. оп. 1. д. 18/178, л. 82, 183.

²¹ Полные Георгиевские кавалеры (список, составленный Н.А. Кораблевым и Т.А. Мошиной. См. Дубровская Е.Ю., Кораблев Н.А. Карелия в годы Первой мировой войны: 1914 — 1918. — СПб.: Нестор-История, 2017. С. 364.

Награжденным Знаками отличия военного ордена Святого Георгия и Георгиевскими медалями полагались пенсии, которые назначались со дня совершения подвига. Размер пенсии зависел от степени ордена или медали.

Награжденным Георгиевской медалью 4-й степени выплачивали 12 рублей в год, 3-й степени — 18 рублей, 2-й степени — 24 рубля, 1-й степени — 36 рублей в год. Награжденным Георгиевским крестом 4-й степени выплачивали 36 рублей в год, 3-й степени — 60 рублей, 2-й степени — 96 рублей, 1-й степени — 120 рублей в год. Причем, если награжденный имел несколько Знаков отличия военного ордена Святого Георгия (Крестов) и Георгиевских медалей, то пенсия выплачивалась только за один полученный Знак — высшей степени из имеющихся.

Пенсии также полагались тем нижним чинам, которые при исполнении воинских обязанностей на войне или в мирное время получили какие-либо повреждения или болезни, в результате которых потеряли совершенно или хотя бы отчасти способность к труду. Размер пенсии варьировался от 30 до 216 рублей в год. Вдовы и круглые сироты получали пенсии от казны (48 рублей в год вдовы рядовых, от 48 до 84 рублей — унтер-офицеры и пр.). Малолетним братьям и сестрам погибшего на войне нижнего чина, при условии, что они оставались круглыми сиротами, полагались пособия от Алексеевского комитета. 16 декабря 1917 года декретом «Об уравнивании всех военнослужащих в правах» были отменены ордена и прочие знаки отличия, в том числе и Георгиевский крест. Однако пенсии и пособия выплачивались вплоть до апреля 1918 года. Только после ликвидации Капитула выплаты по этим наградам были прекращены²².

Уже в конце 1916 года поднимался вопрос об увековечивании памяти павших в войне воинов-олончан. В частности, планировалось соорудить часовню-памятник в Петрозаводске. Инициатором был Марк Семенович Могилев, член Петрозаводского Окружного суда, чей сын погиб 30 октября 1916 года. Его поддержали бывший городской голова Василий Дмитриевич Лысанов. Сбор средств проводился

²² О получении пенсий нижними чинами и их семьями // ВОГЗ. 1915. № 5. 15 марта. С. 7–9.

во всех волостях губернии, его ход освещался на страницах газеты «Олонецкие губернские ведомости»²³.

Ни часовни, ни памятника павшим воинам-олончанам до сих пор нет. Скудны сведения и о судьбах участников войны.

Известным ученым, первым директором краеведческого музея (ныне Национальный музей Республики Карелия) и научно-исследовательского института (ныне КарНЦ РАН) стал Степан Андреевич Макарьев (23.09.1895–27.11.1937). Уроженец деревни Еремеев посад Шелтозерско-Бережного общества Мелькин Александр Андреевич (09.08.1895–?), служивший телеграфистом на флоте, после войны работал в Шелтозерской волостной управе, затем инструктором при Олонецком губвоенкомате²⁴.

Потомки тех, кто участвовал в той кровопролитной войне, до сих пор живут в Карелии, в том числе и потомки Георгиевских кавалеров — Варухина Ивана Фроловича и Коротяева Николая Александровича. Это петрозаводчанин, архитектор Алексей Михайлович Варухин, дед которого, Петр Фролович Варухин, брат Георгиевского кавалера, служил в Лейб-гвардии Волынском полку, а также жители с. Шелтозеро — семья Коротяевых. Надеемся, что после публикации этой статьи откликнутся потомки участников этой далекой войны, найдутся фотопортреты героев и фонды Шелтозерского вепского этнографического музея, расположенного в доме Мелькиных, семью которых также затронула не одна война, пополнятся новыми экспонатами. А память Георгиевских кавалеров, уроженцев вепской земли, можно будет увековечить достойным образом.

²³ Часовня-памятник павшим воинам-олончанам в г. Петрозаводске // Вестник Олонецкого губернского земства. 1916. № 20; *Лысанов В. Д.* К вопросу о памятнике-часовне (в память павших на поле брани воинам // Олонецкая неделя. 1917. № 4. 22 января; *Иванов Ф.* Список лиц, сделавших пожертвования на сооружение часовни во имя Св. Мучеников в память воинов олончан, убитых в настоящую войну. — По Ладвинской волости // ОГВ. 1917, № 1, 3 января; *Иванов Ф.* Выписка из подписного листа № 13 для сбора добровольных пожертвований на сооружение в г. Петрозаводске часовни во имя «всех Св. Мучеников» в память воинов олончан, убитых в настоящую войну. — По Ялгубской волости // ОГВ. 1917, № 2, 5 января.

²⁴ НА РК. Ф. 72. оп. 4. д. 10/76, л. 29; Ф. Р-573. оп. 1. д. 12/119, л. 111.

О ранних этапах этнической истории вепсов¹

Появление известных в древнейших письменных источниках о племенах весь и чудь, которых историческая наука считает предками вепсов², объясняется их обитанием по побережьям озер и рек, по которым в древности проходил Великий волжский путь³. В науке он известен как водный путь «из варяг в арабы», по которому шла торговля из Западной Европы через Балтийское море, озера и реки Восточной Европы с арабским Востоком (Рис. 1).

В древности расселение по берегам рек и озер не только обеспечивало доступ к водным ресурсам и занятие рыболовством, но и давало обитателям побережий особые преимущества, поскольку водные пути являлись практически единственными «дорогами», через которые устанавливались торговые и культурные связи, происходил

Рис. 1.
Схема основных
торговых путей
в раннем
Средневековье.

На карте-схеме
показаны:
Великий
Волжский путь —
красным,
Днепровский —
фиолетовым.
Другие торговые
показаны
оранжевым цветом.

¹ Работа выполнена в рамках плановой темы «Культурное наследие коренных народов Карелии и сопредельных областей и современные этнические процессы» [№ 121070700119-5].

² Энциклопедия. Карелия. Том 1. А–Й. — Петрозаводск, 2007. — С. 45–46; Вологодская энциклопедия. — Вологда. 2006. — С. 97. Кочуркина С. И. Сокровища древних вепсов. — Петрозаводск. 1990.; Рябинин Е. А. Весь // Природа. 1993. № 1. — С. 86–93.

³ Дубов И. В. Великий волжский путь. — Л., 1989. — С. 22.

обмен технологиями и знаниями. Торговля содействовала производству изделий, пользующихся спросом, обеспечивала приобретение необходимых товаров, а главное — получение дополнительной прибыли, способствующей ускоренному экономическому развитию местного населения. Она являлась и главным импульсом строительства городов, располагавших на торговых магистралях.

Чудь и весь в списке Иордана. Впервые о *чуди* и *веси* говорится в одном из самых известных исторических сочинений раннего средневековья «О происхождении и деяниях Гетов» или «Гетика» готского историка Иордана. Работа им была завершена в VI в., но в ней, используя труды предшественников и сохранившиеся устные предания, Иордан описывает также и значительно более ранние события. Он рассказывает о готах, славу и могущество которым принесли воинские успехи их короля Эрманириха (Германариха), создавшего в середине III в. в Восточной Европе обширное государство. По сообщению Иордана, он подчинил себе немало племен: в числе завоеванных указывает и весьма воинственные северные племена *Thiudos In Aunxis — Vas in abroncas — Merens — Mordens Im niscaris*, заселявшие северную периферию его державы. Рассказывая о каждом покоренном народе, кроме северных, автор приводит сведения об обстоятельствах их завоевания, а северные — перечислены списком, без всяких пояснений. Перевод с латинского их названий, представленных в различном написании в вариантах, дошедших до нас в рукописях «Гетики», и поиск их соответствия известным в то время народам, вызвал появление обширной литературы. Трудности с переводом обусловлены не только различным написанием в них перечисляемых народов, но и сложностью определения языка, с которого они переводились на латынь, а также отсутствием о них в источнике какой-либо дополнительной информации. Позднее исследователи в названиях северных народов в списке Иордана увидят и сходство с этнонимами, упоминаемыми в русских летописях: *чудь, весь, меря, мордва, мещера*.

Отношение к данному сообщению Иордана раньше было критическим: утверждалось, что автор явно преувеличил могущество Эрманириха, приписав ему завоевание северных племен⁴. В последнее

⁴ Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. — М.-Л., 1965. — С. 20.

время к данному сюжету труда Иордана относятся с гораздо большим вниманием. Свое повествование Иордан начинает с сообщения об использовании им более ранних источников, что и дало основание для первых предположений, что при перечислении завоеваний Эрманариха автор перенес в свое сочинение сведения о народах, проживающих по Великому Волжскому пути, заимствованные им из сообщений путешественников или участников торговых экспедиций⁵.

И. В. Зинковская, обобщая итоги интерпретаций списка северных народов, вполне доказанным считает соответствие *Merens* и *Mordens* — мере и мордве, *Imniscaris* — допустимым с древней мешерой, или с местностью Мещера. Не до конца доказанным, но вполне вероятным — совпадение *Thiudos* с чудью в местности *Aunxis*. Оборот '*Thiudos In Aunxis* — чудь в Аунксе' еще в середине XIX в. предлагалось рассматривать как «чудь в Олонце», сопоставляя с финским названием Олонецкого края⁶. Происхождение названия Олонец современные специалисты по топонимии связывают с вепским словом *alanukse*, что значит «низкое место, низменность». Географическое положение Олонца подтверждает эту гипотезу⁷. При интерпретации '*Vas in Abroncas*' выходят на летописную весь с указанием ее обитания в местности — '*in Abroncas*', которая трудно поддается локализации⁸.

К проблеме обсуждения списка северных народов обратился и В. В. Напольских⁹. В отличие от И. В. Зинковской, он считает, что чтение списка надо начинать после слова *Thiudos*, переводимого с древнегерманского как народы, за которым следует их перечисление. Поэтому список начинается с «*in Aunx(is) Vas*, т. е. в Олонецком крае размещается не чудь, а весь, которую он связывает с вепсами. Топоним — *in Abronc(as)* у него также продолжает оставаться неясным, возможно, мерянского происхождения. *Merens* — совпадает с летописным

⁵ Зинковская И. В. К вопросу об идентификации одного из «северных народов» у Иордана (*Get.*, 116) // Известия Саратовского университета 2011. Т. II. Серия История. Международные отношения. Вып. 2. ч. 1. С. 58.

⁶ Зинковская И. В. Там же. С. 58.

⁷ Керт Г. М., Мамонтова Н. Н. Загадки карельской топонимики. Рассказ о географических названиях Карелии. Изд. 3-е, испр. и доп. — Петрозаводск, 2007. — С. 71.

⁸ Зинковская И. В. Указ. раб. С. 60–61.

⁹ Напольских В. В. «Список народов Германариха» — готский путь от Ладоги до Кубани // Уральский исторический вестник. 2012. № 2 (35). С. 23–24.

названием *Меря*, *Mordens in Miscar(is)* *Mordens* — ‘мордов’, сохраняющих ту же основу, что и в этнониме мордва, а *In Miscar(is)* — ‘в Мискарах’, он считает топонимом, связанным с древнерусским — Мещера, обозначающим название области и народа в среднем течении Оки. На предложенной им карте место обитания вепсов — *in Aunx(is) Vas* занимает пространство между Ладожским и Онежским озерами¹⁰ (см. Рис. 2).

Существование давних связей германского племени готов с прибалтийско-финскими племенами, к которым относят чудь и весь, не вызывает особых сомнений. Следы их контактов отчетливо отражаются в языках прибалтийско-финских народов, представленных в лексике, касающейся морских и военных дел, торговли.

И. В. Зинковская обращает особое внимание, что совпадение названий северных народов из списка Иордана фиксируется с названиями финно-угорских племен, упоминаемых в летописи «Повесть временных лет», независимо друг от друга и в разновременных источниках, имеющих разное происхождение¹¹. По ее мнению, королевство Эрманариха представляло первую попытку превращения разрозненных локальных миров Восточной Европы (степного, лесостепного и лесного) в крупномасштабное, обретающее государственность сообщество. Очевидно, что его участниками являлись и финно-угорские народы, в том числе чудь и весь.

Рис. 2. Локализация народов по списку народов Эрманариха

(Напольских В. В. Список народов Германариха. Готский путь от Ладоги до Кубани//Уральский исторический вестник. 2012. № 2. С. 28)

¹⁰ Там же. С. 28.

¹¹ Зинковская И. В. Указ. раб. С. 61.

Королевство Эрманариха, как считает И. В. Зинковская, по своему геополитическому положению, политической структуре и стремлению обосноваться на главных торговых магистралях региона можно считать *«предтечей Руси IX в., возникшей также позднее на главных торговых путях Восточной Европы, связывающих Север и Юг»*¹².

А. Н. Башенькин, который более двух десятилетий исследовал памятники *веси* в Белозерье, являющейся по данным русской летописи там «первонасельницей», пришел к выводу, что *весью* Иордана были носители яркой археологической культуры, сложившейся в первой половине I тыс. н. э. на берегах рек — Молога, Чагодаща и Суда. По данным рекам проходил отрезок северной части Великого Волжского пути¹³. Продолжение развития *веси* в данном регионе в V–VI вв. н. э. оказалось под натиском продвинувшихся на ее территорию летописных кривичей — носителей культуры «длинных курганов». Кривичи продвигались с юго-запада по рекам Кобожа, Песь, Чагодаща, Молога, ассимилируя или вытесняя *весь* на северо-восток. Лишь часть *веси*, куда кривичи не дошли, в бассейне р. Шексна и Белого озера и на р. Суда продолжила свое развитие. Здесь она с участием финно-угорского населения Поволжья и Прикамья к IX–X вв. сформировалась в этническую группировку, ставшую известной по летописи «Повесть временных лет» как белозерская *весь*¹⁴.

Таким образом, анализ сведений Иордана дает основу для предположений, что предки вепсов (чудь и весь) уже в VI веке населяли пространство между тремя северными озерами: Ладожским (Нево), Онежским (Онего) и Белым (Белоозеро), получившее в истории название Межозерья, где и началось сложение основного ядра этнической территории древних вепсов. По Межозерью проходил северный отрезок Великого волжского пути, имеющий несколько ответвлений. Самый западный шел из Ладоги по р. Волхов в оз. Ильмень, затем по рекам Мста и Молога и далее на Волгу; Сясьский — из Ладоги по рекам

¹² Зинковская И. В. К исторической оценке остерготского королевства Эрманариха // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2015. № 1. (198) / том 33 / С. 39.

¹³ Башенькин А. Н. Летописная *весь* — вепсы: аксиома или дилемма? // Вепсы: история, культура, современность. — Вологда, 2006. — С. 24 и далее.

¹⁴ Башенькин А. Н. Там же.

Сясь — Тихвинка — Чагодоша — Молога — Волга. Основным среди них считается Свирско-Шекснинский, выходящий на Белоозеро. Его важнейшей артерией являлась р. Свирь, соединяющая два крупнейших озера европейской части России. Из Онежского озера по рекам Вытегра и Ковжа путь вел на оз. Белое и по ее притоку Шексне на Волгу¹⁵.

Сведения Иордана о расселении перечисленных северных племен согласуются и с археологическими данными, согласно которым первопроходчиками Великого Волжского пути считают предков финно-угорских народов, заселивших берега рек и озер Волжской системы примерно с середины II тыс. до нашей эры (см. Рис. 3).

Его освоение предками финно-угорских племен было не единичным явлением, не одной волной, а многоактным процессом¹⁶, а их перемещения проходили как в сторону Балтики, так и в обратном направлении — на Волго-Окское междуречье. Длительное время он служил им внутри и межплеменным средством сообщения, а также и для связи со значительно более дальними регионами¹⁷. Считают, что до IX в. Великий Волжский путь принадлежал финно-угорским племенам, о которых нам сообщает летопись «Повесть временных лет»: чудь, весь, мордва, меря, мещера, мурома, югра¹⁸. О расселении племен, упомянутых Иорданом, летописец указывает, что «чудь

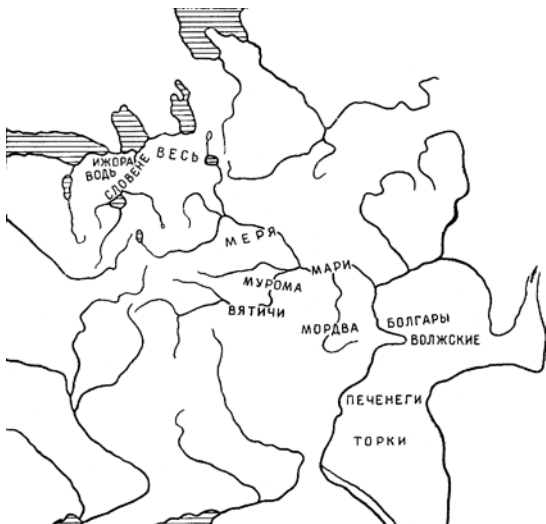

Рис. 3. Этническая ситуация на Балтийско-Волжском пути в IX в.

(Дубов И. В. Великий Волжский путь. — Л., 1989. — С. 34)

¹⁵ Дубов И. В. Великий Волжский путь. — Л., 1989. — С. 60.

¹⁶ Дубов И. В. Великий Волжский путь. С. 221.

¹⁷ Там же. С. 3–7, 221.

¹⁸ Там же. С. 221.

сидят близ моря Варяжского» (так славяне именовали Балтийское море). ...а на Белоозере сидит *весь*, которые здесь *первонасельники*... на Ростовском озере *меря*, а на Клещине озере также *меря*. А по реке Оке — там, где она впадает в Волгу, — *мурома*, *черемисы* и *мордва*, говорящие на своем языке¹⁹.

В свете последних исследований в сообщениях Иордана видят новые возможности в изучении ранней истории финно-угорских племен. Его сведения о чуде и веси говорят о весьма древних корнях, которые имели предки вепсов на территории своей исторической родины (см. Рис. 7).

Весь и чудо на страницах русских летописей. Летописи являются самым важным источником по ранней истории древних вепсов. Наиболее известной из дошедших до нас является «Повесть временных лет», составленная Нестором, монахом Киево-Печерского монастыря. В. Н. Татищев в «Истории Российской», пишет, что Нестор «родился на Беле озере»²⁰. По церковной истории местом его рождения указывают Киев²¹, а годы жизни как 1056–1113/1114²². Нестерова летопись сохранилась не в подлиннике, а в копиях — в различных летописных сводах XIV–XV вв., которые начинались с разных версий «Повести временных лет».

Наиболее древней версией «Повести временных лет» считается ее текст в Лаврентьевской летописи, составленной монахом Лаврентием в 1377 г.²³, близкой к ней по времени написания (1420 г.) является Ипатьевская летопись, обнаруженная в Ипатьевском монастыре под Костромой. Впервые текст «Повести временных лет» был опубликован в 1767 г. в так называемой Радзивилловской летописи, названной

¹⁹ Здесь и далее цитаты из летописи, если особо не оговорено, приводятся по изданию «Повесть временных лет». Вот повести минувших лет, откуда пошла Русская земля, кто в Киеве стал первым княжить и как возникла Русская земля. Перевод Д. С. Лихачева. М. — Augsburg. 2003. С. 3. См.: http://imwerden.de/pdf/povest_vremennyx LET.pdf

²⁰ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 1. Гл. 5. О Несторе и его летописи. См.: <http://www.magister.msk.ru/library/history/tatishch/tatis005.htm>

²¹ Преподобный Нестор летописец. См.: <http://days.pravoslavie.ru/Life/life4600.htm>

²² Алексашин С. С. Хроника Рорика Фрисланского и Рюрика Новгородского// Скандинавские чтения 2010 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты — СПб., 2012. — С. 62–63.

²³ Начальная русская летопись (О «Повести временных лет»). <http://www.home-edu.ru/user/uatml/00000754/histbibil/pvl/pvl.htm>

по имени литовского князя Радзивилла, у которого она хранилась. Время ее написания относят к XV веку²⁴.

Повествование в летописи «Повесть временных лет» начинается с событий, происходивших за 250 лет до ее составления, поэтому хронология ранней истории в ней довольно условна, сведения неполны, а иногда и противоречивы. Значимость труда Нестора чрезвычайно высока: летопись приводит основные сведения о первых веках истории нашего отечества. Нестора считают одним из самых образованных людей своего времени, прекрасным знатоком греческого языка и византийских хроник. При работе над летописью он использовал монастырские записи, имеющиеся источники на греческом языке, легенды и поэтические предания о различных исторических лицах и событиях. В летописи представлены и события, современником которых он сам являлся²⁵.

Для нашего исследования крайне важен сюжет в летописи, известный в истории под условным названием «Сказание о призвании варягов» (далее — Сказание). Он повествует об установлении власти варяжского конунга (князя) Рюрика над объединением финских (чудь и весь) и славянских (словене и кривичи) племен. Участие *чуди* и *веси* в этом важнейшем событии периода становления русской государственности, как отметил еще В. В. Пименов, говорит об их исключительной роли в создании древнерусского государства, поскольку «по крайней мере, из десяти финно-угорских народов, перечисленных в летописи, только чудь и весь упоминаются как участники призвания варягов»²⁶.

Сначала в летописи говорится, что «в год 6367²⁷ (859) варяги из — заморья взирали дань с чуди, словен, мери, веси и с кривичей»²⁸.

²⁴ Радзивилловская летопись. См.: <http://radzivilovskayaletopis.ru/>

²⁵ Преподобный Нестор Летописец. См.: <http://days.pravoslavie.ru/Life/life4600.htm>

²⁶ Пименов В. В. Вепсы: очерк этнической истории и генезиса культуры. — М.-Л., 1965. — С. 24.

²⁷ Летоисчисление в средневековой Руси, вслед за хронологическими произведениями Византии, велось от мифического сотворения мира, дата которого устанавливалась Библией: Рождение Иисуса Христа относят к 5508 г. от сотворения мира. Это летоисчисление через греков и болгар получило распространение и являлось общепотребительным на Руси с конца X в. по 1700 г. В скобках приводится дата по современному летоисчислению.

²⁸ Повесть временных лет. С. 7.

В мировой истории период с VIII до середины XI в. называют «эпохой викингов», которые в европейских источниках известны как норманны, а в древнерусских — варяги²⁹. Они являлись выходцами из местностей, которые сегодня занимает Норвегия, Дания и Швеция. В раннем средневековье их боевые дружины, совершавшие дальние морские грабительские рейды, добирались до Британских островов, Сицилии, Закавказья, наводя ужас на население прибрежных территорий³⁰. Первыми жертвами набегов викингов стали монастыри на побережьях Британских островов. Из-за их появления с моря и бесстрашия перед религиозными святынями в европейских источниках их именовали язычниками и «заморскими»³¹. Натиску викингов мало кто мог противостоять, поэтому сообщение о даннической зависимости от них перечисленных в летописи племен выглядит достоверным.

Через три года, по сообщению летописи — *«В год 6370 (862). Изгнали варяг за море, и не дали им дани, но из-за возникших междоусобиц в том же году «пошли за море к варягам, к руси ... и сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: „Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами“». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске. Созданный под управлением варягов военно-политический союз финноязычных и славянских племен, как полагают, и заложил основу будущего Древнерусского государства. По мнению В. П. Янина, призвание варягов может рассматриваться как результат договорных отношений между предгосударственной конфедерацией племен севера Восточной Европы и дружинами варягов. По нему договор — «ряд», обязывал призванных князей подчиняться законам (правде) призывавших племен. Как считает исследователь, такой порядок установления княжеской власти, мог отражать*

²⁹ Ловмянский Х. Русь и норманны. — М., 1985. — С. 228–229.

³⁰ О викингх и их походах см.: Стринггольм А. Походы викингов. — М., 2003; Михайлова Т. А. Ирландия. От викингов до норманнов. Язык, культура, история. — М., 2012. — С. 17–24.

³¹ Михайлова Т. А. Ирландия. От викингов до норманнов. Язык, культура, история. — М., 2012. — С. 18.

«победу исконной (родоплеменной) новгородской вечевой традиции», ограничивающей власть и амбиции приглашаемого со стороны князя³².

Ладога — первая столица Древнерусского государства. Версии Сказания в разных летописных сводах различаются в деталях. Их причину видят во взглядах местных правителей на процесс формирования Древнерусского государства в период их написания. В Радзивилловской и Ипатьевской версиях «Повести временных лет» местом, где началось княжение Рюрика, указана Ладога и только после смерти братьев Рюрик «срубил» Новгород, в Лаврентьевской — об этом нет никаких сведений. В Новгородской первой летописи (младшего извода), текст которой, как полагают, доносит предшествующий «Повести временных лет» «Начальный свод» 1090-х г., Сказание изложено несколько иначе. Приход Рюрика и его братьев Синеуса и Трувора в Новгород отнесен к более раннему времени — 6362 (854 г.), где и остался княжить старший брат Рюрик, а Синеус «сяде» на Белоозеро, Трувор — в Изборске. Весь в ней как участница события не упоминается, а участие чуди оговорено особо. Участники призвания по Новгородской первой летописи — «словени, и кривици, и меря» — представлены как «новгородстии людие», имеющие свой род и свою волость: чудь участвует только «своим родом» (без волости) и не входит в состав «новгородстии людие»³³. Сообщение о не вхождении чуди в состав «новгородстии людие» объясняют ее тесной связью вплоть до начала XIII в. не с Новгородом, а с Ладогой³⁴. Исследователи первоначальным вариантом считают версию, изложенную в Ипатьевской, Радзивилловской и Лаврентьевской летописях, где указано участие веси, что соответствует и направлению Синеуса в Белозеро — земли веси³⁵.

В археологических работах в составе владений Ладоги археологи выделяют «Чудскую землю», которая вместе с ладожской городской областью и составляла особую ладожскую землю (Рис. 4).

³² Янин В. Л. Средневековый Новгород. — М., 2004. — С. 10–12.

³³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М.-Л., 1950. — С. 106.

³⁴ Кирпичников А. Н. Указ. раб. С. 45–46.

³⁵ Кузьмин А. Г. К вопросу о происхождении варяжской легенды // Новое о прошлом нашей страны. — М., 1967. — С. 52.; Кирпичников А. Н. Указ. раб. С. 45.

Рис. 4. Ладожская земля в конце X – начале XIII вв. Границы показаны схематически (Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская земля VIII – XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. Славяно-русские древности. Вып. I. Л., 1988. С. 68)

Она совпадает с древним административным образованием — Обонежским рядом, занимающим юго-восточное Приладожье и местности на север до Олонецкого перешейка. Здесь наблюдается самое значительное скопление памятников курганной культуры. Олонец был ее самой северной окраиной.

Новый подход к норманнской проблеме. Роль варягов в Сказании вызвала острую и длительную дискуссию между сторонниками летописной версии создания Древнерусского государства (норманистами) и ее противниками (антинорманистами), усматривающими в таком изложении событий неспособность русского народа к созданию своего государства³⁶. Они продолжились и после официального утверждения Николаем I, Императором Российской Империи 862 года как начальной даты формирования Русского государства. Своим Высочайшим повелением он в 1852 г. предписал «держаться строго летоисчисления Преподобного Нестора и руководствоваться оным

³⁶ Клейн Л. С. Спор о варягах. — СПб., 2009. — С. 115.

в точности во всех учебных заведениях Министерства Народного просвещения, в которых преподается Русская История»³⁷. В 1862 г. Российская Империя торжественно отметила 1000-летний юбилей создания государства. Его центральным событием стало открытие в г. Новгороде, куда по одной из летописных версий прибыли варяги, грандиозного памятника «Тысячелетие России»³⁸.

В советский период норманнская теория считалась антинаучной, хотя важная роль норманнов не вызывала сомнений в создании многих государственных очагов в Европе. В некоторых из них им удалось захватить власть и создать свои правящие династии³⁹. Походы викингов в Европу рассматривают как запоздалый финал периода великого переселения народов⁴⁰, начавшегося в IV веке, причиной которого считают ослабление, а затем и крах Римской империи. Лидирующую роль в этот период в европейской истории играли древние германцы, сумевшие подчинить себе создаваемые на развалинах Римской империи новые государственные образования. Этот период, растянувшийся на три столетия, называют также «этнической революцией», в ходе которой происходило смешение разных народов, растворение одних и появление новых⁴¹. На завершающем этапе — в (VI–VII вв.) — в данный процесс втянулись и славянские племена, заселявшие Восточно-Европейскую равнину. Продвинувшиеся из них дальше всех в северном направлении (не позднее середины VIII в.), как сообщает летопись, «сели около озера Ильменя, назвались своим именем — славянами, и построили город, и назвали его Новгородом»⁴². Данные археологических раскопок последних десятилетий говорят о том, что первоначально славянский авангард достиг Ладоги. В ее окрестностях, как полагают, и состоялась

³⁷ Высочайшие повеления за август месяц 1852. 26. (21 августа). О следовании летосчислению Преподобного Нестора при преподавании в учебных заведениях Русской Истории. Журнал Министерства народного просвещения. Ч. LXXVI. 1852. Ноябрь. Санкт-Петербург. С. 19–20.

³⁸ Антощенко А. В. Замысел памятника тысячелетию России и его воплощение. См: <http://elibrary.karelia.ru/m1000/ideas/>

³⁹ История трехвекового противостояния по варяжскому вопросу представлена в монографии Л. С. Клейна: Клейн Л. С. Спор о варягах. — СПб., 2008.

⁴⁰ Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. — СПб., 2005. — С. 60.

⁴¹ Рыбаков С. В. Откуда есть пошла Русская земля? // История в подробностях. Русь изначальная. 2012. № 3 (21) март. С. 9.

⁴² Повесть временных лет. С. 4.

историческая встреча славянского (словен и кривичей) и финно-угорского (чуди и веси) миров, положившая начало славяно-финской федерации⁴³, выступившей с обращением к варяжскому конингу Рюрику с предложением заключить договор об управлении.

Исследователи обращают внимание и на сообщении летописи о механизме управления Рюриком подвластными территориями не через посредников — представителей местной знати, а путем назначения наместников, что считается также одним из признаков перехода от стадии *вождества* к государственному образованию⁴⁴. В отличие от племенной организации, где власть представляют старейшины, избираемые сообществом по своим личным качествам, на стадии *вождеств* власть передается вождем по наследству. *Вождества* рассматриваются как переходная стадия к государствообразованию, что и предопределило, как полагают, успех исторической миссии Рюрика, дружина которого стала «государствообразующей силой», а сам Рюрик родоначальником правящей династии⁴⁵.

В то же время, по мнению исследователей, важным фактором для объединительного процесса разноразных, но связанных общими интересами группировок под единой властью являлось их взаимодействие в «дюрюиковский период». В совместном решении славян, кривичей, чуди и веси о приглашении Рюрика видят существование между ними договорных отношений, что рассматривается как предпосылка некоего предгосударственного образования. Как отмечал Д. С. Лихачев, «для такого общего призвания нужен был союз, какая-то организация»⁴⁶, которая и стала реально изначальным звеном древнерусской государственности. Сообщение об изгнании в 859 г. общими усилиями варягов, по мнению известного историка В. В. Мавродина, говорит об уже сложившемся к моменту

⁴³ Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. — Л., 1985. — С. 212.

⁴⁴ Горский, А. А. Формирование русской государственности и «Призвание Рюрика» // 1150 лет Российской государственности и культуры. Материалы к Общему собранию Российской академии наук, посвящённому Году российской истории (Москва, 18 декабря 2012 г.). — М., 2012. — С. 18.

⁴⁵ Горский А. А. Указ. раб. С. 17.

⁴⁶ Лихачев Д. С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 3–6. http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=349

призвания «могучем племенном союзе» ильменских славян, чуди, мери и веси», имеющим антиваряжскую направленность⁴⁷. В литературе, используя более современную терминологию, его называют славяно-финской племенной федерацией (конфедерацией)⁴⁸.

В последние годы интерес к вопросам создания российской государственности возрос и со стороны российских государственных структур. В 2011 г. был принят Указ Президента Российской Федерации «О праздновании 1150-летия зарождения российской государственности»⁴⁹. Юбилей отмечался в 2012 г. в рамках мероприятий Года российской истории⁵⁰. Данное решение властей восстановило прерванную в советский период традицию официального признания 862 года, как начальной даты формирования древнерусской государственности⁵¹. В 2015 г. в Старой Ладоге Ленинградской области, которая в свете новых данных рассматривается как место, куда первоначально прибыл Рюрик с дружиной, был установлен памятник ему и его приемнику Олегу⁵² (Рис. 5). Полагают, что лишь позднее резиденция Рюрика была перенесена в Новгород⁵³.

Рис. 5. Памятник князьям Рюрику и Олегу.
Установлен в Старой Ладоге
Ленинградской области в 2015 г.
Автор Олег Шаров

⁴⁷ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. — Л., 1945. — С. 206–209.

⁴⁸ Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. Славяно-русские древности. Вып. I. Под ред. И. В. Дубова. — Л., 1988. — С. 41.

⁴⁹ Указ Президента РФ от 3 марта 2011 г. № 267 «О праздновании 1150-летия зарождения российской государственности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 10. Ст. 1358.

⁵⁰ Указ о проведении Года российской истории // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012 г. № 2. Ст. 246.

⁵¹ См.: <http://www.kremlin.ru/news/12073>

⁵² Официальный сайт Министерства культуры от 09. 2015 г. См.: <http://mkrf.ru/press-center/news/ministerstvo/arxiv/detail.php?ID=724905>

⁵³ Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. Славяно-русские древности. Выпуск I. — Л., 1988. — С. 44.

Правление Рюрика продолжалось до 879 г., но его потомки управляли Российским государством семь с половиной столетий.

Внимание властей к истории формирования Древнерусского государства усилило внимание исследователей к событиям, представленным в Сказании, уточнив многие ее устоявшиеся положения. По мнению ведущих ученых страны, современный уровень исследований, особенно в археологии и лингвистике, позволяет принять летописную версию за точку отсчета ее формирования, учитывая определенную условность такой датировки⁵⁴. Нет сомнений, что указание конкретной даты для столь долговременного процесса, как зарождение государственности, носит символический характер⁵⁵.

В последние десятилетия общепризнанной становится не только историческая основа Сказания, но оно обрастает и более конкретными данными. Полагают, что приглашенный варяжский конунг (князь) Рёрик (Рюрик) являлся представителем датского рода конунгов⁵⁶. Считается, что, уточняя в тексте летописи — *«Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, — вот так и эти»*, летописец показывает, что варяги бывают разные и что на княжение пригласили не тех варягов, которых раньше изгнали. В добровольном приглашении «заморских» правителей видят и хорошо рассчитанную политическую акцию — желание местной знати с помощью Рюрика и его дружины избежать угрозы грабительских рейдов викингов на Ладогу, что подтверждает отсутствие до конца X в. сведений их нападениях на Ладогу⁵⁷.

О происхождения слова *русь*, ставшим названием государства, ведутся постоянные дискуссии. По мнению большинства исследователей, хотя наука не пришла к окончательному мнению о его происхождении, из всех существующих версий наиболее достоверной является скандинавская. Считают, что это славянская форма древнескандинавского термина, означающего гребцов, связанное с родом

⁵⁴ Встреча с учеными-историками 22 июля 2011 г., г. Владимир. См.: <http://www.kremlin.ru/news/12073>

⁵⁵ Горский А. А. Указ раб. С. 11.

⁵⁶ Образование Древнерусского государства. См.: <http://www.rusarchives.ru/statehood/01-03-letopis-rurik.shtml>; Капелля. Энциклопедия. Том. 1. С. 46.

⁵⁷ Курпичников А. Н. Указ. раб., С. 52. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. — СПб., 2005. — С. 490.

занятий варягов в древности.⁵⁸ Полагают, что варягами, взимавшими дань, скорее всего, являлись викинги из средней Швеции — Свеаланда, области Скандинавии, наиболее близкой к Поволховью и Приладожью⁵⁹. Название княжеского рода Рюрика русь позднее было перенесено на управляемый им народ, а затем на государство — Русская земля. Как отмечают исследователи, в средневековых представлениях главным носителем этнонима — названия народа — являлась наиболее политически активная верхушка племени, название которой позднее переносилось и на подвластное ей население, даже в том случае, если первоначально оно имело иное с ней этническое происхождение⁶⁰.

Итогом последних исследований является значительное удревление событий, которые определяли историческое развитие на севере Европы. Местное население северных территорий, как уже выше говорилось, рано включилось в трансграничную торговлю, основным источником которой являлась пушнина, высоко ценившаяся на всех рынках мира. Наряду с ними в этих процессах уже с VII в. принимали участие выходцы из Скандинавии⁶¹. В середине VIII в. на р. Волхов на землях прибалтийско-финского населения появляется торгово-ремесленное поселение в Ладоге, основателями которого считают варягов. Установлено, что строительство Ладоги (по спилу используемых деревьев) началось в 753 году⁶². По древнескандинавским сагам Ладога известна как *Альдейгьуборг*.⁶³ Название города производят от реч-

⁵⁸ Мельникова Е. А. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства IX–X вв. См.: http://mmedia.nsu.ru/history/ DATA/obj2071/FILE_PDF.

⁵⁹ Горский А. А. Формирование русской государственности и «Призвание Рюрика» // 1150 лет Российской государственности и культуры. Материалы к Общему собранию Российской академии наук, посвященному Году российской истории (Москва, 18 декабря 2012 г.). — М., 2012. — С. 16–20.

⁶⁰ Горский А. А. Указ. раб. 13, 20.

⁶¹ Всемирная история: Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока / отв. ред. П. Ю. Уваров. — 2012.

⁶² Носов Е. Н. Рюрик — Ладога — Новгород // Ладога и истоки Российской государственности и культуры. Международная научно-практическая конференция проведена в Старой Ладоге Ленинградской области под эгидой Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры 30 июня — 2 июля 2003 г. — СПб., 2003. — С. 36; Мачинский Д. А. Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры. Шестые чтения памяти Анны Мачинской. — СПб., 2002. — С. 5–35.

⁶³ Стринггольм А. Походы викингов. — М. — С. 208.

ки Ладожки — притока Волхова, имеющей в своей основе *Alode-jogi (joki)*, *Ала-Djogi* — «нижняя река», прибалтийско-финские или самские истоки⁶⁴. Ладожское озеро (в те времена — «озеро Великое Невое») получило свое название уже от г. Ладоги.

Ладога, находясь на перекрестке морских и речных дорог, становится международным торжищем, где проходил сбыт и обмен товарами. В Ладогу могли заходить корабли длиной до одиннадцати метров, способные передвигаться по реке и по морю. Здесь же товары перегружали с морских на плоскодонные речные суда. Древнейший клад в Ладоге из слоев 750–760-х гг. с арабскими серебряными монетами (самая ранняя 699/700 г.), и нескольких кладов дирхем из Ладоги и ее окружи, датированных 770–790-ми гг., выдвигают Ладогу и ее окрестности в число наиболее развитых североевропейских районов раннего средневековья⁶⁵. В раскопках часто встречаются части восточных серебряных монет с неровными краями и весы для их взвешивания, поскольку ими расплачивались по весу. Археологами здесь найдены вещи, характерные для балтов, финно-угорских племен, скандинавов, а также фризов, франков. Ладога превратилась в древнейший средневековый город. Торговая экономика явилась мощным стимулом развития здесь ремесленного производства, расцвет которого относят к X в. Здесь начинается развитие бронзолитейного, стекольного, косторезного, а также судостроительного ремесел. Больших успехов ладожские мастера достигли в ювелирном деле. Местные и приезжие ремесленники быстро освоили производство товаров, пользующихся спросом в близких и дальних землях. Ладога стала центром, снабжавшим обширный регион на северо-западе изделиями европейских стран, а также предметами собственного производства. С самого начала политические, культурные и экономические интересы древних вепсов оказались связаны с Ладогой, поскольку местное прибалтийско-финское население было рано втянуто с ней в торговые отношения. При сохранении ими традиционных занятий (подсечно-го земледелия, скотоводства) большое значение в его хозяйственной

⁶⁴ Кочуркина С. И. История и культура народов Карелии и их соседей (средние века). — Петрозаводск, 2011. — С. 32.

⁶⁵ Мельникова Е. А. Возникновение древнерусского государства в европейском контексте // 1150 лет Российской государственности и культуры. С. 30.

деятельности приобрела охота для добычи пушнины. В обмен на пушнину оно получало различные товары. Основными посредниками в торговле пушниной считают варягов, выступавших, очевидно и как наемная военная сила, обеспечивающая безопасность торговых поездок. В отдельных случаях, как показывают археологические материалы, варяги оседали в местной среде.

В объединении земель славянских и финских племен по линии Изборск — Ладога — Белоозеро, ставшем основой для последующего расширения древнерусского государства, видят желание Рюрика и его наместников взять под свой контроль северную часть отрезка Великого-Волжского пути⁶⁶. Его бо́льшая часть — от Ладоги до Белоозера — проходила по землям приладожской веси-чуди и белозерской веси. Длительное время данный отрезок торгового пути являлся основным, по которому происходил обмен товарами между западными и восточными странами. Прямой путь у европейцев на Восток (Днепровский — см. Рис. 1) появился только в XI–XII вв. в ходе крестовых походов. Скорее всего, это явилось решающим фактором для укрепления экономической общности местного населения, проживавшего от Ладоги до Белого озера, и формирования культурной традиции, позволяющей археологам считать памятники данной территории принадлежащими единой этнической общности — древним вепсам⁶⁷.

Завершающим этапом формирования Древнерусского государства считают объединение созданной под управлением Рюрика так называемой северной, или Рюриковой Руси с южной Русью с центром в Киеве, после успешного завоевания Киева в 882 г. приемником Рюрика — князем Олегом. По сообщению летописи: *«В год 6390 (882). Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варягов, чудь, словен, мерю, весь, кривичей, и пришел к Смоленску с кривичами, и принял власть в городе, и посадил в нем своего мужа. Оттуда отправился вниз, и взял Любеч, и также посадил мужа своего... И пришли к горам Киевским... И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: „Да будет это мать городам русским“. И были у него варяги, славяне, и прочие, прозванныеся*

⁶⁶ Головинёв А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). — Екатеринбург, 2009. — С. 300.

⁶⁷ Кочуркина С. И. Весь (по археологическим материалам) // Прибалтийско-финские народы России. С. 337; Рябинин Е. А. Весь // Природа. 1993, № 1. С. 91.

русью. Тот Олег начал ставить города и установил дани словенам, и кривичам, и мери, и установил варягам давать дань от Новгорода по 300 гривен ежегодно ради сохранения мира, что и давалось варягам до самой смерти Ярослава»⁶⁸. Осевой магистралью, связавшей территорию Киевской Руси, стал торговый путь «из варяг в греки», протянувшийся с севера на юг по Восточно-Европейской равнине⁶⁹.

Исследователи обращают особое внимание, что после победы Олег не обложил данью чудь и весь, объясняя это либо их значительной политической самостоятельностью в то время, либо подчинением Ладоге. В то же время упоминание о веси как участнице похода князя Олега на Киев под 882 г. является последним сообщением о ней в летописи. Позднее летописец, рассказывая о событиях в Белозерье, называет его население не весью, а белозерцами, что и дало основание Н. И. Карамзину — известному историку и писателю, получившему в 1803 году именным указом императора Александра I звание историографа российской истории, заявить в примечаниях к первому тому своей «Истории Государства Российского»: «Весь, Меря и Муroma давно обратились в Россіян»⁷⁰.

Карамзинская концепция о полном растворении Веси в окружающем «славянском море» воспроизводилось до 40-х годов XX в. в учебной, научной и научно-популярной литературе. Сомнения в таком утверждении Н. И. Карамзина высказывали многие исследователи, но благодаря археологическим исследованиям последних лет, в том числе и А. Н. Башенькина, доказано, что полного поглощения славянской стихией белозерская весь избежала. Ее развитие в Белозерье продолжалось еще несколько веков.

О наследии белозерской веси. Среди археологов важнейшим вопросом стало определение места расположения племенного центра Веси в Белозерье. Указание Белоозера вместе с городами Ладогой и Изборском, куда, по летописным сведениям, был отправлен представитель Рюрика, предполагало, что центр белозерской веси должен соответствовать им по статусу. По мнению археологов, на него могут претен-

⁶⁸ Повесть временных лет. Вот повести минувших лет... С. 8.

⁶⁹ Горский А. А. Указ. раб. 12.

⁷⁰ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Кн. 1. Т. 1. — М. 1989. — С. 98.

довать два памятника: поселение, существовавшее у устья Шексны в X – начале XI вв. до сильного пожара на месте легендарного Белоозера, и городище Крутик⁷¹, расположенное на р. Шексне в 25 км от Белоозера на одном из отрезков Великого Волжского пути. Культурный слой сгоревшего поселения, предшествующего русскому городу Белоозеро, дает основание говорить о нем, как крупном «финском» поселке, являющемся ремесленным центром, связанным с международной торговлей⁷². Построенный на его месте новый город XII–XIII вв. был уже древнерусским, и его жителей называли белозерцами. В конце XVI в. его население переселилось на новое место на берегу Белоозера, где возник современный Белозерск⁷³.

В последние годы исследователи склоняются к мнению, что центром веси в Белозерье — летописном Белоозере «эпохи Синеуса» — являлось крупное раннегородское торгово-ремесленное поселение — городище Крутик⁷⁴. Оно признано эталонным памятником белозерской веси, еще не испытавшим сильного славянского влияния⁷⁵. По обнаруженным здесь памятникам — лепной керамике, богатым украшениям к женскому костюму, орудиям труда и быта, срок его бытования ранее ограничивался второй половиной IX – последней третью X вв., но в последнее время находки погребений продлевают срок его существования до середины XI в.⁷⁶ В городище имелся обособленный район, где в постройках срубного типа находились мастерские по косторезному, бронзолитейному и железообрабатывающему производствам. Для металлургического производства использовалась местная болотная руда. Ремесленники имели большой опыт по выплавке металла и его обработке, владели самыми передовыми для того времени технологиями. Здесь обнаружены сыродутные печи-домницы, занимающие важное

⁷¹ Поселение Крутик расположено у д. Городище в Кирилловском районе Вологодской области.

⁷² Рябинин Е. А. Весь. // Природа. 1993. № 1. С. 91.

⁷³ Сакса А. Вепсы — древний народ Севера // Микко Savolainen/ Vepsä/Vepsänmaa <http://vepsia.ru/history/istru.php> / Mikko Savolainen. Atena, 1998.

⁷⁴ Захаров С. Д., Меснянкина С. В. Крутик: новые открытия. // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород — Старая Русса. Том II. — СПб.-М.-Великий Новгород, 2011. — С. 32–33.

⁷⁵ Захаров С. Д., Меснянкина С. В. Указ. раб., С. 32.

⁷⁶ <http://www.archaeolog.ru/?id=233>

место в производстве железа⁷⁷. Интересные находки связаны и бронзолитейным и косторезным ремеслами. При литейном производстве использовалось привозное сырье, им занимались женщины, что являлось обычным и у других финно-угорских народов⁷⁸. Как показывают находки игрушечных льячек и литейных формочек, к нему рано общались детей. Среди изделий косторезного ремесла особо выделяют обереги — подвески бобров, выполненные из рога, аналогичные которым пока нигде не обнаружены. Такие обереги не случайны, мех бобра высоко ценился на международных рынках, мясо бобра население использовало в пищу. Сложные по изображению вышивки у вепсов обрамляли фигурки стилизованных бобров, сходные по очертаниям с рисунками бобров на саамских бубнах⁷⁹.

Городище Крутик являлось как поселением ремесленников, так и центром пушной добычи и меховой торговли. Среди определяемых костных останков на долю скелетных фрагментов бобра приходится от 25 до 43 процентов, белки — от 25 до 36 процентов. Охотились также на горностая и зайцев⁸⁰.

На городище обнаружены многочисленные серебряные монеты — драхмы, дирхемы, время изготовления которых от конца VI до середины X вв. Обилие бус, в том числе староладожского типа VIII–X вв., фризских гребней говорят о ранних связях с Ладогой, заметны в поселении и следы пребывания скандинавов, по всей вероятности, останавливавшихся здесь на пути на восток.

Прекращение существования поселения связывают со сменой направления торгового пути. В XI в. появилась возможность использовать Днепровский путь и потребность в городище как торговом посреднике и ремесленном центре исчезла. Проживавшая здесь весь — так

⁷⁷ Еремеев С. Т. Железные промыслы в Череповецком крае (X–XVI вв.). См. <http://cherpovets-kp.ucoz.org/publ/30-1-0-103>

⁷⁸ Никитина Т. В., Ефремова Д. Е. Захоронения с орудиями литья (литейщиц) в марийских могильниках IX–XI вв. // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород — Старая Русса. Том II. — СПб-М., Великий Новгород, 2011. — С. 78–79.

⁷⁹ Косменко А. П. Послания из прошлого. Традиционные орнаменты финноязычных народов северо-западной России. — Петрозаводск, 2011. — С. 168–169.

⁸⁰ Сердюк Н. В. Характеристика археозоогического материала поселения Крутик. // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород — Старая Русса. Том II. — СПб-М.-Великий Новгород, 2011. — С. 96.

называемая белозерско-шекснинская группа — с X до середины XI вв. подверглась значительной ассимиляции в ходе заселения региона славянским населением. Вместе с тем часть ее под натиском славянской волны продвинулась в верховья Суды, Ояти, Паши к своим соплеменникам вглубь вепсской территории, а часть сохранилась в лице современных белозерских вепсов. Топонимические исследования И. И. Муллонен показывают, что верховья Суды и в прошлом входили в единый ареал вепсской топонимии. В последние годы в науке утвердилось представление, что именно на этой труднодоступной территории в условиях относительной изоляции в XIV–XVII вв. и завершилось формирование современных вепсов в результате слияния части судской веси и этнически близкого ей прибалтийско-финского населения юго-восточного Приладожья⁸¹.

В археологической литературе долго обсуждался вопрос — к какой группе — прибалтийско-финской или поволжской — относилась белозерская весь. Сочетание в археологическом наследии белозерской веси древностей, характерных для прибалтийско-финских и волжско-финских групп, видимо, объясняется ее обитанием между данными группами. В культуре белозерской веси есть и местные особенности, отражающие ее культурное своеобразие, по сравнению с культурными традициями более западной части Межозерья, где большую известность получила курганная культура Юго-Восточного Приладожья. В то же время исследователи не видят оснований для их противопоставления в этническом отношении. По мнению Е. А. Рябины, весь как крупное этническое образование имела несколько отличающихся в культурном отношении группировок, которые и составляли вместе «единый вепсский союз племен»⁸².

Чудь на страницах летописей X–XI вв. В отличие от веси чудь и ее представители еще в течение столетия, судя по данным летописей, являлись участниками важнейших событий русской истории. По мнению Д. В. Бубриха, чудь сформировалась из выходцев прибал-

⁸¹ Винокурова И. Ю. Обычаи, ритуалы и праздники в традиционной культуре вепсов. Учебное пособие. — Петрозаводск, 2011. — С. 14; Егоров С. Б. Восточные районы Ленинградской области (вепсы, русские) // Егоров С. Б., Киселев С. Б., Чистяков А. Ю. Этническая идентичность на пограничье культур. По материалам исследования сельского населения Ленинградской и Смоленской областей. — СПб., 2007. — С. 69.

⁸² Рябинин Е. А. Весь // Природа. 1993. № 1. С. 91.

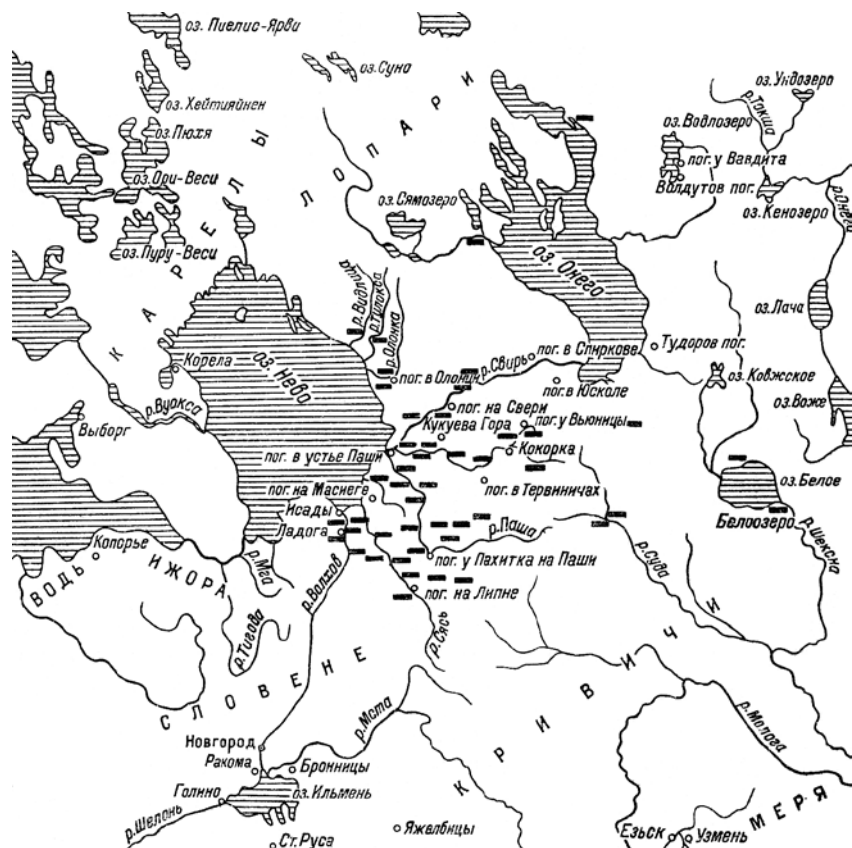

Рис. 6. Этническая карта европейского Севера во второй половине VIII–X вв. (Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. — М.-Л., 1965. — С. 45)

тийско-финских племен, которые стягивались к Ладоге и ее окрестностям из разных мест их обитания, привлекаемые ее быстрым экономическим развитием. Но ее основу составляли выходцы из *веси*, занимавшие местность между Свирью и Волховым, которую он считал «колыбелью вesi». Об этом говорили топонимы Вси, Весь, Веска, окружающие местность, где проходила западная граница основного места обитания вesi — нижнее течение Волхова (Рис. 6).

По его предположениям, белозерская вesi была лишь ее цветущей колонией, занимающей восточную окраину земель древних вепсов.

Д. В. Бубрих полагал, что сначала чудь-весь выступала в роли спутников (соратников) варягов в их походах, но затем, пополняемая выходцами из различных прибалтийско-финских племен, стала отдельным воинским формированием⁸³, являясь в то же время связующим звеном между прибалто-финнами, варягами и славянами⁸⁴.

О тесной связи чуди и варягов говорится с первых страниц летописи: чудь обитает «*близ моря Варяжского*», где «*сидят варяги*»; с чуди начинается перечень народов, дающих дань варягам; она указана первой при обращении к руси при призвании Рюрика: «*Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь...*»⁸⁵. В дружине князя Олега (879–912), преемника Рюрика, собранной для похода на Киев, чудь указана после варягов: «*В год 6390 (882). Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варягов, чудь, словен, мерю, весь, кривичей*»⁸⁶. Чудь — участница похода князя Олега и на столицу Византии Константинополь (Царьград — русских летописей): «*В год 6415 (907). Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою и множество варягов, и славян, и чуди, и кривичей...*». Чудь принимает участие и в ряде важнейших политических акций князя Владимира (960–1015), известного в церковной истории как Владимир Креститель: «*В год 6488 (980) «собрал много воинов — варягов, словен, чуди и кривичей — и пошел на Рогволода (половецкого князя), а после победы над ним захватил киевский престол у своего брата Ярополка.*

С активностью контактов выходцев из вепсов с варягами можно связать и происхождение этнонима *чудь*, которое остается спорным⁸⁷. Д. В. Бубрих считал, что его корни в древнегерманском слове *thiudhoo*, чаще всего используемого в значении *свой народ, свои люди*, указывая и производные от него — *свой, свойский* дружественный, понятный, в том числе и слово *deuten* — пояснять,

⁸³ Бубрих Д. В. Указ. раб. 23.

⁸⁴ Бубрих Д. В. Указ. раб. С. 23.

⁸⁵ Повесть временных лет. Вот повести минувших лет. С. 3–8.

⁸⁶ Там же. С. 8.

⁸⁷ Дранникова Н. В. Чудь в устной традиции народов Европейского Севера // Народные культуры Европейского Севера. Материалы республиканской научной конференции (Архангельск, 15–17 октября 2007 г.). — Архангельск, 2008. — С. 5–27.

bedeuten — значить, которое в средние века дало самоназвание немецкому народу — *deutsch*. Древние славяне его восприняли как *tjudjъ* — *чужой народ, чужие люди*. Со временем общение древних германцев и славян стало достоянием истории, а слово *tjudjъ*, превратившееся в *чудь*, сначала относилось к волховской чуди, как группе, связанной с варягами (новыми германцами), а затем стало использоваться и по отношению к остальным прибалтийско-финским группам. Исключением являлась лишь белозерская весь, наиболее близко примыкающая к волжским финноуграм, и славянами, «не вникавшими в лингвистические обстоятельства, она ставилась на одну доску с другими волжскими группами»⁸⁸.

Вопрос о взаимоотношениях чуди с всейю вызывал многочисленные дискуссии в связи с этнической принадлежностью памятников уже упоминаемой курганной культуры Юго-Восточного Приладожья (Рис. 6). Ее ареал распространения значительно обширнее, чем отражает ее название. В настоящее время она охватывает юго-восточное Приладожье с бассейнами р. Сясь, Тихвинка, Воронежка, Паша, Капша, Оять, Свирь, Олонки, Тулокси и Видлицы⁸⁹.

При признании их прибалтийско-финского, «чудского» происхождения, исследователи по-разному называли их создателей. В них видели весь, но в отличие от белозерской веси ее называли приладожской всейю или приладожской чудью⁹⁰. Д. В. Бубрих, предложив свою версию этнической принадлежности носителей приладожской культуры, называл их волховской чудью, поскольку особая известность чуди как этнополитической группировки в IX–X вв., по его мнению, была связана с экономическим развитием Ладоги.

Данное предположение Д. В. Бубриха, связывающее весь и чудь единым происхождением, фактически снимает основания для дискуссий о принадлежности памятников курганной культуры рубежа

⁸⁸ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Повесть о союзнике и друге русского народа на Севере. — Петрозаводск, 1947. — С. 24–26.

⁸⁹ Кочуркина С. И. К вопросу о датировке погребений с монетами приладожских курганов (оятских) курганов // Труды карельского научного центра Российской академии наук. Серия «Гуманитарные исследования». Вып. 2. № 6. 2011. С. 4.

⁹⁰ Кочуркина С. И. Весь (по археологическим материалам) // Прибалтийско-финские народы России. — М., 2003. — С. 340.

IX—нач. XIII вв.⁹¹ По мнению Л. А. Голубевой⁹², С. И. Кочкуркиной, Е. А. Рябиной, приладожская чудь являлась одной из этнографических групп веси. Вместе с тем утверждение Д. В. Бубриха, что весь как самостоятельная этническая группировка и возникшее на ее основе воинское формирование — чудь — сложились к середине IX в., после установления начала строительства Ладоги не позднее середины VIII в., требует уточнения. С учетом современных исследований, очевидно, следует говорить о значительно более раннем формировании веси как самостоятельной этнической общности.

Чудской след в киевской знати. Как полагают, отрицательные последствия для чуды имело решение князя Владимира в 988 г. об укреплении южных рубежей Руси: *«И сказал Владимир: «Нехорошо, что мало городов около Киева. И стал ставить города по Десне, и по Остру, и по Трубежу, и по Суле, и по Стугне. И стал набирать мужей лучших от славян, и от кривичей, и от чуды, и от вятичей, и ими населил города, так как была война с печенегами. И воевал с ними, и побеждал их»*⁹³.

Полагают, что, принимая решение о создании заслона против печенегов, князь Владимир преследовал также цель «отрыва наиболее сильной и политически активной чудской знати от родных мест», надеясь тем самым остановить ее растущее влияние⁹⁴. В X в. отряд чуды, по мнению специалистов, формировался самостоятельно и в отдельных случаях мог составлять до четверти в составе общего войска⁹⁵. По археологическим данным, технически оно было оснащено самым передовым оружием своего времени. Из 20 мечей самого дорогого и престижного оружия воина-профессионала IX—X вв. с клеймом знаменитого западноевропейского кузнеца «Uleberht», обнаруженных на территории России и Украины, в Юго-Восточном Приладожье най-

⁹¹ Бубрих Д. В. Указ. раб. С. 23. Пименов В. В. Указ. раб. С. 36.

⁹² Голубева Л. А. Весь, скандинавы и славяне в X—XI вв. // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 132; Кочкуркина С. И. Весь (по археологическим материалам) // Прибалтийско-финские народы России. С. 337; Рябинин Е. А. Весь // Природа. 1993, № 1. С. 91.

⁹³ Повесть временных лет. С. Вот повести минувших лет... С. 38.

⁹⁴ Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская земля VIII—XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. Славяно-русские древности. Вып. I. Под ред. И. В. Дубова. — Л., 1988. — С. 72 и сл.

⁹⁵ Кирпичников А. Н. Указ. раб. С. 71.

дено 4 клинка⁹⁶. В средневековье такой меч был символом принадлежности к верхушке феодального сословия, оружием бояр и старших дружинников, составлявших ближайшее окружение князя и занимавших ключевые посты в войске и в гражданской администрации⁹⁷. Включение чудских правителей в слои высшей киевской знати, как полагают, притормозило развитие Приладожья (Чудской земли) как отдельного этнотерриториального образования, лишившихся на своей родине своих «лучших мужей»⁹⁸.

На страницах летописи с середины X по XI вв. среди киевской знати неоднократно встречаются сообщения о представителях боярского рода Чудина. Впервые летописец о нем упоминает под 945 г., где говорит о том, что в Киеве в то время *«княжеский двор находился на том месте, где ныне (т. е. во время пребывания самого летописца в городе) стоит двор Воротислава и Чудина (Чюдина)»*⁹⁹. Очевидно, что на месте княжеского мог быть двор лишь очень знатного боярина. Представитель того же рода, упоминаемый в летописи как Чюдин, указан в числе составителей второй части краткой версии «Русской правды», известной под названием «Правды Ярославичей», т. е. составленного сыновьями князя Ярослава Мудрого с приближенными им боярами. «Русская правда» — один из важнейших исторических документов, приравненных по значению к летописям, являлся первым законодательным сводом Древней Руси, служившим руководством при судебных разбирательствах в период средневековья. Ее древние списки сохранились с XIII по XVII в.¹⁰⁰, а текст в соответствии с развитием общественных отношений редактировался и дополнялся вплоть до XVI в.¹⁰¹

Текст документа, выделяемый исследователями из общего свода как «Правда Ярославичей», считается продолжением ее первой части —

⁹⁶ Кирпичников А. Н. Мечи с надписью Uleberht в Северной Европе. См.: http://vk.com/doc3866357_277104244?hash=24450b268ec798d29a&dl=902199f7af73d8308e;

Кирпичников А. Н. Мечи типа Uleberht на восточном пути. 2007. // <http://rsv-akavedjmak.livejournal.com/26740.html>

⁹⁷ Макаров Н. А. Русский Север: таинственное средневековье. — М., 1993. — С. 138.

⁹⁸ Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская земля VIII—XIII вв. С. 73.

⁹⁹ Повесть временных лет. С. 18.

¹⁰⁰ Правда Русская. Тексты. Под редакцией академика Б. Д. Грекова. — М.-Л., 1940. — С. 11.

¹⁰¹ Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. http://www.hrono.ru/dokum/1000dok/ru_pravda_mgu.php

«Правды Ярослава», созданной при Ярославе Мудром до 1016 г. В Новгородской первой летописи младшего извода он включен в текст после слов: «*Правда уставлена Рускои земли, егда ся совокуупиль (Изяслав, Всеволод, Святославъ, Коснячъко, Перенегъ, Микифоръ Кыянинъ, Чюдинъ Микула)*»¹⁰². По мнению специалистов, указанная дата в летописи — 1016 г. относится только к первой части «Русской правды», автором которой считают князя Ярослава Мудрого, а «Правда Ярославичей» появилась значительно позднее — в 1072 г. Установлено, что «Чюдин Микула», указанный в летописи как один из составителей «Правды Ярославичей», ошибочно прописан как одно лицо: речь идет о двух мужах из г. Вышгорода — Чюдине и Миколе, участвующих вместе с сыновьями князя Ярослава Мудрого в составлении документа. Исследователи считают, что в летописи говорится о Чюдине, державшем от имени князя Вышгород, являвшийся в то время духовным и религиозным центром всей Руси¹⁰³.

Упоминание Чудина в летописи связано с важнейшим событием в истории русской церкви: торжественным перезахоронением в 1072 г. Ярославичами — Изяславом, Святославом и Всеволодом, первых русских святых — князей Бориса и Глеба»¹⁰⁴, канонизированных в лике «мучеников страстотерпцев». В сказании о перенесении мощей Бориса и Глеба в г. Вышгород упомянут и некий Микула как старейшина «огородников». Перезахоронены мощи Бориса и Глеба были в новой церкви, построенной Изяславом в Вышгороде. По сообщению летописи, «*И управлял тогда Вышгородом Чюдин, а церковью Лазарь*»¹⁰⁵. Предполагают, что и составление «Правды Ярославичей» состоялось в Вышгороде, где «совокупились» Ярославичи, на что указывает участие в ее составлении двух мужей из Вышгорода — Чудина и Микулы¹⁰⁶.

В летописи за 1068 г. в числе лиц, приближенных к князю Изяславу, старшему сыну Ярослава Мудрого, занявшему после его смерти

¹⁰² Новгородская первая летопись младшего извода. С. 177.

¹⁰³ <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/intro.htm>

¹⁰⁴ Русские князья Борис и Глеб были убиты в 1015 г. по приказу своего брата Ярополка Окаянного после смерти своего отца великого киевского князя Владимира Святославовича в борьбе за власть. См. Повесть временных лет. Вот повести минувших лет... С. 41–43.

¹⁰⁵ Там же. С. 56.

¹⁰⁶ Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды.

киевский престол¹⁰⁷, упоминается брат Чудина — Туку. Через 10 лет в событиях за 1078 г. летопись сообщает о смерти Туку, Чудинова брата в битве с половцами при р. Сожице¹⁰⁸.

По мнению археолога А. Кирпичникова, чудь до XI в. представляла собой конкретное этнополитическое формирование, поскольку только в таком виде оно могло принимать участие в важнейших событиях периода сложения древнерусской государственности. Отмечают также, что несмотря на весьма заметное уже с X в. присутствие в Приладожье скандинавов, а позднее и славян, аборигены долгое время сберегали свою культуру, оставаясь самостоятельным этническим образованием¹⁰⁹. Близкие к чуди по языку племена, на которые позднее будет распространяться собирательное название чудь: водь, ижора, чудь эстонская, как этнические группировки в IX–X вв. еще не сложились. В исторических источниках об их деятельности говорится не ранее XI в.¹¹⁰ Мало известны (или недостаточно выявлены) и их археологические древности, что дает основания считать памятники курганной культуры Приладожья принадлежащими чуди, действовавшей во второй половине IX–X вв. на страницах русских летописей.

Таким образом, представление Д. В. Бубриха о чуди, выделившейся из веси как этнополитическое образование с особым статусом и выступавшей на страницах летописи до конца X в. как одна из самых влиятельных сторон в формирующемся Древнерусском государстве, поддерживается и современными исследователями. В силу своей политической активности чудь стала частью правящей верхушки Древнерусского государства, и ее название было перенесено на население, обитавшее на территории юго-восточного Приладожья.

Позднее, в XI в., в летописи говорится о другой чуди: ее образ существенно меняется. Она сама уже выступает объектом завоеваний, а местность ее обитания находится за пределами мест расселения веси. Так, сообщается, что «в год 6538 (1030) ... пошел Ярослав на чудь, и победил их, и поставил город Юрьев» (современный

¹⁰⁷ Повесть временных лет. Вот повести минувших лет... С. 53.

¹⁰⁸ Там же. С. 61.

¹⁰⁹ Макаров Н. А. Русский Север: таинственное средневековье. — М., 1993. — С. 96.

¹¹⁰ Кирпичников А. Н. Указ. раб. С. 70–71.

г. Тарту)¹¹¹, под 1116 г. — Мстислав Владимирович (1076–1132 гг.), старший сын Владимира Мономаха: *«ходил на Чудь с новгородцами и псковичами, и взял город чудской по имени Медвежья Голова, и погостов бесчисленное множество взяли, и возвратились домой с большой добычей»*¹¹². В дальнейшем только из контекста летописного сообщения можно понять, о какой чуди идет речь.

По всей вероятности, былое могущество чуди и стало отражением столь широкого распространения представлений о чудском происхождении неславянского населения Северо-Запада, но официальное название чудь вплоть до конца 1920-х годов сохранилось только за вепсами. Чудью в зависимости от времени упоминания и контекста сообщения стали называть как отдельные прибалтийско-финские группировки, так и все прибалтийско-финское население Северо-Запада. П. Кёппен в середине XIX в. под чудью в «пространственном смысле» выделял: *чудь* в тесном смысле (*чухари*), *водь* (чудья), эстов (*чухны*) и ливов¹¹³. В исторических преданиях русского населения Заволочья, как указывает Д. В. Бубрих, чудь уже *«погружена в сказочную дымку, обозначает все дорусское»*¹¹⁴.

Важнейшим свидетельством этнической преемственности древних вепсов (веси и чуди) с современным вепским населением, обитающим в центре Межозерья, являются данные топонимики. Картографирование топонимов с вепской основой, проведенное И. И. Муллонен, показывает реконструкцию исторической вепской этнической территории в сравнении с современным расселением вепсов (см. Рис. 7). Она охватывает как ареал распространения памятников курганной культуры Юго-Восточного Приладожья, принадлежащих приладожской чуди (веси), так и обнаруженных на ее восточной окраине — в Белозерье.

Реконструкция древневепской территории приводит к весьма важным выводам. Ее границы в основном совпали с границами Обонежской пятины — одной из пяти административных единиц, на которые были разделены новгородские земли после их присоединения к Московскому государству.

¹¹¹ Повести временных лет. Вот повести минувших лет... С. 46.

¹¹² Указ. раб. С. 93.

¹¹³ Хронологический указатель материалов для истории Европейской части. Составлен под руководством Петра Кёппена. — СПб., 1861. — С. V–VI. 79, 120.

¹¹⁴ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. С. 29.

Нет сомнений, что в основе выделения Обонежской пятнины лежал уже исторически сложившийся особый этнокультурный регион расселения древних вепсов, формирование которого началось еще с выделения Обонежского ряда — отдельного податного округа, известного по письменным источникам XIII в. К середине II тысячелетия он уже подвергся в ее западной части карельскому влиянию, а в восточной и вдоль основных водных путей — русскому, но топонимия отчетливо сохранила здесь следы былого проживания древних вепсов¹¹⁵.

По всей вероятности, длительное обитание древних вепсов в границах Обонежского ряда, являвшегося первым административным образованием древних вепсов, развитие которого после присоединения новгородских земель в 1478 г. к Московскому государству продолжилось в пределах Обонежской пятнины, сохранившей особый административный статус, стало основным фактором, поддерживавшим до определенного времени этнополитическое единство средневековых вепсов. Существование древних вепсов в рамках территории, обладавших административными функциями, предотвратило реальную возможность повторения древними вепсами судьбы мери и муромы. Часть их избежала поглощения в «славянском море» и продолжила развитие в современном вепском населении, но на значительно сократившейся этнической территории.

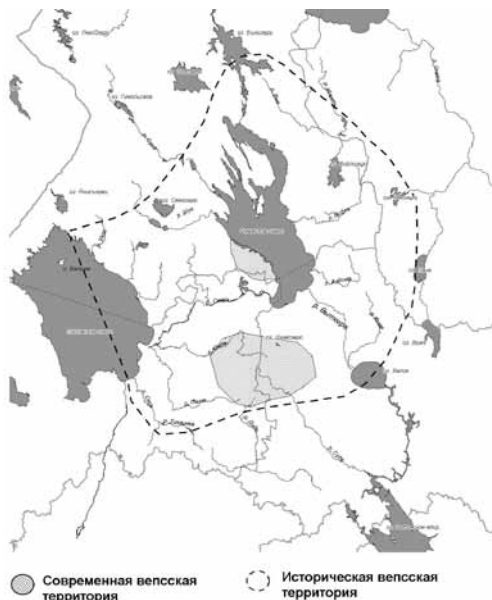

Рис. 7. Карта-схема исторической и современной вепсской территории

(Муллерен И. И. Природные и культурные факторы формирования вепсской этнической территории // Труды Карельского научного центра РАН. № 4, 2012. — С. 15)

¹¹⁵ Муллерен И. И. Территория расселения и этнонимы вепсов в XIX–XX вв. // Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — М.: Наука, 2003. — С. 334.

Вепсское прошлое села Винницы

Спросите любого коренного жителя села Винницы, кто он по национальности? Большинство из них, не задумываясь, ответят, что они, конечно же, русские, что вепсов в Винницах никогда не было, а жили они в других деревнях — Немже, Озерах, Ладве, Мягозере, Чикозере, Ярославичах, Каргиничах. Между тем исторические факты убеждают в том, что Винницы — старый вепсский центр.

Важным доказательством того, что первыми жителями оятских берегов были не славяне, является топонимия, об этом в одной из своих работ говорит Муллонен И. И.: «Самыми древними оказались саамские названия водных объектов, за ними по времени идут вепсские гидронимы и, наконец, русские, которые появляются примерно в XI–XII вв., но их немного» (Муллонен, 1988. С. 184–196).

Практически все названия природных объектов вокруг Винниц имеют древние вепсские или еще более ранние корни. Среди них и названия деревень бывшего Винницкого погоста: Тумазы (Пярь Сюръга), Тукша, в состав которой входили Оноев Конец, Тершино, Лемшино, Клемшина, названия которых имеют вепсские корни, а также Каргуевская, Кургина Гора, Пуганда, Гапоева, Литручей, Перьякова, Кузра. Само название села Винницы (из Веницы), которое по-вепски звучит как Vingl, видимо, содержит в основе вепсское прозвище Ving, Vingoi ‘плачущий, хныкающий’, которым могли когда-то называть основателя деревни (Муллонен, 1994. С. 87–92).

О вепсском прошлом Винницы свидетельствуют и древние курганы, раскопки которых велись в 1881 г. под руководством археологов Е. В. Барсова и Д. П. Европиуса в центре села Винницы рядом с местом, где сейчас стоит здание магазина по ул. Советской, 77. В советское время работы продолжились под научным руководством А. М. Линевского. Винницкие старожилы Собинков С. В. и Саргин Н. В., в школьные годы принимавшие участие в этих работах, помнят, что раскопки проводились и в районе, где сейчас находится отделение полиции по ул. Советской, 89. Место раскопок и сейчас несколько возвышается над другой частью ул. Советской. Археоло-

ги считают, что эти древние курганные захоронения были оставлены предками современных вепсов в X–XIII вв. (В. А. Лапшин, СПб., 1995 г. С. 107).

Начиная с X в. в этот район продвигаются славяне — торговые люди, охотники-промысловики, за ними потянулись и земледельцы. С этого времени начинается этнокультурное взаимодействие предков вепсов и русских, их взаимное влияние друг на друга. Оно же определило начало интеграции вепсской общности в структуру Древнерусского государства. Предметы, которые были найдены в курганах, указывают на контакты местного населения со славянами. В повседневный обиход вепсов стали входить славянские изделия, в частности, кузнечные (ножи, огнива, ключи), которыми пользовалось население р. Ояты в X–XIII веках. Металлографические исследования показали, что использовались те же технологические схемы, что и в древнерусском кузнечном ремесле. Вероятнее всего, русский кузнец жил среди вепсов и передавал им свои знания (Хомутова Л. С., 1985 г. С. 213–217). Можно предположить, что оятские вепсы развивались самостоятельно, без влияния славян на протяжении 300–400 лет, а позднее на этот процесс стало оказывать влияние общение с русскими. Стоит обратить внимание на то, что процесс ассимиляции вепсов происходит почти 900 лет и продолжается в наше время, за этот срок немудрено забыть, кто были наши предки.

В XII веке оятские земли переходят в состав Новгородской республики. Родоплеменная знать вепсов стала напрямую подчиняться решениям вышестоящей княжеской администрации, составляя нижнее звено местного управления князя. Здесь уместно вспомнить о приписке 1259–1264 годов к новгородскому Уставу 1137 года. В нем говорится: «...Юсколе 3 грив, в Тервиничих 3 грив, у Вьюнице грив...». Очевидно, что речь идет о чудских погостах, названия которых сохранились до наших времен: это Юковичи, Тервиничи, Винницы. При определении центров будущих погостов выбирались уже существующие вепсские поселения, которые находились вблизи рек, учитывалось и расстояние между ними. Обращает на себя внимание то, что расстояние между истоком р. Свирь и Винницами, а также Тервиничами и устьем реки Свири примерно одинаковое и равно по прямой 50–60 км.

Примерно такое же расстояние и между Тервиничами и Винницами. Названия этих поселений по-вепски звучали как Vingl, Terl и Juksl. В связи с тем что новгородские и ладожские купцы, которые издревле пользовались водными оятскими путями, называли их на славянский лад, именно в таком виде эти названия и закрепились в государственных актах.

Где же находились исторические Выюницы — Веницы? Одно из первых указаний месторасположения д. Веницы находим в описаниях 1496 года: «...погост Ильинский в Веницах на Ояти», а «на погосте церковь Великий Илья», что дает основание сделать вывод, что деревня Веницы находилась рядом с церковью. В Писцовых книгах 1566 года находим, что «деревня у погоста, слывет у церкви — Филка Олексеев, треть обжи, сеет в поле ржи пол коробы, сена косит 5 копен». Других деревень рядом с церковью не указано — значит, речь, вероятнее всего, идет о Веницах. Судя по описанию количества обрабатываемой земли, посевов на ней ржи и заготовке сена Филка имел низкий материальный достаток и жил бедно.

Следующее подтверждение тому, что поселение с названием Веницы действительно было в нашей местности, находим в писцовой книге от 1583 года: «Пустошь Веницкая. Пашни лесом поросло три чети с третником в поле, а в дву потому ж, сена ставилось шесть копен. В пусе треть обжи» (*История Карелии XVI–XVII вв. в документах. С. 116*). Вероятнее всего, в этой деревне жил Филка Олексеев, который упоминался в 1563 году. Характеристики земельного надела почти сходятся. Деревня Веницы вместе с некоторыми другими деревнями Веницкого Погоста до боярского вывода, т. е. до присоединения Новгородского государства к Московскому княжеству, принадлежали к старинному и довольно известному новгородскому боярскому роду Берденевых. До 1496 года деревня входила в состав волости, которая в писцовых книгах называлась Чикусурье Ивановская Она-нына сына Берденева. Под Чикосурьем надо понимать Чикозерский край. В то время в ее состав входили деревни рядом с озером Чикозеро, по реке Падана, р. Шокша, большая часть современных Винниц, деревни по реке Оять от Винниц до реки Кузра. Всего насчитывалось в этой волости 43 деревни, а в них 45 дворов (*Писцовые книги Обо-нежской пятины 1496 г и 1563 г. 1930. С. 41, 244*).

Важным фактором обрусения вепсов были, таким образом, русскоязычное управление и православная церковь. Первые упоминания о церкви, освященной в честь пророка Ильи, относятся к 1496 году. Видимо, она была первой церковью в крае. Остальные церкви и монастыри начали появляться на 50 лет позже.

В связи с формированием системы управления обращают на себя внимание поселения с названием Великий Двор, в которых проживали назначаемые новгородскими боярами управляющие. Такие Большие Дворы были центром управления и местом, где хранилось зерно и другие сельскохозяйственные продукты, пушнина, доставляемые крестьянами, в качестве оброка, за аренду земель. Они же стали дополнительными центрами общения славян с вепсами. В этих же местах появлялись первые православные часовни. Такие Большие Дворы появились в устье рек Шокша и Тукша, на озере Шокшозеро, на месте д. Великодворская в Винницах. После конфискации земель у Новгорода, в конце XIV века, волость Чикусурье стало собственностью Великого князя Ивана III.

На основании некоторых исторических фактов попробуем восстановить пути продвижения древнерусского влияния на Оять. Тервиничи и Винницы указывают два направления освоения славянами вепской территории в бассейне р. Ояти и, соответственно, как проходила языковая ассимиляция оятских вепсов и сокращение их этнической территории.

Один путь был с юго-запада, от устья реки Ояти, вверх по ее течению. Эта часть Ояти была освоена славянами раньше всего, там пересекались торговые пути, там же появился первый православный Введено-Островский Оятский монастырь. В тех краях в д. Мандеры (Сермакса) в 1448 году родился Александр Свирский, который, согласно его жизнеописанию, был вепсом. Этот факт подтверждает, что нижнюю, западную часть бассейна р. Оять, также населяли вепсы. С низовьев Ояти проникновение славян началось рано и, судя по спискам населенных мест 1873 года, продвинулось ко второй половине XIX в. вверх по р. Оять до д. Мустинич и д. Тервиничи. От д. Мустинич до д. Чур-Порог в списках указано вепское население.

Другой путь проходил с севера, с р. Свирь, но уже от ее истоков из Онежского озера и помечен поселениями Юковичи — Гонгиничи —

Шокшозеро — Винницы. Вероятно, одним из примеров освоения верховий р. Оять через р. Шокша может служить следующая информация в писцовых книгах 1496 года: «Деревня на реке Шокша Степанко Михалев да сын его Тимошко», «Деревня на Шокшо — озерке Большой Двор: Микитка Михалев — старый ключник, да сын его Зиновко, да Васко...».

Река Шокша, как известно, соединяет оз. Шокшозеро и р. Оять. Недалеко от места ее впадения в р. Оять есть д. Яхновская (Михалова). Можно предположить, что она была образована жителями Шокшозера. Освоение р. Оять с севера началось, вероятно, позже, чем с запада, поэтому к 1873г. обрусевшими оказались только деревни между р. Тукша и р. Кузра. От д. Немжа, вверх по течению реки Ояти, а также в деревнях Чикозеро, Каргеничи, Лодвозеро, Тукшозеро проживало чудское население. Центром этой территории был Винницкий погост. Так, в статье «Заметки о русских жителях берегов реки Оять» от 1868 года Хрущов И. П. пишет: «В Винницком погосте говорят более по-русски, чем по чудски». В другой статье, опубликованной в «Олонецких губернских ведомостях» от 1886 года № 55, сказано: «В Винницах же находится земское училище и все почти поголовно крестьянские дети учатся, перерабатывая свое природное наречие, привычки и прочее, на чисто русское произношение, благодаря усердию местного учителя». Это свидетельствует о том, что какая-то часть населения Винниц в 1886 году в семьях разговаривала на вепсском языке, а русский язык использовали в других случаях.

Мне же это напомнило мои годы учебы в Винницкой школе, где я сам видел, что некоторым ребятам из Немжи нужны были дополнительные занятия по русскому языку. Похожий процесс проходил и 100 лет назад в Винницкой школе, только тогда дети были из самих Винниц. Корреспондент газеты «Олонецкие губернские ведомости» Унин Л., который побывал в Винницах в 1914 году, в своей статье, помещенной в № 6 за 1914 год, уже более категоричен: «...Население русское». А вот в статье о Гонгинском приходе, который находится ближе к р. Свирь, написанной нашим земляком из Гонгиничей Иваном Ефимовым, помещенной в той же газете за 1861 г. № 1, находим: «Крестьяне здешние среднего роста, по большей части около 2 аршин

*Винницкий погост. Церкви Василия Великого (слева)
и Рождества Пресвятой Богородицы (справа), в центре церковное кладбище.
Фото примерно 1907 г.*

5 вершков, волосы имеют темно-русые, глаза серые, говорят русским наречием, свойственным всему Лодейнопольскому уезду».

Этот факт говорит о том, что контакт коренного населения Гонгиничей с русскими начался раньше и местное население обрусело здесь раньше, чем в Винницах. В районе озер Гонгингиского, Оранжевого, Шокшозера, Кимозера когда-то проживало чудское население. На это указывает то, что в д. Ладвозере (недалеко от д. Шеменичи, Подпорожский район) и Тукшозере (верховья р. Тукша приток Ояти), по данным переписи 1873 года, проживала чуждь. Со сказанным согласуются выводы, сделанные С. Б. Егоровым: «Русское население шокшозерских деревень, расположенных в бассейне Ояти, в антропологическом отношении не отличалось от проживавших к югу (т. е. в Винницах) вепсов. Различие между проживавшими здесь этносами лежало только в языковой сфере (в Шокшозере, и Гонгиничах уже говорили по-русски, а в Винницах преобладал еще вепсский язык). В то же время русское население Присвирья (например, д. Плотиное, Пидьма) имело иной антропологический облик, чем вепсы и русские жители Приоятья. Этот факт свидетельствует о том, что

в бассейне реки Оять проходила ассимиляция вепского населения путем постепенного перехода его на русский язык и смены этнического самосознания» (Егоров, 2006. С. 139–240).

Основная причина ассимиляции вепсов связана, конечно же, с экономическим фактором. Этот процесс заметно усилился после реформ 1861 года, когда активно стало развиваться частное предпринимательство. Были даже предприняты попытки устроить чугунолитейный завод в районе современных Винниц. Лесные богатства в бассейне реки Оять привлекли сюда денежные капиталы и русских специалистов. Стали активно развиваться лесозаготовки и доставка древесины в Санкт-Петербург, которые требовали много рабочей силы. Все местное население активно участвовало в процессе лесозаготовок, что, в свою очередь, увеличило их контакты с русским населением. Были и другие сферы, где вепсы активно сотрудничали с русским населением, выезжая за пределы своего постоянного места проживания. В этот период из вепской среды вышло много крупных лесопромышленников и купцов, таких как Корнышевы из Винниц, Ефимовы из Гонгинич. Для местного населения эти работы были жизненно необходимы. Вот что писала газета ОГВ в 1861 году о жителях Гонгинич: «Промышленность и занятия крестьян, кроме хлебопашества, составляют: вывозка дров и бревен, летние заработки на Вознесенской пристани и на р. Свири. Здесь приобретаются ими деньги и на обеспечение семейств недостающим хлебом и на уплату податей. Вообще надобно сказать, что наши прихожане отличаются ленью и праздностью. Между 600 душ мужского населения прихода нет почти ни одного ремесленника — ни печника, ни столяра, ни портного, ни кузнеца, а только малая часть сапожников». Такой же процесс развивался и в Винницах, только здесь лесозаготовки производились в бассейне р. Оять и по реке шел сплав леса, что способствовало расширению и уплотнению контактов местного населения с русскими.

Более активный динамизм межэтническое взаимодействие начало приобретать с 1920-х годов. Его последствиями становилось все возрастающее воздействие на вепсов русского языка. В значительной степени изменению этнического самосознания способствова-

ли именно активные контакты между вепсами и русскими в социальной сфере, прежде всего, в области межнациональных брачных отношений. Брачные записи Винницкой Рождественской церкви за 1886–1915 годы очень наглядно показывают, как происходил этот процесс между русским населением и населением вепских деревень, которые окружали Винницы. Только за этот относительно небольшой по историческим меркам период времени можно насчитать довольно много случаев, когда женщины из деревень Ярославичи, Озера, Немжа, Чикозеро, Каргиничи, где еще к тому времени сохранилось чисто вепское население, выходили замуж за винницких мужчин, которые считали себя уже русскими. По такому же сценарию проходили эти процессы многие столетия назад. Там, где 600–700 лет назад новгородскими боярами были поставлены Большие Дворы и где, соответственно, контакт с русским населением был чаще, а именно в Шокшозере, Гонгиничах, Тукше, Великодворской, на устье р. Шокша, а в Винницах погост был еще раньше, обрусение населения произошло еще быстрее. Вепское население постепенно забывало, кто были их предки и на каком языке они разговаривали. Там же, где таких центров не было (Чикозере, Каргиничах, Немже и других), вепское население сохранилось дольше.

Отрицательную роль в языковой и этнической ассимиляции вепсов сыграли ошибки в национальной политике государства советского периода. В тот период времени выросло и воспиталось поколение людей, для которых связь с историческим прошлым нашего края по разным причинам прерывалась. Вепсы из Винниц никуда не уходили и не исчезали, просто процесс ассимиляции с русскими у них начался давно, почти 800 лет назад, что кардинально изменило их этническое самосознание и они стали считать себя русскими.

Литература

Егоров С. Б. Вепско-русское межэтническое взаимодействие // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (памяти Н. И. Богданова). — Петрозаводск, 2006. — С. 139–240.

Списки населенных мест Российской Империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. — СПб.: Изд. Центр. стат. ком. Мин. внутренних дел, 1861–1885.

История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Т. III / РАН; Карел. НЦ; Ин-т языка, литературы и истории; Рос. Гос. Архив Древних Актов; Ун-т Йоэнсуу; Карел. научно-исслед. ин.-т. — Петрозаводск-Йоэнсуу, 1993. — С. 116.

Муллонен И. И. Гидронимия бассейна реки Оять. — Петрозаводск, 1988. — С. 184–196.

Муллонен И. И. Топонимия Присвирья. — Петрозаводск, 2002. — 356 с.

Кочурина С. И., Линевский А. М. Курганы летописной веси X – начала XIII века. — Петрозаводск: Карелия, 1985. — С. 213–217.

Лесков Н. С. Отчет о поездке в Чудской край Олонецкой губернии Лодейнопольского уезда в 1894 году // Живая страница, 1895. Вып. 1. Стр. 1–13.

Латишин В. А. «Археологическая карта Ленинградской обл. — СПб., 1995 г. — С. 107.

Неволин К. А. «О пятинах и погостах Новгородских 15 века». — СПб., тип. Императорской академии наук. — С. 414.

Писцовые книги Обонежской пятины 1496 г и 1563 г. Изд. Академии наук СССР. — Л., 1930. — 290 с.

Пименов В. В. Вепсы. — М.-Л.: Наука, 1965. — С. 264.

Равдоникас В. И. «Доисторическое прошлое Тихвинского края». — СПб, 1924. — С. 86.

Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 год. — Петрозаводск, Олонецкая губернская типография, 1907 год. — 327 с.

Унин Л. Контур Олонецкой губернии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера 1912 г. № 6. С. 258–268.

Хомутова Л. С. Металлографическое исследование структуры железных вещей из курганов Юго-Восточного Приладожья / Приложение к книге Кочурина С. И. Линевский А. М. Курганы летописной веси. — Петрозаводск: Карелия, 1985. — С. 213–217.

Янин В. Л. Новгородские посадники. 2-е изд. — М., 2003. — С. 9.

Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. — М., 2008. — С. 12.

Народное искусство вепсов и некоторые связанные с ним аспекты истории

Вепсы — небольшой прибалтийско-финский народ, проживающий на юге нашей республики в Шелтозерском национальном районе и в сопредельных территориях Ленинградской и Вологодской областей. Существуют три группы вепсов: северные (шелтозерские), средние в Подпорожском, Тихвинском и Лодейнопольском районах Ленинградской области южнее реки Свирь, в Бабаевском и Вытегорском районах Вологодской области, а также южные, в основном в Бокситогорском районе Ленинградской области¹. Шелтозерские вепсы, кроме Карелии, населяют и небольшую соседнюю территорию Ленинградской области Вознесенского городского поселения, где расположена деревня северных вепсов Гимрека.

Вепсы являются одним из древнейших прибалтийско-финских народов, упоминающихся в исторических источниках с раннего средневековья. Первые контакты между русскими и вепсами относятся ко времени зарождения Древнерусского государства, в формировании которого последние приняли непосредственное участие². Русская летопись сообщает и об участии вепсов (весь — в русских источниках) в походе князя Олега на Киев³. Несмотря на более чем тысячелетнее культурное северорусское влияние, вепсы сохранили национальное самосознание и язык. Традиционная народная культура вепсов также сохраняет яркий самобытный характер, отличающий ее от культуры соседних народов — карелов и местных русских.

Коллекция традиционного народного искусства вепсов Музея изобразительных искусств насчитывает 109 экспонатов, в том числе 8 предметов из них принадлежат средним вепсам Ленинградской и Вологодской областей. Нужно также учитывать, что Оятская кера-

¹ Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки. — М.: Наука, 1975. — С. 13, 7; Прибалтийско-финские народы России. — М.: Наука, 2003. — С. 349.

² Повесть временных лет — Санкт-Петербург, Азбука, 1997. — С. 12.

³ Там же. С. 17.

мика, широко распространенная на территории Карелии среди карелов и местных русских, вепская по происхождению. Поэтому вепскими можно считать и 53 экспоната керамики Медвежьего, Пряжинского, Беломорского и Кемского районов.

Собрание вепского народного искусства включает изделия из берёсты, предметы материальной культуры из дерева, прялки, керамику, вышитые полотенца, рубахи и станушки, редкие образцы ткачества северных и средних вепсов.

Почти вся коллекция предметов народного искусства поступила в Музей изобразительных искусств Республики Карелия в результате сбора экспонатов в специальных экспедициях. Немного меньше половины ее — результат экспедиционных привозов 1939 и 1940 годов сотрудниками Государственного краеведческого музея Карелии (ныне Национальный музей). В 1961 году всю коллекцию передали в Музей изобразительных искусств. Остальные экспонаты поступили в наши фонды благодаря организованной музеем 22–29 июня 1981 года крупной экспедиции по Прионежскому району Карелии, Ленинградской и Вологодской областям. Участниками данной экспедиции были научные сотрудники Музея Л. Н. Белоголова и Л. П. Соколова. Несколько вепских полотенец были подарены частными лицами (Е. Ф. Июдиной, В. Е. Мироновой, А. П. Петровой, Л. А. Пуккари).

Известно, что среди вепсов широкое распространение получили изделия из берёсты и ивового прута. В наших фондах подобных экспонатов немного. Среди них можно обратить внимание на интересный короб конца XIX–начала XX века, напоминающий корзинку⁴ с крышкой, сплетенный из ивового прута из деревни Вехручей около Шелтозера (Рис. 1). Вещь уникальная,

Рис. 1. Короб, прут, плетение. Д. Вехручей.
Кон. XIX–нач. XX в.

⁴ Традиционное народное искусство Карелии. Каталог / Составитель С. П. Сергеев. — Петрозаводск, Verso, 2015. № 486. (Далее — Каталог...)

Рис. 2.
Прялка, роспись.
Д. Огиришта.
Кон. XIX–нач. XX в.

так как в нашем собрании нет примеров подобного плетения среди коллекций других этнонациональных групп Карелии.

Резьба и роспись по дереву представлена набором деталей ткацкого станка и некоторым количеством прялок. Прялки шелтозерских вепсов по форме лопастки несколько напоминают пудожские. Правда, при той же высоте лопастка вепсской прялки более узкая и тонкая. Нижняя часть ее, в отличие от пудожской, имеет округлые очертания. Верх обычно прямой, а сама лопастка не только прямоугольных форм, но в отдельных случаях расширяется или сужается кверху. Украшены прялки резбой, иногда — грубой росписью. Резная орнаментация прялок довольно скромная: обычно по краю лопастки идет «контур» мелких треугольничков, выполненных трехгранно-выемчатой резбой, и две–три горизонтальные полосы, того же орнамента. Дополнительно встречаются изображения двух окружностей с лицевой стороны и одной с оборотной или

маленькой окружности в нижней части прялки с лицевой стороны, и концентрической из двух окружностей с оборотной. Характерно, что на прялках встречаются резные или изображенные росписью православные кресты. Наибольший интерес представляет прялка из деревни Огиришта, расписанная мастером конца XIX века Киприяновым Павлом Семёновичем (конец XIX в. – конец 1950-х гг.)⁵ (Рис. 2). Роспись скромная. На лицевой стороне лопастки изображен длинный стебель с ветками, на конце которых помещены листочки или, чаще, — бутоны цветков. В центре — распутившийся бутон в виде пятилепесткового цветка. На обороте — в нижней части лопастки изображение короткого цветка в вазоне. Сам вазон крестообразной формы и чем-то напоминает церковный сосуд — потир.

⁵ Каталог... № 513.

На оборотной стороне видны инициалы «М.И.». Несомненно, это имя-отчество избранницы молодого мастера, которой и предназначалась прялка, скорее всего, в качестве свадебного подарка.

Фонды музея располагают довольно значительной коллекцией Оятской керамики (63 экспоната). Правда, в основном, это глиняная посуда, в собрании нет оятской игрушки, наиболее полно сохранившей древние этнические элементы культуры вепсов. Оятская керамика в основе всё же восходит к древнерусской гончарной керамике, пропорции которой были несколько изменены под прибалтийско-финским влиянием. Поэтому она сохраняет формы, характерные и для русской народной керамики.

Центр гончарного производства оятской керамики находился на реке Оять в 11 деревнях Соцкого погоста Шапшинской волости Лодейнопольского уезда (то есть за пределами Карелии среди средних вепсов). Эта керамика имела широкий ареал сбыта — Олонецкая, Петербургская, Вологодская губернии, Петербург, Петрозаводск, а также восточные районы Финляндии. В 1935 году керамическое производство появляется на берегу Онежского озера в селе Рыбрека, среди шелтозерских вепсов. Производство велось под руководством Н. В. Васильева, потомственного гончара из средних вепсов⁶. В нашей коллекции керамика происходит с территории шелтозерских вепсов, сегозерских карелов, карелов-ливвиков. Керамика найденная в русском Поморье в принципе ничем не отличающейся от оятской. Небольшая часть керамики происходит из Вытегорского уезда Олонецкой губернии (найдена в д. Гимрека, д. Акимово Ведлозерской волости и селе Кинелахта Видлицкой волости). Эти изделия отличаются более темной поливой. Основные изделия оятской керамики — горшки⁷ (Рис. 3) и миски,

Рис. 3. Горшок, глина, лепка, полива. Д. Огиришта. 1930-е гг.

⁶ Косменко А. П. Народное изобразительное искусство вепсов. — Л.: Наука, 1984. — С. 167–158.

⁷ Каталог... № 516.

Рис. 4. Кубышка,
глина, лепка.
Д. Варлойла.
Кон. XIX–нач. XX в.

Рис. 5. Кружка,
глина, лепка.
Д. Ламбинаволоок.
Нач. XX в.

Рис. 6. Горшок,
глина, черное покрытие.
Д. Погойла.
XIX в.

но имеются кубышки⁸ (Рис. 4), кружка⁹ (Рис. 5), бочонок, рукомойники, топники, молочники, подойники и некоторые другие формы. В собрании Музея представлены также редкие образцы черной лощеной керамики — латка из д. Хлебозеро и горшок из д. Погойла Ведлозерской волости¹⁰ (Рис. 6).

Среди вепсской коллекции тканей в нашем собрании практически отсутствует ткачество, образцы вязанья редки, почти нет вышитых подзоров. Вышивкой обычно украшены полотенца и одежда, обычно подола рубах и станушек. Наиболее распространенной техникой в собрании вепсских вышивок Музея является шов крестиком, широко распространен двусторонний шов и строчка по сетке, значительно меньше — тамбур и перевить. Среди вышивок XIX в. наблюдается подавляющее преобладание двустороннего шва. Вышивка конца XIX в. представлена более широким спектром техник. Среди них — строчка по сетке, тамбур, сохраняется двусторонний шов, но количественно преобладает вышивка крестиком. В этой технике декорированы и большая часть полотенец, рубах и станушек начала XX в., значительно менее распространена — строчка по сетке, сохраняется тамбур, перевить («по-вырези» и «по-выдергу») и даже двусторонний шов. Хотя считается, что последнюю технику к это-

⁸ Каталог... № 539.

⁹ Каталог... № 537.

¹⁰ Каталог... № 531.

му времени уже вытеснили более новые технические приемы орнаментации. Наиболее распространенным орнаментом вепсов является геометрический узор. Редкие ритуальные сюжетные композиции, а также характерные растительные изображения тоже геометризированы. Исключения составляют тамбурные вышивки с растительными мотивами, а также поздние вышивки крестиком, цветочные композиции которых исполнены в условно-реалистической манере. Вышивка на подолах рубах и станушек исполнена только геометрическими узорами. Особенностью вепских вышивок является более свободное расположение узоров на концах полотенец, наличие узоров, мало связанных сюжетно и композиционно с основным декоративным центром орнамента. Иногда орнаментальное украшение конца полотенца представляет собой просто набор отдельных геометрических узоров, объединенных между собой только композиционной симметрией.

*Рис. 7
Конец полотенца,
двусторонний шов.
Шелтозерье.
XIX в.*

Основной узор на таких полотенцах, вышитых в технике двустороннего шва, имел сложные геометризированные контуры, часто ступенчатой формы; внутренняя поверхность орнаментальных фигур заполнялась различной декоративной разделкой чаще всего в виде сетки квадратинов¹¹ (Рис. 7). Похожие сложные узоры встречаются и у карелов-людиков¹². Таким узором в конце XIX века был расшит в технике двустороннего шва мастерицей Кочергиной А. А. конец полотенца из деревни Другая Река около Рыбреки¹³. В сочетании с иными орнаментальными мотивами эти узоры можно увидеть и на других полотенцах. В нашей коллекции хранится конец полотенца из д. Горки

¹¹ Каталог... № 611.

¹² Трифонова Л. В. Декоративно-прикладное искусство южной Карелии из собрания музея-заповедника «Кижи». — Москва, 2014. — С. 26, 29.

¹³ Каталог... № 585.

Рис. 8
Конiec полотенца,
двусторонний шов.
Д. Горки, XIX в.

Рис. 9
Конiec полотенца,
двусторонний шов.
Д. Гамова Гора.
Ф. Н. Курганова.
1920-е гг.

(Горное Шелтозеро) XIX века¹⁴ (Рис. 8). На нем указанные узоры свободно располагаются вокруг большого креста в центре. Последний очень необычен и формой напоминает мальтийский крест. Сверху и снизу орнаментальное поле полотенца декорировано еще и полосками из других узоров. Вверху — растительных, внизу — композицией из двух птиц по сторонам какого-то растения или дерева. Об этом трехчастном мотиве еще пойдет речь. Повторение вышивки из деревни Горки, с некоторой ее модификацией, можно увидеть на полотенце 1920 гг. из д. Гамова Гора около Шелтозера. Полотенце выполнено Фёклой Николаевной Кургановой (1894–1979)¹⁵ (Рис. 9). Она же, уже крестиком, оформила оригинальной вышивкой еще одно полотенце. Узор, занимающий значительную часть конца полотенца, представляет собой две горизонтальные полосы, слегка геометризированного растительного орнамента. В центре каждой орнаментальной полосы крупная горизонтальная ломаная линия, разделяющая два различных типа растительных узоров. Эти орнаментальные полосы, симметричные по отношению друг к другу, разделены раппортом (полоской) из наклонных цветков. Такой же раппорт из наклонных цветков «пущен» по краям вышивки¹⁶ (Рис. 10). В деревне Гамова Гора известна целая династия вышивальщиц с фамилией Кургановых (подобно тому,

¹⁴ Каталог... № 596.

¹⁵ Каталог... № 595.

¹⁶ Каталог... № 594.

как в деревне Другая Река такой династией были Кочергины). Сохранился конец полотенца, вышитый в XIX в. А. П. Кургановой в старинной технике двустороннего шва. Изображены две женские фигуры в трапециевидных юбках в позе Оранты, то есть руки у них подняты вверх, в каждой руке — по цветочку. Рядом — тонкие деревца. Изображение сильно геометризировано, головы женщин скорее напоминают геометрические фигуры. Растительные элементы преобладают: ими украшены головы, они изображены на фоне юбок. Несомненно, что вышивка сохранила нам древний ритуальный сюжет, восходящий к языческой эпохе. Женские фигурки, скорее всего, символизируют божества, связанные

Рис. 10
Полотенце, шов крестом.
Д. Гамова Гора.
Ф. Н. Курганова. 1920 г.

с растительным миром, с процессом рождения и цветения природы¹⁷ (Рис. 11). Кургановой Матрёной Ионовной (1903–1954) в начале XX в. было вышито полотенце в строчевой технике перевити. Геометрический узор орнамента довольно прост: квадратики, пучки пересекающихся вертикальных и горизонтальных нитей, ромбы, треугольники¹⁸. В иной строчевой технике — строчке по сетке — вышиты в конце XIX века два полотенца Кургановой Прасковьей. Правда, она проживала не в Гамовой Горе, а в соседней деревне Горки (Горное Шелтозеро). Орнамент на них практически одинаков, он более сложен, чем предыдущий

Рис. 11. Конец полотенца, двусторонний шов.
Д. Гамова Гора. XIX в.

¹⁷ Каталог... № 592.

¹⁸ Каталог... № 593.

Рис. 12
Полотенце, шов крестом.
Д. Матвеева Сельга. А. И. Пянтукowa.
1930-е гг.

и, может быть, включает растительные элементы. Центром орнамента является большой крест, разделанный чередой сдвоенных треугольников, а оставшиеся пространства треугольников заполнены своеобразными «звездочками». Одно из полотенец вышито белыми нитками, другое, несколько более усложненное по узору, белыми и красными нитям¹⁹. Обычно полотенца, вышитые в технике строчки по сетке, орнаментированы изображением восьмиконечных звездочек, вписанных в различные геометрические фигуры, чаще всего в восьмиу-

гольник. Такова вышивка из села Рыбрека, исполненная в 1920-х годах мастерицей Ершовой Марией Петровной (1906–1960)²⁰.

Наиболее распространенной техникой вышивания среди вепсов был односторонний крест. В этой технике вышивальщицей Пянтуковой Анной Ивановной (1912–?) в 1930-х годах расшито полотенце из деревни Матвеева Сельга²¹ (Рис. 12). На нем мы видим странной формы удлинненный сосуд и еще более удивительные изображенные рядом цветы. Это полотенце поступило в музей из экспедиции 1981 года. Практически точное повторение узора можно увидеть на конце полотенца неизвестного происхождения, условно датируемое началом XX в. и поступившее в 1961 г. из Государственного краеведческого музея Карелии. Скорее всего, этот экспонат принадлежал тому же автору²². Очень близки по стилю исполнения два других конца полотенца, расшитых в технике одностороннего креста, также поступившие в 1961 году из кра-

¹⁹ Каталог... № 597, 598.

²⁰ Каталог... № 589.

²¹ Каталог... № 603.

²² Каталог... № 619.

еведческого музея. Вышивка на одном из них изображает растение и два вазона с цветами. Происхождение его неизвестно²³ (Рис. 13). На другом полотенце всё пространство орнаментального поля занимает букет цветов. Экспонат поступил в краеведческий музей в результате экспедиции 1937 года в Шелтозерский район республики²⁴ (Рис. 14).

На рубеже XIX–XX веков среди русского населения Карелии, а затем среди карелов и вепсов распространилась техника тамбурного шва. Занесенная извне, видимо интеллигенцией, она была привита местному крестьянскому населению, скорее всего, в процессе обучения. Так, в Заонежье в деревне Шуньга в 1907 году возник промысел «Заонежская вышивка», где практиковалась тамбурная вышивка²⁵. Отметим, что новая техника привилась только среди шёлтозерских вепсов. У средних вепсов она редка, а у южных вообще отсутствует²⁶. В народное искусство вепсов пришли новые узоры и орнаментальные мотивы, нехарактерные для местной традиции. В тамбурной

Рис. 13

*Конец полотенца, шов крестом.
Шёлтозерье. Нач. XX в.*

Рис. 14

*Конец полотенца,
шов крестом.
Шёлтозерье.
1920-е гг.*

²³ Каталог... № 617.

²⁴ Каталог... № 624.

²⁵ Косменко А. П. Народное изобразительное искусство вепсов. — Л.: Наука, 1984. — С. 59; Прибалтийско-финские народы России. — М.: Наука, 2003. — С. 14.

²⁶ Косменко А. П. Традиционный орнамент финноязычных народов Северо-Западной России. — Петрозаводск, 2002. — С. 88.

Рис. 15. Конец полотенца,
тамбур.
Д. Огиришта. 1930-е гг.

Рис. 16. Конец полотенца,
тамбур. Д. Гимрека.
Кон. XIX–нач. XX вв.

технике в 1930-х гг. расшит конец полотенца из деревни Огиришта. Автор вышивки красным тамбуром на холсте — Тимофеева Устинья Николаевна (1915–?) — изобразила в центре характерный солярный круг, деформированный в подобие цветка, разместив кругом веточки с «цветками», различные петлеобразные узоры, отдаленно напоминающие цветки и листья²⁷ (Рис. 15). Белым тамбурным швом по кумачу расшит конец полотенца из деревни Гимрека нынешнего Вознесенского городского поселения Ленинградской области. Ранее эта деревня, как и весь Шелтозерский район, входила в состав Шелтозерско-Бережной волости Петрозаводского уезда Олонецкой губернии. Вышивка выполнена в конце XIX – начале XX в. мастерицей Черняевой Матрёной Тимофеевной (1882–1958). В характерной петлевидной манере в центре изображено дерево, рядом — различные цветочки и другие узоры, внизу — трехчастная композиция с каким-то деревом и двумя птицами по бокам²⁸ (Рис. 16). О подобной композиции уже упоминалось, когда заходила речь о вышивке из деревни Горки. В обоих случаях — и на вышивке в деревне Гимрека, и на полотенце из Горки — этот сюжетный мотив был только частью целой орнаментальной композиции. Отдельно его подробная

²⁷ Каталог... № 609.

²⁸ Каталог... № 582.

и выразительная трактовка представлена на заготовке вышивки из Шелтозерского района, переданной в музей из собрания Национального музея в 1961 году²⁹ (Рис. 17). Геральдические композиции подобного рода были распространены кроме Европейского Северо-Запада среди народов Поволжья (марийцев, мордвы, чувашей, башкир) и даже Сибири (хантов и манси).

Рис. 17
Заготовка вышивки, двусторонний шов.
Шелтозерье. Кон. XIX в.

По мнению большинства исследователей, композиции из двух птиц по бокам дерева являются прямым заимствованием восточноевропейскими и западносибирскими народами геральдических орнаментов, известных на древних изделиях Ближнего Востока и Западной Европы. Такие вещи попадали к ним в раннем средневековье через волжский и другие торговые пути³⁰. В Карелии эти композиционные мотивы, кроме вепсов, имеют хождение среди русских Пудожья и Заонежья, у лудиков, то есть в местах первоначального проживания вепсов, и этнических групп, связанных с ними своим происхождением³¹. В позднее время этот мотив проникает даже в Сегозерье и Поморье.

Немного отвлекаясь от прикладного искусства, обратимся к истории и попробуем узнать, каким же образом с волжского торгового пути попадали к вепсам вещи с подобными композициями. И тут нас ожидают увлекательные и несколько неожиданные «открытия». Скорее всего, эти заимствования связаны с постоянными и близкими контактами вепсов с волжскими болгарами. В раннее средневековье тюрки — болгары (или булгары) основали на Волге сильное

²⁹ Каталог... № 579.

³⁰ Косменко А. П. Традиционный орнамент финноязычных народов Северо-Западной России. — Петрозаводск, 2002. — С. 106.

³¹ Пименов В. В. Чудские предания — источник этнической истории // Советская этнография, 1968, № 4. С.32.

и богатое мусульманское государство, контролировавшее волжский торговый путь. По свидетельствам мусульманских историков IX–XII вв., болгары совершали далекие экспедиции на север. Там, где-то рядом с «югрой», проживал народ «вису», который платил им дань. Так секретарь посольства багдадского халифа в государстве Булгар, Ахмад ибн Фадлан отмечает, совершая путешествие по Волге в 921–922 годах, что царь Булгар управляет племенем вису. Возникает вопрос, что привело болгар в столь далекую страну, расстояние до которой три месяца пути, где страшный холод и «летом ночь 1 час, а зимой столько же день»³²? Да те же интересы, которые привлекали туда скандинавских викингов, древнерусских князей и новгородских ушкуйников. Оказывается, оттуда привозили соболей и черных лис. Наличие этого «мягкого золота» играло огромную роль в завоевательных планах Древней Руси, Скандинавии, Волжской Булгарии, а в дальнейшем и в освоении Сибири Российским государством. Но территория проживания вепсов, по крайней мере с момента образования Киевской Руси, была включена в состав нашей древней родины. Куда же смотрели русские князья, неужели они были столь беспечны в отстаивании своих интересов? Нисколько. Великий князь Владимир совершает в 997 году поход в Булгарию, наводит там «порядок». В составленном по итогам похода договоре специально оговаривается, что интересы Булгарского ханства ограничиваются территорией Верхней Волги³³. При нем же, согласно сообщению Воскресенской летописи XVI века, весь была крещена. Правда, всё это ненадолго остановило правителей мусульманского ханства на Волге. «Контакты» болгар с вепсами продолжались. Уже в 1130-х годах побывавший в Булгаре арабский путешественник Абу Хамид аль-Гарнати аль-Андалуси (из мусульманской на тот период Испании) сообщает, что страна Вису платит булгарам дань, но упоминает лишь шкурки бобров. Арабский путешественник оставляет любопытное описание вепсов. В зимнее время с «красными лицами, голубыми глазами, волосами, белыми как лен, и в такой холод они носят льняные одежды, одевают шубы из бобров, пьют ячменный напиток, кислый как уксус,

³² Прибалтийско-финские народы России. — М.: Наука, 2003. — С. 326.

³³ Цветков С. Э. Эпоха единства древней Руси. — М., 2012. — С. 222–223.

который им подходит из-за горячности темперамента, так как они едят бобровое и беличье мясо и мед»³⁴. Бесконечные походы на Волгу продолжались с различными последствиями, пока в 1431 году в результате похода Стародубского князя Фёдора Давыдовича Пёстрого, посланного Великим князем Московским Василием II, не было разорено богатейшее Булгарское ханство, находящееся в то время в вассальной зависимости от Золотой Орды³⁵. Позднее на этой территории между 1436 и 1437 гг. возникло татарское Казанское ханство.

Так в Средневековье вепсы, благодаря богатству природы в ареале их проживания, имели широкую международную известность. В более позднее время о них надолго забыли. И вновь они были «открыты» в 1824 году финским ученым Андреасом (Андреем Михайловичем) Шёгренем. Была доказана идентичность этого небольшого прибалтийско — финского народа летописной веси³⁶. А вепсы живут и сохраняют свою культуру и язык до сих пор.

³⁴ Прибалтийско-финские народы России. — М.: Наука, 2003. — С. 327.

³⁵ Нестеренко И. «Болгары великие» // Сокровища культуры Татарстана. — М., 2004. — С. 30–31.

³⁶ Никольская Р. Ф. (Тароева). К истории изучения этнографии карел и вепсов // Этнография Карелии. — Петрозаводск, 1976. — С. 8.

Самобытная культура церковного деревянного зодчества Прионежья в оценке русских исследователей (середина 19–начало 20 вв.)

При виде полуразрушенных церквей Прионежья становится жаль их былой, утраченной красоты. Когда они были построены, кем? Каков их первоначальный облик?

Заглянув в увесистые фолианты архивов Петрозаводска, Санкт-Петербурга и Москвы, частично, к нашей радости, найдем ответы на эти вопросы.

Сохранились фотографии, зарисовки и даже подробные описания некоторых церквей, расположенных на древней земле вепсов Прионежья. Оказывается, эти церкви уже давно привлекали внимание крупнейших исследователей деревянного зодчества России.

В дореволюционный период в губерниях велась ежегодная, очень подробная документация, где фиксировалось состояние действующих церквей. В советский период такая традиция почти повсеместно была нарушена.

В 1878 году внимание академика архитектуры Л. В. Даля привлекли древние церкви Олонецкой губернии, расположенные в вепском крае. В журнале «Зодчий» он представил три церкви: Ильинскую церковь в Горне-Шелтозерском погосте 1685 года; Никольскую церковь села Деревянное 1683 года; Варлаамовскую церковь 1685 года и колокольню в Рыборецком погосте.

В 1910 году были составлены и представлены в Петербург метрические (паспортные) данные на следующие церкви Прионежья: в Рыбреке, Шелтозере, на острове Брусно (в 13 верстах от Шоки, Деревянном, Вехручье, Ладве, Каскесручье, Матвеевой Сельге и Яшезерском монастыре.

В 1920-е годы, когда церкви закрывались и стояли недействующими, интерес к наиболее ценным с архитектурной точки зрения храмам все же сохранялся. Так, в 1928 году исследователь В. Нечаев подробно описал Никольскую церковь на острове Брусно 1630 года,

Преображенскую церковь в Бережном Шелтозере 1776 года, Никольскую церковь и колокольню XVIII века в Рыбреке, а также Вознесенскую часовню в Матвеевой Сельге 1683 года.

В Никольской церкви на острове Брусно он отметил наличие трехъярусного иконостаса со старинными иконами и прекрасные царские врата. К предстоящему 380-летию церковь предполагалось привести в полный порядок. Эта церковь была построена во времена правления Михаила Романова на территории Брусненского мужского монастыря. Известно, что население Брусненского прихода было чудское. Жители исстари занимались точильным промыслом.

В этом приходе, в деревне Вехручей имелся еще один деревянный храм во имя святого апостола Фомы и колокольня XVIII века.

Представляет интерес взятая на государственный учет Преображенская церковь в Бережном Шелтозере. В интерьере храма сохранились остатки древнего иконостаса, царские врата XVII века, а также древнейшая икона Николы, датируемая предположительно XV веком. В церкви было два престола: в честь Преображения и во имя святого великомученика Георгия. Это значит, что в церкви отмечались два храмовых праздника. Церковь стояла в одной ограде с каменной церковью святого апостола Матфея, построенной в 1837 году петербургскими купцами Терентием Ульяновым и Михаилом Матвеевым.

К Преображенской церкви в Бережном Шелтозере были приписаны еще три церкви: в Горнем Шелтозере (Ильинская), в Матвеевой Сельге (Архангело-Михайловская); в Крюковой Сельге (Святодуховская).

Богатые купцы и даже крестьяне считали делом чести строительство храмов, и их имена вошли в историю. Например, церковь в Матвеевой Сельге «была построена в 1853 году усердием Ориенбаумского купца Михаила Ермолаева Матвеева». Церковь в Крюковой Сельге «построена в 1861 году усердием крестьянина Шокшинского погоста деревни Гапшемы Егором Романовым Максимовым». Другие данные всплывают об этой церкви по воспоминаниям местного жителя Максимова Александра Павловича. Церковь в деревне Крюкова Сельга, «была изумительной красоты. Эту церковь «на пустыне» строил какой-то купец из Горнего Шелтозера. Ее поставили там, где лошадь остановилась и с места не сошла». Эту церковь сожгли в 1960 году.

*Церковь Рождества Христова. Д. Вехручей.
1943 г. (Erkki Piironen/Tsasounien Karjalassa.
Pieksimäki, 1984. S.76).*

*Церковь Рождества Христова.
Д. Вехручей. 2000-е гг.*

Она была с шатром и колокольной, а «большой колокол был очень звонким».

Без истории церквей и часовен трудно представить полный образ вепских сёл и деревень, быт людей, их духовную жизнь.

Известно, что до второй половины XIX века большинство церквей строилось на средства прихожан, и мастера обсуждали с заказчиками образ будущей постройки до мельчайших подробностей, что говорит о высокой ответственности, профессионализме строителей и знатоков архитектуры из народа.

Объясняется это и тем, что храмы объединяли вокруг себя не только духовную, но и экономическую жизнь. Так, рядом с церквями в Шелтозере стояли деревянные торговые лавки, возведенные в 1895 году. Они располагались по сторонам проезжей дороги в два ряда.

Зафиксирован ход строительства каменной церкви в Горнем Шелтозере. Строительство церкви велось с 1851 по 1856 год, изготовлено было 37 тысяч кирпичей. В 1855 году на ее постройку было собрано от благотворителей и прихожан 1572 рубля. Из Кронштадта от попечителя крестьянина Дмитрия Михеева получено пожертвованных им самим и другими прихожанами, находящимися здесь на каменотесных работах, 160 рублей.

В селе Горнее Шелтозеро праздновали Илью Пророка 2 августа (20 июля по ст. стилю) и Сретение Господне — 15 февраля (2 февраля по ст. стилю), в деревне Матвеева Сельга — День святого Трифона

(в декабре)¹, Михайлов день — 21 ноября (8 ноября по новому стилю) и Вознесение Господне — в сороковой день после Пасхи. В Вехручее 6 октября (19 октября по новому стилю) отмечали День святого Фомы, 19 января (6 января по ст. стилю) — Крещение Господне, а 1 августа (14 августа по новому стилю) — День Макковья земледельца («на хороший урожай»). В Рыбреке собирались жители на День Николы: вешний 22 мая (по ст. стилю — 9 мая), зимний — 19 декабря (6 декабря по ст. стилю) и Василия Великого — 14 января по новому стилю (1 января по ст. стилю). В Шокше жители почитали День Петра и Павла — 12 июля (или 29 июня по ст. стилю), Покров Пресвятой Богородицы — 14 октября (1 октября по ст. стилю), Зосиму и Савватия — в декабре².

Судя по сохранившимся архивным документам, в XVI — XIX веках в Прионежье были построены высокохудожественные и технически сложные архитектурные комплексы. Так, в 1937 году искусствовед Маковская зафиксировала общий вид заросшего елями Рыборецкого погоста; планы двух его церквей — Никольской (1797 г.), теплой (зимней) и Варлаама Хутынского (1697 г.), холодной (летней). На колокольне (18 в.) висело 7 колоколов. Деревянная Никольская церковь была довольно высокой, в виде корабля, с двумаршевым крыльцом на выпусках — кронштейнах. В церкви имелось было два престола — во имя Николай Чудотворца и во имя трех святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста.

В просторном помещении трапезной потолок придерживали красивые опорные столбы. Иконостас был резной, трехъярусный, позолоченный.

Каменные церкви были богаче деревянных, но с их появлением деревянные бережно сохранялись. Так, в Шокше в 1645 году была построена деревянная церковь во имя чудотворца Николая, в 1695 году — Покровская с отдельно стоящей колокольней. Каменная церковь во имя святого и чудотворца Николая с колокольней, возведенная в 1842 году, находилась, по данным 1910 года, в одной ограде с Покровской церковью.

¹ По церковному календарю День святого Трифона 14 февраля (по ст. стилю — 1 февраля).

² По церковному календарю день памяти Преподобных Зосиму и Саватия — 21 августа (8 августа по ст. стилю).

Деревянная шатровая, с двумаршевым крыльцом Ильинская церковь в Горнем Шелтозере 1682 года в 1915 году была признана ценным памятником старины. Сруб украшали зубчатые кокошники. Храмовая икона была явленной (найдена на месте храма). Рядом с церковью стояла восьмигранная шатровая колокольня. Она была разобрана из-за ветхости в 1861 году и по случаю устройства новой колокольни при каменной Сретенской церкви, построенной в 1856 году.

На горе в Шокше стояла часовня Марии Магдалины («в нее приходил священник читать молитву»).

Кроме церквей, в Шелтозерско-Бережном приходе в 1873 году имелось 8 часовен. Располагались они в маленьких близлежащих к Шелтозеру деревнях. Жители каждой стремились иметь свою часовню, свой престольный праздник, на который приглашали людей со всей округи.

Так, в Залесье находилась часовня во имя Рождества Иоанна Предтечи, в Низовой — во имя Сошествия святого Духа, в Погостской — во имя святого Николая Чудотворца, в Верховье — во имя Казанской Божией Матери, в Гаммовой горе — во имя святой великомученицы Параскевы, при впадении реки Шелтозерки в Онежское озеро — во имя святой Живоначальной Троицы, в Розмеге — во имя святого Модеста, патриарха Иерусалимского, а в Сюрье была часовня без названия.

Некоторые из часовен, как и церкви, брались на государственный учет.

В 1928 году внимание исследователей привлекла Вознесенская часовня в Матвеевой Сельге 1683 года. В ее помещение вела одностворчатая дверь, обрамленная массивной колодой с высоким порогом. В нижнем помещении притвора потолок можно было достать рукой.

На задней стенке часовни установлен двухъярусный резной иконостас. К наиболее древним и ценным предметам относились две деревянные расписные «свечи» с травяным орнаментом и надписями с указанием даты — «1683 год». Сохранилось предание, что «строена часовня теми же мастерами, что и церковь в Горнем Шелтозере. Начинщиком ее постройки стал крестьянин из деревни Калинин Остров Савва Калинин с товарищами».

В Горнем Шелтозере в 1915 году в деревянной Ильинской церкви действовало 6 часовен, где проводил богослужения во время празд-

ников священник этого храма. В Сюръге часовня посвящена во имя Тихвинской Божьей Матери, в Климовской — во имя Воскрешения Христова, в Фёдоровской — во имя Живоносного источника, в Тихоновской — во имя мучеников Макковеев, в Калинин Острове — во имя Воздвижения Честного Креста, в Кушлеге — во имя Савватия и Зосимы Соловецких.

В некоторых населенных пунктах Прионежья шатровые церкви стояли довольно долго.

В 1945 году архитектор А. Н. Буйнов о деревянной церкви Николая Чудотворца, построенной в 1683 году в селе Деревянном, писал: «Церковь интересна простыми формами и деталями. Прекрасно выполнен переход от четверика к восьмиерику с кокошниками (зубчатым фронтоном с поясом). К сожалению, самая интересная часть церкви — шатер, восьмиерик и большая часть квадратного сруба — разобраны. Церковь используется колхозом «Заря» под хранение зерна». Архитектор рекомендовал приостановить дальнейшее разрушение церкви и своевременно производить ремонты. Рядом с церковью стояла колокольня.

По соседству с Деревянным в Педасельге располагалась Преображенская церковь, построенная в 1856 году.

В древнем Яшезерском монастыре, расположенном в 18 км от Шокши на берегу лесного озера среди дремучего бора, наряду с каменными монастырскими строениями сохранилась деревянная церковь Благовещения Пресвятой Богородицы с двумя престолами 1695 года.

На крутом берегу речки Сарбахта на окраине села Шелтозера когда-то возвышались деревянная (летняя) церковь и каменная (зимняя) церкви с высокой деревянной колокольной. Семь колоколов собирали прихожан на празднование Егорьева дня (весной, 4 апреля; и осенью, 9 ноября) в зимнюю церковь. По воспоминаниям местных жителей, «колокола на Шелтозерском погосте звонили, как московские куранты». Заливались колокола и на Спасово–Преображение летом, 19 августа, приглашая всех во вторую, деревянную церковь.

Крестный ход местный священник совершал по всем часовням села. В часовнях праздновали День Козьмы и Демьяна (священник кропил скот) и святого Медостия (оберегал землю, посева) в часовне деревни Розмега (расположена по дороге на Каскесручей; День Николая Кучеренского — покровителя больных и инвалидов (отмечался 9 августа

в деревне Докучаевской (располагалась в районе улицы Анны Лисицыной). В деревне Наумовской (в настоящее время улица Молодежная) праздновали Воздвижение Креста Господня (21 октября). На Гамовой Горе (там, где находится Дом приезжих), отмечали Ильинскую пятницу (2 июля), а в деревне Верховье — Казанскую Божью Матерь (21 июля); в деревне Попова Гора (рядом со зданием аптеки) — Тихвинскую Божью Матерь (9 июня); В Низовой деревне (при въезде в Шелтозеро со стороны Петрозаводска — День Святого Духа (после Троицы, на второй день): в деревне Еремеев Посад (там, где стоит дом Мелькина) праздновали Троицу (через семь недель после Пасхи).

На Троицу в Шелтозере «купались в речке, а после купания принимали молитву».

В праздничные дни в Шелтозере, как известно, вдоль дороги устанавливали лавки («длинные — длинные, под одну крышу, но для каждого приезжего торговца с отдельным помещением. Всего продавали!». Работать в праздники запрещалось («дан отдых, так и отдыхай»). Даже если сено было не убрано, не выходили работать: «кто намочит, тот и высушит».

Праздновали маленькие деревенские праздники и большие («Рождество справляли два или три дня по всему белому свету»).

По воспоминаниям старейшей жительницы Шелтозера Логачёвой Анастасии Егоровны, «елку целую на Рождество не ставили, приносили веточки: жалели рубить».

В деревне Гапшема стояла часовня Успения Святой Богородицы. Обычно по праздникам к часовне приводили овечку или приносили полотенца. На второй день после праздника «шел торг: продавали шерсть, масло, муку, полотно, а деньги шли священнику».

Часовню разобрали в 1963 или 1965 году («по досочке брали да брали и разобрали, а до этого в ней был устроен торговый ларек»).

В деревне Вангимова Сельга («на 25 домов») была часовня в честь Троицы.

На острове Брусно рядом с церковью был устроен «Иордан», где купались в Крещение. Обычно жители устраивали для захода в воду помост из широких досок на камнях. Одновременно в «Иордане» купалось человек десять. Перед купанием в холодной воде «обвязывались кушаком, чтобы не утонуть».

Вепсы «по завету» пешком ходили в три монастыря — Ладвинский, Александро-Свирский и Соловецкий.

Финские искусствоведы в период оккупации Прионежья также особое внимание проявили к церквям и часовням. В книге «Tsaounien Karjalassa (В часовенской Карелии)» православного финского священника Эрки Пииронена, служившего на территории оккупированной Карелии в 1941-1944 гг., упоминается храм в деревне Каскесручей³. В 1942 году автор, побывав в Каскесручье, узнал, что эту церковь построил один богатый человек почти 100 лет назад в дар деревенским жителям. В годы Советской власти церковь превратили в клуб. С приходом финнов верующие прибрали храм. Сцену убрали, а на ее месте устроили алтарь. Во время оккупации финские священники службу проводили на вепском языке.

В Каскесручье особо почитались: Зосима и Савватий (в декабре), Успение (28 августа) и Медосеев день — День святого Медоста (в декабре). По большим праздникам не работали два дня. Родственники ездили друг к другу в гости (соседей по праздникам не приглашали).

Цепкая память вепских старожиллов помогает воссоздать непрерывную связь чередования церковных и часовенных праздников, пробуждая воспоминания о далекой молодости, пришедшейся на совсем иные времена.

Внимание исследователей, проявленное к церквям Прионежья в те годы, не было случайным. В дальнейшем оно приобрело развитие и вылилось в своеобразное разрешение в трудах архитектора-реставратора Б. В. Гнедовского, уловившего элементы карельского народного зодчества, проявившиеся на территории Карело-Финской ССР⁴. Отмечается, что при использовании основных архитектурных

Успенская церковь, д. Каскесручей.
Фото И. Бойцова. 1984 г.

³ Erkki Piironen. Tsaounien Karjalassa. Pieksimäki, 1984. S. 76.

⁴ Гнедовский Б. В. «Элементы карельского народного зодчества на территории Карело-Финской ССР». — М., 1952. Протокол заседания сектора истории архитектуры Института истории искусств АН СССР от 18 ноября 1952 г.

приемов, общих для русского народного зодчества, в памятниках Прионежья ощущается отпечаток своих традиций. Они выразились в существовании особого, местного типа шатровых церквей.

Самобытность культуры вепсского населения и взаимообогащающие связи с русскими подтверждаются существованием на территории Карелии технически сложных, но высокохудожественных архитектурных комплексов.

В дальнейшем на основании накопленного графического материала (акварели, наброски, фотографии, чертежи) московский архитектор-реставратор Б. В. Гнедовский подготовил сообщение. Доклад, прочитанный в ноябре 1952 года в Институте истории искусств в Москве, был высоко оценен видными учеными И. Э. Грабарём, М. А. Ильиным, И. В. Маковецким и другими, отметившими, что благодаря собранным материалам можно «поставить вопрос о наличии национальных карельских элементов», а работу по сбору материала необходимо продолжить и подготовить к изданию. Таким образом, Б. В. Гнедовского можно считать «пионером» в разработке данной тематики. О его первенстве в такой непростой проблематике, к сожалению, стало известно совсем недавно⁵.

Одной из первых публикаций по данной тематике является статья В. А. Гуциной, Б. А. Гуцина, в которой подчеркивается: «Нельзя не принимать во внимание то, что именно на данной территории проживания карелов и вепсов были созданы шедевры мирового значения: шатровая церковь Успения в г. Кондопоге (1774 г.) и Кижский архитектурный ансамбль (конец XVII – вторая половина XIX вв.), воплотившие в себе всё лучшее, созданное многовековым содружеством карелов, вепсов и русских в деревянном зодчестве»⁶.

Начало, заявленное Б. В. Гнедовским, активно разрабатывается также в публикациях академика В. П. Орфинского и К. Савандера.

К наиболее ярким признакам таких церквей относятся наличие от одного до трех повалов (повал — плавное расширение верхних ча-

⁵ Добровольский Э. Д. Памятники народного деревянного зодчества России. В творчестве Бориса Гнедовского. 40 лет реставрации. — М., 2000. — С. 12, 17.

⁶ Гуцина В. А., Гуцин Б. А. К вопросу о церквях Прионежского типа (Вепско-карельские элементы в архитектуре Кижского ансамбля) // Кижский вестник, № 4. Заонежье. — Петрозаводск, 1994. — С. 131–143.

стей сруба) и одного — двух зубчатых фронтонных поясов. В статье В. А. Гущиной усматривается влияние особенностей церковного строительства в Прионежье на создание Кижского архитектурного ансамбля⁷.

В настоящее время наше общество стремится «реабилитировать» свое отношение к древним храмам. Церкви вновь становятся востребованными.

Чрезвычайно сильное впечатление производит своей парадной красотой, образностью архитектурного языка знаменитая церковь во имя Богородицы в селе Гимрека (1695 г.) В 1984 году она была полностью разобрана и восстановлена вновь Ленинградской реставрационной мастерской. В 1991 году на ее колокольне в праздник вепсской культуры мелодично зазвучали колокола. Оживший Гиморецкий погост привлек к себе внимание многих местных жителей и гостей, способствуя духовному возрождению края.

Традиции деревянного зодчества на землях совместного проживания вепсского и русского населения изучены еще недостаточно и нуждаются в более пристальном к себе внимании. Архитектурные комплексы редкой красоты и тонкого слияния с природой, возрожденные к новой жизни, могут стать притягательными для жителей и гостей Карелии. Культура церковного строительства, виртуозно воплотившаяся в прославленном Кижском ансамбле, вобрав в себя самое лучшее, обязана, в том числе, и памятникам Прионежья. Пребывая в тиши глубоких провинций, они по временам становятся притягательной силой для научных открытий, новых паломнических и туристических маршрутов.

*Церковь Рождества Богородицы
(1659 г. постройки).
С. Гимрека. 1942 г.*

⁷ Гущина В. А. К вопросу об истоках формирования Кижского архитектурного ансамбля // Кижский вестник, № 9. — С. 180–210.

Хордофон без названия в музыкальных традициях Северной Европы, сохранный прионежскими вепсами

Проблема функционирования музыкальных инструментов в бытовой практике народов Северной Европы стала привлекать к себе внимание исследователей давно. Библиография вопроса обширна. Однако белые пятна еще долго будут тревожить фольклористов-музыкантов, изучающих эту сторону традиционной культуры.

В небольшой статье автор рассмотрит вопрос о хордофоне без названия, который был выявлен в среде прионежских вепсов в 1980–1991 годах. В этот период и позже автор активно работал с информаторами, которые могли поделиться знаниями о традиционных хордофонах карелов и вепсов, устоявшееся название которого кантеле. Тогда на странный музыкальный инструмент (или не инструмент вовсе!) автор обратить внимания не мог в силу недостаточного профессионального инструментоведческого опыта. Однако информация о явлении постепенно накапливалась. В настоящее время появилась возможность и необходимость рассказать об инструменте без названия более подробно.

Хордофоны без названия встречаются не только у вепсов. Нам рассказывали о таких инструментах уроженцы различных северных территорий — русские, карелы... Вот текстовая запись 1988 года рассказа Пирогова Павла Михайловича, 1921 года рождения, уроженца

д. Низ с. Майнема Плесецкого района Архангельской области. «Названия у инструмента нет. Он встречался только в музыкальных семьях, у детей, у мальчиков. Это был инструмент-доска. Я «бренькал» правой рукой вторым, третьим и четвертым паль-

*Хордофон (ВШЮ-2736).
Из фондов ШВЭМ*

цам (показывает. — *И. Семакова*) туда и обратно. Иногда играл щипком — одним пальцем от себя. Колки делались из сучков с дыркой. Сам сучок вдевался головкой снизу. Справа (под струнами) — приструнник для крепления струн в доске (*И. Семакова*), делались две дырочки справа для каждой струны — П (рисует перекладиной вниз. — *И. Семакова*) — как шаг — в одну вдевают, в другую через низ выводят и закручивали с основным стержнем. Дощечка прямоугольная — 30–35 см. Дощечку подбирали. Я взял дощечку от ящика. Струн было две-три. Дощечку держат в левой руке, как балалайку, чтоб звучнее было. Трудность была в натяжении струн, колок быстро слабел»¹.

Вот рассказ другого информатора, записанный тоже в 1988 году, у петрозаводского баяниста-любителя, русского по национальности, Рунова Валентина Андреевича. Он родился в 1931 году в д. Устье на реке Нерль Устинского сельсовета Ерльского района Калининской области (около г. Кимры Тверской области). «Дощечка была примерно 40 см. Струны были крепкие, всего струн три. Вставляли стерженек, в котором пробуравливали дырку, а на него — струну (крепили. — *И. Семакова*). Наверное, этот инструмент от кантеле происходит — рядом была карельская деревня Мякишево. У приятеля-карела (на сплаве были вместе, познакомились) был музыкальный инструмент — кантеле. С ним мы иногда сидели у костров и пели. Дощечки могли быть разной формы, в том числе угольником. Карелы держали инструмент на коленях, а мы, кто как мог, чаще, как балалайку. Импровизировали кто как мог»².

Очень интересная информация была записана автором от Попова Семена Николаевича, 1915 года рождения, уроженца д. Большое Матъзеро Няндомского района Архангельской области, жителя г. Петрозаводска, русского по национальности. Вот его рассказ: «Его (инструмент. — *И. Семакова*) мы выдалбливали из одного куска дерева. Долбили сбоку. Его длина — примерно 35 см. Три колка делались из сушины — из сосны или ели, и сам инструмент тоже был из сушины.

¹ Личный архив Семаковой И. Б.: тетрадь в коричневой пластиковой обложке, 1988 г. Рукопись.

² Личный архив Семаковой И. Б.: тетрадь в коричневой пластиковой обложке, 1988 г. Рукопись.

Жердочка (*И. Семакова*) делалась из гвоздя. Струны закручивались петлей. Голосник круглой формы делался над местом долбежки. Иногда он заклеивался фанерой. У него (инструмента. — *И. Семакова*) были скругленные углы. Вешали на стенку. Как называли? Колотушка, самоделка, балалайка. Лет в 12–15, а может быть и в 17, говорили: и «Идем на гору играть! Там были гулянья по вечерам, на воздухе. Мы играли на колотушке. Девчонки плясали кадрили под колотушку и пели:

В поле рожь, в поле рожь,
Мина Егорович хорош:
Не придет на вечеринку
Без гармошки, без галош!

Ребята тоже плясали, только в одиночку»³.

Делали подобные инструменты и в Ленинграде, в Ленинградской области⁴, в Карелии в карельских деревнях Ведлозерья. Чаще всего инструмент русские информаторы называли «что-то наподобие балалайки» или производным словом от самого действия с инструментом — колотушка, брякушка. Информаторы финно-угры из Карелии утверждали, что названия у инструмента вообще нет.

В экспедициях 1990-х годов в людиковское с. Михайловское Олонецкого национального муниципального района автор общался с Назаровым Петром Васильевичем, 1932 года рождения, уроженцем д. Нюхово⁵, карелом по национальности. Он рассказывал о многих традиционных инструментах, которые характерны для традиционной культуры как карелов, так и вепсов. В одном из разговоров он упомянул о таком инструменте, как «gusel'laud» — «гусельная доска». Этот инструмент существовал очень давно; о нем информатор слышал только в годы своей молодости. Одна-

³ Личный архив Семаковой И. Б.: тетрадь в коричневой пластиковой обложке, 1988 г. Рукопись.

⁴ Кузин Сергей Иванович, 1914 года рождения, Ленинград, Василеостровский район, русский по национальности. «Делали в детстве. Сушили липу и делали балалайку. Было у нее три струны. Играли «барыню», «русского». Это самодельная балалайка» // Личный архив Семаковой И. Б.: тетрадь в коричневой пластиковой обложке, 1988 г. Рукопись.

⁵ В «Списках населенных мест Олонецкой губернии за 1873 г.» указано, что в д. Нюхово при озере Лояльском состояла из 19 домов. Жителей было мужчин 62 человека, женщин — 64. Все они считали себя карелами.

ко он помнит, что старики рассказывали о невысокой доске, в которой сбоку мастера выдалбливали звуковую резонаторную полость. Играли на таком инструменте приемом бряцания. Технология изготовления — долбление невысокой доски сбоку — и основной исполнительский прием —

*Хордофон. (ВШО-2736).
Из фондов ШВЭМ*

бряцание — позволили автору отнести инструмент, о котором рассказал автору Назаров П. В., к категории вепских кантеле⁶.

Напомним некоторые факты, приведенные в нашей статье 1997 года «Проблемы вепского кантеле»: «Сведений о кантеле вепсов немного. Они буквально рассыпаны по разным статьям. Так, еще в 70-х годах XIX века русский исследователь В. Н. Майнов писал, «что в настоящее время только один человек в Лодейнопольском уезде умеет делать кантеле и играть на нем».

Финляндские исследователи Э. Н. Сетяля и А. О. Вайсянен в 1916 году встретились с несколькими кантелистами Тихвинского уезда Новгородской губернии. В конце двадцатых годов нашего столетия карельский ученый, один из инициаторов возрождения кантеле в Карелии С. А. Макарьев, видел вепское кантеле в поселке Деревянном, население которого некогда было вепским⁷.

В книге Дж. Ачерби о путешествии в Швецию, Финляндию и Лапландию, изданной в Лондоне в 1902 году, есть иллюстрация — бытовая зарисовка сценки в городке Оулу на побережье Ботнического залива. На картине изображен кантелист, играющий на инструменте наподобие доски с тремя струнами. Возможно, что подобная сцена могла быть случайной фантазией художника, однако сам инструмент очень напоминает автору те инструменты-хордофоны, которые на огромной территории России не имеют названий. Тем более, что

⁶ Семакова И. Б. Проблемы вепского кантеле // Фольклорная культура и ее межэтнические связи в комплексном освещении. — Петрозаводск, 1997. — С. 52.

⁷ Семакова И. Б. Там же. С. 52–62.

территория Приботнической Финляндии в истории и этнографии связана с племенем Древней Корелы — карелов, потомки которых сегодня являются коренными жителями северной Карелии⁸.

Об инструменте — хордофоне без названия — известно и северным, прионежским вепсам. Информатор Лонин Р. П., 1930 года рождения, уроженец д. Каскесручей, вепс по национальности, рассказывал автору в 1991 году следующее: «В детстве у нас дома был инструмент-дощечка размерами 60×10×2 см. Струны сделаны из проволоки; крепление — гвозди, которые возвышались над боковой поверхностью доски примерно на 1 см. Был подструнник. Держали инструмент при игре так: упирали один конец в колено, а второй конец — в плечо. К нам иногда по вечерам приходила соседка, восьмидесятилетняя бабушка. Она садилась в избе в малом углу на скамью и просила инструмент поиграть».

О таком же инструменте без названия автору рассказала несколько ранее и уроженка д. Рыбрека, 1904 года рождения Тимофеева Анна Ивановна, вепс. Она относилась к такому инструменту во времена своего детства, т. е. к периоду дореволюционному. Рассказывала о дощечке с тремя струнами, о креплении их гвоздиками, о плясках под этот инструмент, происходивших где-то на бревнах: об этих плясках почему-то не должны были знать родители...». Видя мое замешательство — верить в информацию или не верить — она сказала: «Подожди, я тебе все организую!». Действительно, через некоторое время она положила передо мной деревянную планочку размерами 40×9,5×1,5 см. На этой дощечке были натянуты три металлические струны (одна тут же порвалась!), которые крепились гвоздиками с конца дощечки, выступающими примерно на 0,3–0,5 см, и накручивались на колки, отдаленно напоминающие лопасти («тычки», как образно выразился один из вепских информаторов). Высота колка составляла 7 см. В верхней его части мастер сделал пропилен на 1,5 см. В этот пропилен вкладывалась вторым концом струна и натягивалась. Был у инструмента и деревянный подструнник, приподнимавший струны над корпусом самого инструмента (на фото отсутствует). Подструнник имеет размеры 9×1×1 см. К сожалению, автор в конце 1980-х годов

⁸ Евсеев В. Я. Исторические основы карело-финского эпоса. Кн. 2. — М.; Л., 1960.

еще не знал, а потому не задал закономерный вопрос: «После подкрутки-настройки струны вбивался ли специальный маленький колышек-распорка в пропиленный колка?». Если бы ответ информатора был положительным, то механизм крепления струн после настройки был бы аналогичен некоторым традиционным кантеле карелов. Если бы ответ был отрицательный — то мы должны рассматривать инструмент-хордофон с основной ритмической функцией, хорошо известной по сопровождению плясок. Узнать сегодня истину невозможно. Но...

Все описываемые выше инструменты без названия не являются музыкальными игрушками детей и подростков. Они выявлены на территории, которая в давние времена осваивалась вепсами как хозяйственная. Отсутствие названия инструмента может свидетельствовать о факте сакральности инструмента и его, «докантелевой» конструкции. Этот инструмент был не только древним, архаичным, инструментом, который сопровождал пляски культа плодородия (как, впрочем, все молодежные пляски). Он мог быть ровесником петроглифов «Бесовы Следки» на восточном побережье Онежского озера. Он мог быть и надэтническим инструментом, широко распространенным в Северной Европе. До конца XX века этот инструмент без названия для нас сохраняли дети, интуиция которых свидетельствовала о непростой судьбе хордофона и его возможной сакральности — известно, что многие явления традиционной культуры, теряющие свое значение в среде взрослых, переходят в традицию детей. Автор с уверенностью может утверждать, что архаичность хордофона бесспорна, а преданность ему прионежских вепсов вызывает чувство гордости и радости открытия.

Мифологическое наполнение экспозиции Шелтозерского Вепсского этнографического музея им. Р. П. Лонина

Статья посвящена новой экспозиции Шелтозерского Вепсского этнографического музея — обновленному первому залу. Здесь можно узнать, кто такие вепсы, какой след оставили они в истории нашего государства, кто открывал их, когда они затерялись в суматохе лет. Согласитесь, что невозможно полностью прочувствовать культуру народа, не поняв, во что этот народ верит, — этому вопросу мы уделили особое внимание.

Вепсы, приняв православие, сохраняли уважение к языческим верованиям своих предков вплоть до рубежа XIX–XX веков. В новой экспозиции и экскурсии по ней мы постарались отразить этот мировоззренческий синкретизм, пронизывающий всю культуру вепского народа от времен христианизации. Уделено в ней внимание и фольклору народа, насыщенному яркими и самобытными образами. При проведении экскурсий мы рассказываем об особой обрядовой и символической сути простых бытовых предметов, что отражает взгляд народа на окружающий его мир. Вся заложенная в экспозицию информация в совокупности с данными научных исследований воспроизводит общую картину мира вепского человека.

Разумеется, взгляд на жизнь нельзя считать полным, ибо мы не обладаем всеми знаниями о нашем народе, но приблизить ее, создать представление, которому можно довериться, имея определенные доказательства, мы постарались.

Рассмотрим, с помощью чего достигается желаемый результат на примере некоторых тематических блоков первого зала.

Наиболее, пожалуй, яркие примеры соединения вепсского христианства и язычества могут быть приведены из традиций вепсской свадьбы.

Апофеозом свадьбы, конечно, было венчание. В этом ритуале народа бытовали и языческие обряды, направленные на охранение здоровья молодых от всякого зла. Так, вокруг молодых совершал обход колдун, чтобы они не теряли друг друга и ничто им не угрожало.

Интересна еще одна традиция: накануне свадьбы девушку в бане ставили на сковороду и обливали водой, произнося особые заговоры. На этой воде позже замешивали тесто для рыбника, который давали отведать жениху — явный приворот и элемент колдовства.

Издавна вепсы жили в согласии со стихиями воды, земли, леса, камня. Они почитали живых существ, пристально за ними наблюдали и учились у них мудрости жизни. Эта мудрость сохранилась в вепском фольклоре: в пословицах, поговорках, приметах. Несколько пословиц размещены на стенах нашего первого зала музея. Ничто так полно не отражает дух народа, как его фольклор.

Взять, например, пословицу «hebo om nelläl döugal da i se lanktob» («Лошадь о четырех ногах и та падает»). Лошадь у вепсов символизирует силу и выносливость. Эта пословица демонстрирует смирение человека с тем, что всем свойственно ошибаться, и на всё Божья воля.

Встречаются и пословицы, характеризующие человека. Например, пословица «kodiš kondi a rahvhas ilokogo» («дома медведь, а на людях весельчак»). В вепском фольклоре зверь — символ определенного характера. Медведь представлялся вепсам самым страшным зверем — это символ ярости.

Не только животные воспринимаются символами. В пословице «laskav sana kiven tagodab» («доброе слово камень растопит») камень — символ

Раздел экспозиции ШВЭМ.
Свадьба. 2015 г.

Раздел экспозиции ШВЭМ.
Охота. 2015 г.

*Раздел экспозиции ШВЭМ.
Смерть. 2015 г.*

преград, которые поджидали вепса повсюду, но преодолеть их, учит пословица, можно добрым словом, как и решить любую проблему.

В экспозициях музея представлены свадебные и похоронные причитания — одна из самых ярких народных традиций. Невесты причитали по своей вольной-волюшке, которая часто сравнивалась с «белой лебедушкой», напускали на себя грусть и тоску, чтобы не вызвать зависть злых сил, не спугнуть счастье. Плакальщицы на похоронах специально вызывали слезы и грусть у родственников, чтобы слезы ушли в землю вместе с усопшим.

Официальная церковь запрещала такие традиции, считая, что уныние это грех.

Традиция плакать была сильна и обязательна, вепсы верили, что жизнь не кончается смертью. Они с глубоким уважением относились к каждому усопшему, в том числе постороннему человеку. Поэтому говорили: «на похороны идут за сорок верст».

Вепсы верили, что близкие наблюдают за ними из другого мира, а иногда могут даже проведать родню в обличьи зверей и насекомых. Бытовало поверье о том, что залетевшая в дом бабочка — это душа усопшего родственника, поэтому нельзя ее обижать.

При составлении новой экспозиции мы акцентировали внимание на том, что любая даже самая простая бытовая вещь имела символическое значение, связь с какой-то силой природы. Например, прялка для вепса была связана с лесом, с медведем, так как по форме она напоминала большую лапу. Примечательно, что вепсы называли именно медведя — «большая лапа». По вепским поверьям — увидеть прялку в Юрьев день сулило встречу с медведем грядущим летом. Поэтому женщины должны были в срок заканчивать рукоделие, иначе — беда.

Большое значение придавалось топору, который считался сильным оберегом. Его клали на порог хлева, когда происходил первый в году

выгон скота, с топором в руках происходил обход вокруг стада, чтобы оградить его, им же перерезали пуповину новорожденного ребенка. Народу представлялось, что топор, сделанный из дерева и железа, закаленный в огне, приобретал удвоенную силу. Немаловажное и его разделительное значение — острием лезвия можно было проводить границу между миром живых и миром духов.

Экскурсия сегодня ориентирована на то, чтобы заострять внимание на таких важных деталях: важен не только быт народа (как они жили), но и культура (чем жили духовно, для чего жили). Это имело большое значение для восприятия и понимания посетителями увиденного и услышанного во время экскурсии.

Все упомянутые детали в совокупности дают представление о мировоззрении вепского народа, с помощью них мы создаем особый научный миф, в котором вепсы предстают народом суеверным, но живущим в согласии с миром, смиренным, но упорным, щедрым, но бережливым, добрым к гостям, но беспощадным к врагам.

Часто у посетителей музея возникает вопрос «Чем отличаются вепсы от других фино-угорских народов, от русских, например? Ведь столько схожего есть в этих культурах». В известной мере ответить на эти вопросы можно уделяя самое пристальное внимания познанию вепского фольклора. В нем средоточие всего: образов, сюжетов, этики народа. Особое значение приобретает вепский язык — древнейшее культурное наследие.

Сегодня музей готов совершенствовать экспозицию и технически. В ближайшее время многие материалы, которыми имеются в наших фондах, можно будет не только прочитать, увидеть, но и услышать. В их числе записи плачей, сказка в исполнении Рюрика Петровича Лони́на. Экспозиция будет оснащена специальными устройствами, которые будут дополнять рассказ звуковым изображением. Появятся также и мультимедийные устройства, обеспечивающие доступ к необходимой информации, в том числе к интернету. В планах музея — постоянное пополнение информационной библиотеки, привлечение новых ресурсов, посвященных вепсам и родственным им народам и культурам.

Мифология и вепсская литература: жизнь друг в друге¹

Хотелось бы начать статью с вепсской народной пословицы: «В лесу каждое дерево видит и слышит» «Mecas kaikutte pu nägeb i kuleb». Эта пословица встречается на всей территории Межозерья, где проживают вепсы. В пословице проявляется отношение народа к лесу как к живому существу. И эта вепсская пословица стала лейт-мотивом данного исследования.

Сегодня мифологические пережитки постепенно уходят в прошлое, но память о верованиях предков и их почитания различных духов природы — хозяев (*ižandoid*) сохраняются в вепском языке и литературе. Важно также подчеркнуть, что вепсская литература еще никогда не рассматривалась в соотношениях с фольклором и мифологией. В этой связи существенно отметить: основой вепсской национальной литературы, возрождающейся с конца 1980-х годов, являлись именно различные жанры народного фольклора: народные песни, легенды, плачи, сказки, верования, приметы и т. д.

В мифологическом сознании народа центральное место занимает природа в многообразных ее проявлениях. Вепсы почитали природные культы, которые воплощали в себе различные стихии, как, например, культ огня или культ камня. Но культ дерева был на особом месте. Примечательно, что вепсский поэт Николай Абрамов часто использует дерево в своих стихотворениях. Почитаемые вепсами рябина, береза, сосна становятся главными героями в таких произведениях поэта, как «Плакала девушка», «Руки твои — словно ветви берез», «Рябина», «Хорошие люди» и др.

Вепсский писатель Василий Пулькин в своих произведениях показал, что, по мнению вепсского народа, даже травинка рождается, растет и хочет радоваться жизни. Один из героев сборника рассказов писателя «Азбука детства» лесоруб Игнат выражает свое почтение

¹ Работа выполнена в рамках плановой темы «Культурное наследие коренных народов Карелии и сопредельных областей и современные этнические процессы» [№121070700119-5].

к лесу, он относится к нему как к живому существу. Лесорубу жалко рубить «живые» деревья, он бы никогда бы не хотел тем самым огорчить лесного духа — Мец ижанд и его жену Тойне поль, но он вынужден зарабатывать себе на хлеб насущный рубкой деревьев.

В другом произведении Василия Пулькина «Глубокие воды Корбьярви» есть интересная сцена, где бабка, жительница деревни Корбьярви, первый раз в своей жизни видит трактор, который приезжает в деревню. И она кричит: «Караул! Леший!», тем самым перенося образ лешего, как существа из потустороннего мира, на невиданную ранее машину, которая вызывает у нее страх, как и сам леший. В этой повести охотник Ондрий неделями живет в лесу и чувствует себя комфортно в нем. Он считает лес своим домом и перед каждой охотой задабривает Мец Ижанда различными жертвенными подношениями. А мальчик Лёша так и говорит своей бабушке Анисье: «А я, бабушка, со всеми ижандами буду жить дружно». В этих примерах явно проявляется мифологическое сознание народа.

Такие же мотивы анимистических верований народа можно найти и у Виктора Пулькина, русского писателя из Петрозаводска. Он также затрагивает тему вепской мифологии, но в его произведениях эти самые духи получают уже пренебрежительное отношение к себе как к низшим темным силам.

В творчестве Анатолия Петухова часто можно встретить мифологические черты. В его повести «Дай лапу, друг-медведь» описана трагическая картина, когда во время охоты убивают медведицу с медвежатами. Увидев их мертвые туши, женщина-жительница деревни так и вскрикивает: «Лежат, словно мертвая мать с детьми». А ведь медведь был самым почитаемым животным в мифологическом сознании народа. Считалось, что весь людской род произошел от медведя, и ему часто приписывались человеческие черты.

Но больше всех мифологических черт можно найти в стихотворениях вепской поэтессы Алевтины Андреевой. Она нередко использовала фольклорные формы и мотивы при написании своих произведений. В ее стихах встречаются как особенности вепского плача, так и колдовского заговора. В стихотворении «Noidsana veren azoteseks» (*Заговор для остановки крови*) Алевтина Андреева адаптировала колдовское заклинание под стихотворную форму:

Veri, sinä verut, rusttan lepan vedut,
Palab da sol'hiine, oled männu sonihe!
Soniš pidelte, kurče sidelte!
Ala voda maha, ala paina päha!

Особенность данного стихотворения заключается в рифмовке не только конца строки, но и середины (...verut...vedut; ...sol'hiine...sonihe; ...pidelte...sidelte; ...maha...päha), что придает стихотворению звучание настоящего колдовского заговора, который может, действительно, воздействовать на читателя.

Во всех произведениях вепских писателей мы можем найти мифологические признаки. Но эпос «Вирантаназ», написанный вепской поэтессой и создателем вепского литературного языка Ниной Григорьевной Зайцевой, дает, пожалуй, самую полную картину о мифологических верованиях и народном фольклоре. Она наиболее полно представила в эпосе различные признаки мифологической жизни народа: правила вепской национальной охоты и рыбалки, народные сказки и былички и т. д. В книге можно даже найти и философские рассуждения о вепском языке и судьбе народа.

В эпосе «Вирантаназ» мифология отражается во многих жизненных сторонах, в быте народа, когда всё нужно делать по определенным правилам, произнося при этом правильные слова заклинаний. Прежде всего, это касалось пастушьего дела, ведь недаром в народе пастух наделялся колдовскими чертами. В эпосе приводятся содержание «приказа» для пастушка Вани. В нем называются предметы, наделенные сакральными свойствами: топор, яйцо, шерсть. Считалось, что они могут сохранить стадо от различных лесных напастей во время выгона на пастбища. Не нужно гневить лесных духов, а следует жить с ними в ладу — так считает народ.

В эпосе также содержатся заговоры, связанные с обрядами рождения, вепские плачи, описание вепских свадебных и погребальных обрядов и множество других описаний народных верований.

Подводя итог, хочется подчеркнуть, что вепсы издревле жили в гармонии со всей живой природой, и отношение к природе у народа было особое. И это не удивительно, что вепские писатели и поэты не могли обойти стороной тему человека и леса, народа и природы. При созда-

нии поэтической народной традиции они использовали фольклорные традиции вепсского народа. Остается надеяться, что еще найдутся поэты и писатели, которых заинтересуют тайны вепсской мифологии.

Список использованной литературы:

Atlas Linguarum Fennicarum, III. / Сост. Н. Г. Зайцева, В. Д. Рягоев, Т. Туоми, С. Сухонен, А. Хяннинен, Т.-Р. Вийтсо, В. Оя, Х. Нээтар, А. Лаанест. Vammala: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 1295., 2010.

Andrejeva, Alevtina: Koivuine. Suomi: Jumineko; Petroskoi: Periodika, 2003.

Кäte-ške käbedaks kägoihudeks (Вепские причитания) Оберньись-ка милой кукушкой' / Сост. Н. Г. Зайцева, О. Ю. Жукова. — Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2012.

Kodirandaine: Runod i sanutesed vepsän kelel. Petroskoi: Karelia, 1996.

Verez tullei. Al'manah. 2011. № 1.

Zaiceva, Nina: Virantanaz. Helsinki: Juminkeko, 2012.

Onegina, N., Zaiceva, M. Vepsän rahvhad sarnad. Petroskoi: Karelia, 1996.

Абрамов Н. В. Поговорим, брат. Петрозаводск: Периодика, 2005.

Азовская Л. П. О верованиях вепсов. // Этнография народов Восточной Европы. — Л., 1977. — С. 140–152.

Винокурова И. Ю. Мифологические верования // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 426–436.

Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов. — Петрозаводск, 2006.

Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. — Л., 1972.

История литературы Карелии: 3 том / ред. Г. В. Козлова. — Петрозаводск, Карельский научный центр РАН, 2000. — С. 391–431.

Мишин А. И., Строгальщикова З. И. Вепсская литература в меняющемся мире // Вепсы и их культурное наследие: связь времен (памяти Р. П. Лониной). Материалы первой межрегиональной краеведческой конференции «Лонинские чтения», с. Шелтозеро, 22 сентября, 2010 года. — Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. — С. 38–78.

Петухов А. Избранное: Повести для детей и юношества. — Вологда: Полиграфист, 2005.

Пулькин В. А. Азбука детства: Повесть в рассказах. — Петрозаводск: Карелия, 1983.

Пулькин В. А. Глубокие воды Корбиярви. — Л.: Лениздат, 1985.

Пулькин В. И. Кленовое кантеле. Сказания о пришедших издалека. — Петрозаводск: Карелия, 2008.

К вопросу о методике сравнительных исследований многодневных крестьянских праздников на примере восточных славян и финно-угров

Задуматься о методике сравнительных исследований годовой праздничной обрядности этнически различных народов, проживающих в близком соседстве, автора подвигла конкретная попытка выявить этническую специфику в святочной обрядности у карелов, вепсов и русских Карелии¹. Русские по языку и происхождению являются славянами, карелы и вепсы — прибалтийско-финскими народами. Естественно, что исторические истоки календарной обрядности у карелов и вепсов, с одной стороны, и русских Карелии, с другой, были различными. Однако эти три народа, проживавшие длительное время на общей территории, пребывая на одной стадии социально-экономического и общественного развития, не могли не взаимодействовать, не оказывать непосредственного культурного взаимовлияния друг на друга.

Главная трудность подобного исследования заключалась в том, что сравнивать приходилось у разных народов какой-либо однодневный праздник (этом случае достаточно было бы составить простейшую таблицу и числа столбиков, соответствующих числу народов и рассмотреть на предмет схожести и различия последовательность совершаемых обрядовых действий), а обрядность и обычаи периода, протяженностью от двух недель до более, чем полумесяца. Несомненно, даже поверхностный взгляд на обрядовые действия и обычаи близко проживающих, но разных по происхождению народов, отмечающих такие многодневные праздники, как зимние и летние святки, масленицу или пасху, позволяет выявить отдельные, самые яркие различия, а также сделать, верные, но все же отрывочные наблюдения. Огромное количество обрядовой практики и обычаев многодневных празд-

¹ *Логинов К. К.* Различия этнической специфики традиционной святочной обрядности карелов, вепсов и русских в Карелии // PAX SONORIS. Научный журнал. Вып. VII / Гл. ред. Е. М. Шишкина. — Астрахань: Полиграфком, 2013. — С. 21–30.

ников без специальной методики оценивать крайне сложно. Опыт автора показывает, что достоверное сравнительное исследование будет успешным только в том случае, когда этнограф или иной ученый осуществит свое изыскание в рамках разделения и сопоставления друг с другом всех (без изъятий и остатков) компонентов изучаемой многодневной праздничной обрядности.

Представляется, что двигаться в таком исследовании надо от общего к частному и конкретному. Сделать это корректно можно лишь сгруппировав все известные данные об общем числе крупных обрядовых кластеров, перекрывающих все поле святочной обрядности. И это будет наиболее общим, что можно наблюдать в многодневных праздничных традициях изучаемых соседствующих народов. Такой методически верный подход, на взгляд автора, заключается в разделинии (разбивке) всего комплекса исследуемой обрядности на некое число **отдельных обрядовых кластеров**, в своей совокупности перекрывающих все поле данной обрядности у всех исследуемых народов. Представляется, что не может претендовать на роль кластера комплекса обрядов и обычаев, широко бытовавший у одного или двух сравниваемых народов, но отсутствующий у другого (других). Впрочем, если какие-нибудь этнически неродственные народы проживают в соседстве друг с другом малый промежуток времени или стоят на разных ступенях общественного и социального развития, то подобное более, чем возможно. Скорее всего, общего у них обнаружится крайне мало.

С крупными кластерами проводить скрупулезные сравнения очень сложно из-за значительного обилия конкретных фактов. Поэтому некоторые, особо насыщенные обрядностью кластеры целесообразно разделить внутри на одно, двух и или трехуровневые сравнимые друг с другом обрядовые блоки. Именно на этих, более низких уровнях легче обнаруживаются признаки, роднящие или отличающие обрядность конкретных народов друг от друга. При этом естественным образом выявляется общая обрядовая конкретика кластеров и обрядовых блоков, которые будут отражать общие порядки и правила (например, церковные), а специфическая обрядовая практика — конкретные этнические предпочтения. При этом следует иметь в виду, что исследователь сам должен решить, на какие кластеры и обрядовые блоки

стоит ему подразделять обрядовую праздничную практику изучаемых народов. Многое в таком случае зависит от задач, которые перед собой ставит исследователь. Последнее из утверждений, естественно, требует конкретных практических подтверждений, что автор и попробует показать ниже, опираясь на собственный научный опыт.

Так, в авторской статье сборника, посвященному памяти К. В. Чистова², приводится сравнительный анализ только одного кластера, включавшего сроки проведения святок у карел, вепсов и русских Карелии. Высказано предположение, что зимние святки включают семь кластеров. В одном из общих кластеров объединена молодежная обрядность, включающая: а) молодежные гадания, б) святочные маскарады и проказы молодежи, в) святочные обряды повышения девичьей славы, привлекательности и приближения замужества.

Если кто-нибудь из исследователей решит разбивать этот кластер на три блока, либо решит, что молодежную святочную обрядность следует изучить в составе трех отдельных кластеров, то ошибки не будет. Все зависит от широты либо глубины поставленных задач. При углубленном изучении целостной проблемы, как показывает опыт автора этой статьи, количество кластеров и обрядовых блоков обязательно будет только возрастать. Конкретных кластеров или обрядовых блоков при изучении многодневной праздничной обрядности у разных авторов может быть больше или меньше. Только количество и качество имеющегося в распоряжении ученого данных о народной культуре подскажет ему, следует ли внутри кластера выделять обрядовые блоки более низкого уровня либо, наоборот, объединять в общий кластер в чем-то сходную обрядность. В статье «Различия этнической специфики традиционной святочной обрядности карелов, вепсов и русских в Карелии» (см. выше), а также в тезисах для научной конференции в Астрахани³ показано, что святочные обряды

² Логинов К. К. Святочные периоды в календаре народов Карелии // Фольклор и этнография. К девяностолетию со дня рождения К. В. Чистова / Отв. редактор А. К. Байбурин, Т. Б. Щепанская. — СПб.: МАЭ РАН, 2011. — С. 88–92.

³ Логинов К. К. Различия этнической специфики традиционной святочной обрядности карел, вепсов и русских в Карелии // Сб. тез.: Восток и Запад: этническая идентичность и традиционное музыкальное наследие как диалог цивилизаций и культур: сборник тезисов Второго Международного научного этномузыкологического конгресса / Гл. ред. и сост. Е. М. Шишкина. — Астрахань: Полиграфком, 2013. — С. 46–47.

повышения славетности и приближения замужества смотрятся как заметный и вполне самостоятельный кластер, а по отдельности они выглядят откровенно куцыми. Поэтому исследовался целый кластер с двумя обрядовыми блоками. По той же причине не были разделены на два кластера театрализованная часть хождений молодежи ряжеными и молодежные шалости. Хотя, чисто формально, сделать это стоило бы. Каждый этнограф знает, что в летние святки свои «шалости» молодежь осуществляла без каких-либо маскировок и переодеваний. Это — маленькая условность самого процесса создания параметров, по которым проводится сравнение, не более того. Во время подготовки выше названных статей и тезисов нами не только не исследовался, но особо и не выделялся музыкально-акустический компонент святочной обрядности, поскольку недоставало даже критически необходимого для сопоставлений материала. Однако в целом компонент вполне может претендовать на роль кластера, ибо он был характерен для всех нами сравниваемых народов (карелов, вепсов и русских Карелии). Когда контингент необходимых для исследования данных сформировался, в Петрозаводской консерватории автором был сделан доклад «Музыкально-акустический компонент святочной обрядности народов Карелии» и по докладу написана одноименная статья, которая, к сожалению, остается пока неопубликованной. Последний пример показывает, насколько свободен может быть исследователь в своих построениях классификаций при изучении многодневной обрядности этнически неродственных, но проживающих в близком соседстве народов. Свобода — свободой, но без выстраивания классификации сравниваемых категорий все равно исследователю не обойтись.

Наш основной вывод состоит в том, что каждый исследователь, задавшись проблемами сравнительного изучения многодневной праздничной обрядности территориально близких, но разных по происхождению народов, будет решать сам, на какое число кластеров и обрядовых блоков стоит делить Святки или обрядность иного многодневный праздничный периода, чтобы облегчить себе задачу корректного научного сравнения.

Мифологический образ птицы в вепсских причитаниях (лексико-семантическое описание)

В начале XIX века основоположники мифологической теории братья В. и Я. Гримм впервые указали на то, что корни национальной культуры связаны с древними народными верованиями — в частности, с язычеством¹.

Многие ученые утверждают, что именно в эпоху господства мифопоэтического мышления складывается традиционное мировоззрение народа. Культура вепсов, традиции этого малочисленного народа также наполнены мифологическими воззрениями.

Мифология является неотъемлемой частью духовной культуры народа. Наиболее полную картину мифологии можно представить, изучая этнографию и фольклор. Относительно фольклора известный представитель «младших мифологов» А. Н. Афанасьев утверждает, что именно фольклор — важный и достоверный источник мифологических изысканий². Однако отметим, что и язык в этом отношении не менее важен. В семантическом отношении он содержит разные группы лексики: лексику флоры и фауны, лексику, связанную с жизнедеятельностью человека, лексику исчисления. Среди этих групп лексики есть значительная часть слов, которая непосредственно называет различного рода мифологические представления и воззрения народа, например, *vedehiine* (водяной), *mechiine*, *mecamez'* (леший), *emagaižed i ižandaižed* (дух-хозяин и дух-хозяйка), *prizor* (сглаз), *prikos* (порча), *noid* (колдун), *noiduida* (колдовать) и т. д. Также есть слова, которые в повседневном контексте являются обычными словами: *kägi* (кукушка), *sorzeine* (уточка), *voik* (плач), *päiväihudem* (солнышко). Но в контексте различного рода верованиях и обрядах они становятся носителями мифологического значения, расширяя, таким образом, круг лексики мифологии, помогая «строить» его с помощью словесных образов.

¹ Зуева Т. В., Кирдан Б. П. Русский фольклор. — М., 2003. — С. 29.

² Там же. С. 32.

Для данной статьи выбраны некоторые лексемы, которые также могут обладать мифологическим содержанием, употребляясь в мифологическом контексте. При этом акцент делается на анализе языка причитаний.

Жанр причитаний является одним из древнейших поэтических жанров фольклора. Мифологические, анимистические и магические представления народа легли в основу специфической поэтики причети. Некоторые исследователи считают, что причитания имели магический смысл и предназначение — обезопасить себя от вредных воздействий покойника, от таинственного существования смерти. С течением времени подобные представления претерпевали изменения либо совсем утрачивались, сохранившись на уровне поэтической образности и символики³.

В финно-угорской мифологии часто встречается образ птицы. Это космогонические мифы о сотворении мира, земли. Так, у прибалтийских и поволжских финнов и зауральских угров сохранились мифы о водоплавающей птице, которая достает Землю, ныряя на дно Мирового океана, часто — по повелению бога-творца. Реже встречаются мифы о птице, снесшей яйцо, из которого был сотворен мир (у саамов, карелов, коми)⁴. Мифологические представления, связанные с птицей, отразились и в духовной культуре вепсского народа. Орнитоморфная символика часто встречается в вепсских причитаниях.

Древнее верование о том, что в птицах могут обитать души умерших людей отразилось в поэтике вепсских причитаний. Укажем некоторые мотивы причитаний, связанные с этим древним мифологическим представлением. Так, например, часто встречающимся мотивом похоронных причитаний является просьба к умершему человеку обернуться в образе птицы⁵. Часто упоминается кукушка:

*Kändoutaške lebedaks linduižeks, käbedaks kägoihudeks,
Išteške sinä minun izoho iknaižehe.*

*Обернись-ка ты милой пташечкой, красивой кукушечкой,
Сядь-ка ты на мое милое окошечко.*

³ Тучина О. А. Пинежский свадебный обряд: мотивы и образная система причитаний // Комплексное соби́рание, систематика, экспериментальная текстология: Материалы V Международной школы молодого фольклориста (6–8 июня 2001 года). — Архангельск, 2002. — С. 168.

⁴ Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. — М., 2005. — С. 3.

⁵ Жукова О. Ю. Языковые особенности обрядовых причитаний // Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. — Петрозаводск, 2009. — С. 48.

Лексема *kägi* 'кукушка' у вепсов и других прибалтийско-финских народов является балтийским заимствованием. Вепс. *kägi*, финн. *käki*, *käkö*, кар. *kägi*, ливв. *kägi*, *kägöi*, люд. *kägi*, *kägöi*, водск. *čäko*, *tsako*. эст. *kägu*, лив. *ke'g*⁶. По мнению Лаури Хакулинен, от этого слова на финской почве образовалось *käetä*, обозначающее «намереваться, обещать»⁷.

Этнограф И. Ю. Винокурова отмечает, что выбор данной птицы применительно к умершему человеку «обусловлен биологической природой кукушки — птицы, бросающей своих птенцов». В мифологических представлениях разных финно-угорских народов кукушка рассматривается как медиатор между мирами, имеющий связь с душами умерших⁸.

Интересна семантика постоянного эпитета, определяющего кукушку — *käbed*. Данное прилагательное может обозначать «красный» по цвету, но обладает также различной положительной семантикой «красивый, милый, хороший»⁹. И. Ю. Винокурова обращает внимание на данный эпитет, усматривая особый смысл в красном цвете кукушки. «Одно из универсальных значений красного цвета — огонь, тепло». Выстраивается образ: душа-огонь. Ученый предполагает, что здесь можно усмотреть путь развития следующего мифологического воззрения: представление о душе-огне сливается с представлением о душе-животном.

Эстонская исследовательница Марье Йоалайд, изучая похоронные причитания вепсов, зафиксировала следующее верование. В сорочины «кто-нибудь из родственников — один или двое — едет на кладбище, чтобы «взять покойника с собой». Покойного зовут с собой с причитанием. Если в это время рядом пролетает птица, ее и считают покойным»¹⁰.

Орнитоморфная символика встречается в метафорических замечаниях причитаний. Распространенным атрибутивным словосочетанием

⁶ Suomtn kielen tuymologinen sanakirja. *Toivonen J. H., Itkonen E., Joki A. J.* 1958. S 259. Yelsinki, KES, 1958, с. 259.

⁷ Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка, М., 1955. С. 41.

⁸ Жукова О. Ю. Указ. раб. С. 78.

⁹ Жукова О. Ю. Указ. раб. С. 78.

¹⁰ Йоалайд М. Похоронные причитания вепсов как способ обращения с потусторонним миром // Из истории Санкт-Петербургской губернии. — СПб., 1997. — С. 20.

вепсских причитаний является *libed linduine* — «милая птичка, пташечка». Данная лексема употребляется в отношении к детям, а также ею именуют невесту. Слово *linduine* образовано с помощью деминутивного суффикса — *ine*. Слово *lind* ‘птица’ восходит к финно-угорскому периоду или предшествовавшему ему уральскому периоду языковой общности. Это слово встречается во всех прибалтийско-финских языках. Финн. *lintu*, с. кар. ливв. *lintu*, люд. *lind*, *lindu*. вод. *lintu*, эст. *lind*, лив. *lind*. Данная лексема есть и в саамском языке *lettie*, *laddē*, *lode*¹¹.

Как считает исследовательница языка вепсского фольклора О. Ю. Жукова, в похоронных плачах *libed linduine* — это птица, в образе которой предстает душа умершего человека. В похоронных причитаниях мы встречаем эту формулу в мотиве о возвращении души умершего человека в виде птицы. Мать причитывает над гробом сына (пос. Курба).

Känduoteške sinä libedaks linduižeks, išteške sinä minun izoho ikneižehe-se. Minä fatimoi i dogadimoi, mišto libed linduižem-se minunno tuli mindei kacutamha, minä siižutamoi sini kohtha, laskvid vaihuzid da minä sini sanun.

«Обернись ты милой пташечкой, сядь ты на мое милое окошечко. Я спохватилась и догадалась, что милая птичка ко мне прилетела меня проведать. Я встану напротив тебя, ласковых слов тебе скажу»¹².

В свадебных причитаниях в образе птицы предстает «девичья воля» или «душа девушки». Мотив, где девичья воля представляется в образе птицы, мы обнаруживаем, например, в вепсском причитании, где утром в день свадьбы невеста рассказывает о приснившемся ей сне (дер. Ладва):

*Rodimii roditel', mina nägin' täliu uniš, ka sinun izon da iknanno oli tihed da koivuine, koivuižehe ištui libed da linduine-se.
Rodimii roditel' kalliž kazvatei, nece ii libed linduine ištund,
a ištui minun da vouged voudeine, ii leheadad lehtuižed sigä,
a lehežiba minun kalhes-se kasažes čomad da lenteižed*¹³.

¹¹ Suomen kielen etymologinen sanakirja. Toivonen J. H. Helsinki, 1955 I; Toivonen J. H., Itkonen E., Joki A. J. 1958. S. 296.

¹² Указ. раб. С. 65.

¹³ Жукова О. Ю. Указ. раб. С. 84.

*Родимый родитель, я видела сегодня во сне, как у твоего милого окна
была густая березонька, на березоньку села милая птишечка.*

Родимый родитель, дорогой вырастивший, это не милая птишечка сидела, а сидела моя белая волюшка, на свежие листочки там, а колыхались (развевались) в моей дорогой косе красивые ленточки.

Данный образ возник на основе мифологического представления о свадьбе как умирании невесты в одном качестве и возрождении в другом.

Распространенной метафорической заменой в вепсских причитаниях является лексема «sokol sorzeine» – «милая, хорошая уточка». Слово «sorz» вероятно восходит к периоду уральской языковой общности. Фин. «sorsa», с. кар. «sorsa», -z-, -ž-, «šorša», -ž- лив. «sorzu», люд. «sorz», вод. «sōrsa», эст. «soorsk». Это слово есть и в саамском языке «šuorsiE», «suorsa».

Слово «sokol» заимствовано вепсами из русского языка. Оно выступает в качестве эпитета с эмоционально-позитивным значением. «Sokol mamoihut» — «милая матушка», «sokol poigeižem» — «милый мой сыночек».

Образ утки в причитании отражает ранее существовавшие анимистические верования, согласно которым душа человека после смерти может воплотиться в утку¹⁴.

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что мотив перевоплощения умершего в птицу «не является лишь поэтическим образом, а имеет в своей основе мифологические представления¹⁵. Эти представления связаны в данном случае со словами «linduine», «kägoihut», «sorzeine», внося в них в этом случае некое особое мифологическое содержание, превращая их, если так можно выразиться, в слова со связанным мифологическим значением. Познавание подобного рода лексики, выявление ее особенностей поможет более четко и наглядно представить себе идеи воплощения мифологии вепсского народа, его духовной культуры в словесных образах.

¹⁴ Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов. — Петрозаводск, 2006. — С. 56; Жукова. Указ раб. С. 67.

¹⁵ Жукова О. Ю. Указ. раб. С. 85.

Как возродить язык и поддержать его жизнь?

Восстановление вепсской письменности после ее полувекового запрета началось в конце 80-х годов прошлого столетия. Благодаря обществу вепсский язык пришел в школы, вузы Республики Карелия, началась издательская деятельность. Вепсский язык зазвучал на карельском радио и телевидении. Тогда, 25 лет назад, многие вепсы с трудом верили в то, что из их приемников и телеэкранов зазвучит родная речь. Вещание на вепсском языке в эфире Радио Карелии и карельского телевидения началось с коротких двух-трех-минутных новостных выпусков, которые в течение 1990 года вела студентка кафедры финского языка и литературы Петрозаводского университета Елизавета Харитоновна. С 1991 года началось регулярное вещание на вепсском языке. Постоянные передачи на вепсском языке начал вести Владимир Максимов¹.

Конечно, на протяжении первых десяти лет на телевидении сюжеты на вепсском языке появлялись от случая к случаю, только по важным событиям в жизни вепсского народа. Регулярные телевизионные передачи на вепсском языке стали выходить в эфир карельского телевидения около 15 лет назад продолжительностью 10–15 минут ежедневно. Первые десятиминутные тематические радиопередачи на вепсском языке вышли в эфир в конце 1980-х годов. Сначала — один раз в неделю, затем — дважды. Сегодня вепсский язык звучит на республиканском радио полчаса еженедельно. Если первыми участниками теле- и радиопередач на вепсском языке были деревенские жители, которые рассказывали о своей судьбе и жизни деревни, то сегодня среди них знатоки вепсского языка, учителя, ученые, студенты, школьники, работники культуры и СМИ. Поскольку у вепсских журналистов сегодня есть возможность выезжать в самые разные уголки вепсской земли, а также бывать за пределами республики, они привозят уникальный, редкий и очень ценный материал для своих передач, создают архив видео- и аудиозаписей на вепсском языке.

¹ *Вепсы: модели этнической мобилизации. Сборник материалов и документов. Петрозаводск, 2007. С. 283.*

*Проект «Учим вепсский язык по видеурокам».
Съемки диалогов. С. Шелтозеро,
Вепсский музей. 2016 г.*

В передачах разговорный вепсский язык звучит наряду с литературным языком. Это дает возможность обсуждать проблемы современной жизни вепсов, вепсской деревни, рассказывать о событиях, которые происходят у вепсского народа сегодня: о выходе новых книг, периодических изданиях, интересных проектах, участии вепсов в конференциях, семинарах и т. д. Радио Карелии и карельское телевидение сегодня — это современная площадка, с помощью которой можно донести любую информацию на родном языке не только до вепсов, живущих в Республике Карелия, но и в соседние Вологодскую и Ленинградскую области.

С прошлого года карельское радио перешло на цифровое звучание, теперь любой желающий, будь он дома или в машине, с помощью приемника или любого мобильного телефона может легко настроить-ся на FM-волну 102.2 и послушать родную речь. Все теле- и радиопередачи можно найти и в интернете на официальном сайте ГТРК «Карелия», а также в соцсетях Вконтакте <http://vk.com/kodirandaine>.

На протяжении 25-ти лет и радио Карелии, и карельское телевидение, несомненно, играют огромную роль в сохранении и развитии вепсского языка, его популяризации в обществе. Но еще большую значимость в сохранении вепсского языка имеет, конечно, активная работа вепсской общественности.

За четверть века «Общество вепсской культуры», благодаря его бессменному лидеру, активисту, уважаемому человеку во всем финно-угорском движении Зинаиде Строгальшиковой, сделало многое для того, чтобы государство в лице своих региональных и районных властей осознало необходимость особого отношения к развитию вепсов в местах их исконного проживания и сохранению вепсского языка. Сейчас это их обязанность по закону. В 2000 году вепсы были включены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, а в 2006 году — в перечень коренных малочисленных на-

родов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Ежегодно государство принимает важные решения и выделяет субсидии, которые направлены на поддержку коренных малочисленных народов России. Конечно, это небольшие средства, но активисты Общества вепсской культуры стараются направлять их во благо вепсского народа, предпринимают усилия по реализации таких проектов, которые сохраняли бы вепсский язык и популяризировали культуру вепсов в современном мире. Так, в 2013 году впервые был создан и по-

Съемки фильма «Магия пастушьего рожка». Евгений Фотеев в роли пастуха. 2015 г.

казан на сцене Национального театра Республики Карелия спектакль на вепсском языке «Белые сны». Главную роль в нем сыграла вепсская актриса, редактор вепсского детского журнала Галина Бабурова. В основу спектакля легли стихи вепсских поэтов. С помощью стихов Галина попробовала рассказать зрителю о судьбе своего народа, его истории. Спектакль был показан в Норвегии, городе Киркинесе, а также на земле северных вепсов в селе Шелтозеро.

В том же году порадовала своим первым видеоклипом вепсская фолк-группа «NOID». В основу клипа взят традиционный свадебный плач «VOIK», когда невеста прощается со своей белой «волюшкой» и символически умирает, чтобы родиться в новом статусе замужней девушки. Над созданием клипа трудились два режиссера — Владимир Славов (Петрозаводск) и Андрей Курочкин (Лондон). Главную роль в клипе сыграла Галина Бабурова.

Одной из важных инициатив молодежи в популяризации вепсского языка является также создание научно-популярных фильмов. В соответствии с общей политикой карельского телевидения их создание возможно только в рамках проектной деятельности. Так, в 2008 году при поддержке Карельской общественной организации «Нуори Карьяла», а также финского Общества М. А. Кастрена был создан популярный фильм на вепсском языке «Животные в жизни вепсов». Главная цель фильма — показать сокровища народной мудрости вепсского народа,

познакомить зрителя с приметами, обычаями, которые вепсы связывали с дикими и домашними животными, какие животные были у них почитаемыми и каких они остерегались. Фильм «Животные в жизни вепсов» получил хорошую оценку телезрителей. Он был показан в рамках национального вещания на карельском телевидении, а также на различных финно-угорских мероприятиях, кинофестивалях. Летом 2014 года фильм стал победителем Первого Международного Угро-Финского Фильм-Фестиваля в Эстонии о малых народах.

В 2012 году в рамках региональной программы поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций Министерства по вопросам национальной политики Республики Карелия, а также финского Общества М. А. Кастрена и фонда Юминкеко (Финляндия) был создан второй фильм на вепском языке «Жизнь вепского дома». В нем повествуется о местах традиционного расселения вепсов в Карелии, их традиционных жилищах, интерьерах изб, декоративном оформлении домов, хозяйственных постройках и их использования.

В 2014 году также при поддержке Министерства Республики Карелия по вопросам национальной политики, связям с общественными и религиозными объединениями был создан третий фильм на вепском языке «В чистой воде и рыба клюёт». Фильм посвящен одному из традиционных промыслов вепского народа — рыболовству. Фильм демонстрирует не только процесс постановки сетей, лова рыбы, но также знакомит зрителя с разнообразными орудиями и способами рыбной ловли, обрядами, приметами, которые бытуют в вепской среде и сегодня. В фильме коренные жители вепских поселений Прионежья поднимают экологическую проблему, которая угрожает их традиционному рыбному промыслу. Уменьшение рыбных уловов в Онежском озере они связывают, прежде всего, с деятельностью на данной территории камнедобывающих предприятий. Свою оценку состояния Онежского озера дают и карельские ученые.

Нужно отметить, что во всех фильмах используется «живая» вепская речь, даются титры на русском языке, и это придает фильмам важный просветительский характер. Фильмы знакомят широкую общественность с культурой вепсов, его традиционным образом жизни.

Все фильмы изданы небольшим тиражом 200–300 экземпляров на DVD-дисках и распространяются бесплатно среди школ, ВУЗов,

библиотек, музеев, офисов вепских национально-культурных организаций Республики Карелия, Ленинградской и Вологодской областей, а также межрегиональных и федеральных культурных центров финно-угорских народов России и зарубежья. Авторами трех фильмов на вепском языке являются члены Общества вепской культуры Лариса Смолина и Владимир Славов.

*Презентация книги «Kodiman vagi»
О. Мошикова и Н. Силаковой.
Петрозаводск. Пагинклуб». 14 января 2016 г.*

Сегодня в сохранении вепского языка играет немалую роль и вепский «Пагинклуб», созданный в г. Петрозаводске на базе Центра национальных культур и народного творчества в 2011 году. Основной задачей клуба является активизация использования разговорного вепского языка. «Пагинклуб» устраивает еженедельные встречи, участие в которых принимают вепсы разного возраста, с разным уровнем владения родным языком. На встречах звучат стихи на вепском языке, организуется просмотр фильмов, прослушивание аудиозаписей, проводятся интересные беседы с писателями, поэтами, учеными и учителями на различные темы.

В 2012 году «Пагинклуб» получил грантовую поддержку Министерства Республики Карелия по вопросам национальной политики, связям с общественными и религиозными объединениями, что позволило приобрести мультимедийное оборудование для организации в клубе он-лайн встреч через интернет. Он-лайн гостями «Пагинклуба» являются не только вепсы Ленинградской и Вологодской областей, но также все те, кто заинтересован в сохранении вепского языка и культуры вепского народа. Посредством интернета во встречах «Пагинклуба» регулярно участвуют вепсы, живущие в Финляндии, Венгрии, Эстонии, Шотландии и даже на Кипре. Клуб не только объединяет всех вепсов, но и позволяет быть в курсе всего происходящего в жизни вепского народа.

Не менее важной инициативой вепской молодежи стало проведение летом 2014 года «Культурного десанта молодых». Проект реали-

зован при поддержке Правовой общественной организации «Невонд» в рамках межрегионального проекта «Расширение прав и возможностей женщин и молодежи коренных народов в Российской Федерации». По проекту для жителей вепсских деревень были организованы краткосрочные курсы по обучению чтению и письму на литературном вепском языке. Специально для курсов была разработана рабочая тетрадь, созданы диски, содержащие электронные версии вепской газеты «Kodima» («Родная земля»), а также интернет-ресурсы на вепском языке и о вепсах.

В настоящее время вепсский письменный язык развивается как наддиалектный и используется в культурно-просветительской работе не только среди вепсов Республики Карелия, а также в Ленинградской и Вологодской областях. Письменной формой языка владеет в основном молодёжь, а среднее и старшее поколение вепсов, кроме отдельных представителей — учителей, работников культуры, — остаётся в основном «неграмотным» на родном языке, владея лишь устной речью.

Сегодня на новописьменном вепском языке в Карелии издаются ежемесячная газета «Kodima» («Родная земля»), ежеквартальный журнал «Kipina» («Искорка»), ежегодно выпускается альманах «Verez tullei» («Свежий ветерок»), вепские учебники, художественная литература. В эфире карельского телевидения и радио регулярно ведутся передачи на вепском языке, которые также размещаются в интернете. К сожалению, значительная часть издаваемой литературы на вепском языке и о вепсах в Ленинградской и Вологодской областях не доходит до сельских школ, библиотек, домов культуры, далеко не в полной мере известны им и интернет-ресурсы.

Во время курсов вепского языка все желающие научились читать и писать на родном языке, познакомились с литературой на вепском языке, издаваемой в Карелии. Книги эти различного содержания — от учебников до научной литературы (количестве 1500 экземпляров), периодические издания и диски с вепскими фильмами — безвозмездно переданы в сельские библиотеки, школы, дома культуры, распространены среди участников курсов. Особенно ценной литература оказалась для учреждений тех поселений, которые находятся за пределами Карелии и куда сложно регулярно доставлять литературу. Так, участниками «Культурного десанта» стали 115 человек разных профессий и разного возраста, про-

живающие в 13 вепских деревнях Вологодской, Ленинградской областей и Республики Карелия. Попытка совместить знания старшего поколения и технические достижения молодежи увенчалась успехом. Интерес к курсам проявили как дети, так и представители среднего и старшего поколений. В основном все они владели устной речью, но никогда не изучали родной язык в школе или других учебных заведениях.

*Культурный десант молодых.
Д. Вонозеро, Лодейнопольского р-на. 2014 г.*

«Культурный десант молодых» привлек внимание тех людей, которые уже давно считают, что, кроме их самих, язык никому не нужен. Они узнали, как много сегодня литературы издается на родном языке, сколько молодежи говорит на вепском языке, с удовольствием учились писать и читать по-вепски.

Реализация таких проектов, как «Культурный десант», «Пагин-клуб», фильмы, клипы, спектакли на вепском языке является очень эффективной формой сохранения, пропаганды языка и культуры вепского народа.

Деятельность «Общества вепской культуры» направлена на реализацию законодательства в области защиты прав национальных меньшинств и коренных народов, гарантируемые Конституцией Российской Федерации. В настоящее время в целях его реализации органы власти должны делать значительно больше, чем делается сейчас. Поэтому мы рассчитываем, что со стороны государственных структур будет усилена поддержка нашей деятельности. Мы уверены, что только объединение усилий общественности и государства позволит сохранить вепский язык и вепский народ.

**Использование элементов фольклора
и современных технологий
на занятиях по вепсскому языку
в рамках курса
«Хранители языка и традиций»**

Kodiman pajod da baboide sarnad,
Sel'ged da armaz vepsoide kel'.
Penide külide paginad armhad,
Tahod, kus sündutet, kus anttud mel'l'.

Minä hid' otin', kut ma primib vihman,
Hengel hiid' pajatan, kaičen hiid'.
Kodiman kuvan änikoil' sädatan,
Vepsoide paginad — armastan teid'.

Вéпсы — малочисленный финно-угорский народ, компактно проживающий в Республике Карелия, Вологодской и Ленинградской областях России.

Численность вепсов в России:

- 1835 г. — 15,6 тысяч человек
- 1897 г. — 25,6 тысяч человек
- 1979 г. — 8,1 тысяч человек
- 1989 г. — 12,1 тысяч человек
- 2002 г. — 8,2 тысяч человек
- 2010 г. — 5,9 тысяч человек

С каждым годом численность вепсов катастрофически уменьшается, поэтому одной из первостепенных задач мы считаем сохранение языка и традиций вепсского народа.

Расположенное на берегу реки Ояти в северо-восточной части Ленинградской области в Подпорожском районе село Винницы является административным центром Винницкого сельского поселения. В настоящее время в Винницах проживает около двух тысяч человек, его считают столицей Вепсарии.

В 1998 году в Винницах был создан центр вепсской культуры, способствующий возрождению исконных вепских ремёсел: ткачества, плетения из берёсты, лозы, вышивки и лоскутного шитья.

Одним из ведущих направлений работы Винницкой школы является краеведение. В конце 1980-х годов в обществе стали активно обсуждаться вопросы сохранения языков и культурного наследия народов, особенно малочисленных. Представители вепсской интеллигенции, а в большинстве случаев это научное сообщество, работники культуры и учителя, первыми включились в работу по сохранению культурного достояния своего народа. Директор школы Ершов Виктор Петрович факультативно преподавал вепсский язык. Именно тогда ребята впервые познакомились с вепскими букварями и вепсской письменностью. В 1992 году в школе открылся класс с изучением вепсского языка. Работал по этой программе Максимов Геннадий Дмитриевич. Позднее уроки по краеведению проводила Лодыгина Вера Васильевна, ставшая основателем вепсского музея на базе школы.

В настоящее время воспитательная работа в школе реализуется через подпрограмму «Вепстerra», направленную на духовно-нравственное воспитание школьников. Используя традиции русской и вепсской культуры, ставятся следующие задачи:

1. Создание у учащихся более полного представления о культурах русского и вепсского народов, через познание истории своего края, уклада жизни, природы.
2. Применение информационных технологий при выполнении творческих работ и проектов.
3. Развитие творческих способностей у учащихся.
4. Повышение значимости народных ремёсел, декоративно-прикладного творчества вепсов.
5. Развитие форм ученического самоуправления.

Ожидаемые результаты:

1. Развитие центра краеведческого образования и воспитания на базе школы-интерната.
2. Повышение уровня воспитанности учащихся.
3. Увеличение доли воспитанников, изучающих вепсский язык.
4. Привлечение учащихся к исследованиям культуры и быта малых народов Ленинградской области.

Работая в данном направлении, школа достигла высоких результатов, что подтверждается результатами участия обучающихся в различных конкурсах и олимпиадах:

Годы	Участники	Классы	Районный тур	Межрегиональный тур (г. Петрозаводск)
2004–2005	Ефимов Иван	11 б	1	1
2005–2006	Никифорова Анастасия	8 а	1	—
2006–2007	Никифорова Анастасия	9 а	1	1
	Порьгин Юрий	9 а	1	—
	Конанова Наталья	10 а	2	—
	Романов Игорь	6	2	1
2007–2008	Павлова Ольга	9	3	2
	Яковлева Дина	10 а	2	—
	Кузьмина Екатерина	10 а	3	2
	Никифорова Анастасия	10 а	1	1
	Ефимов Александр	11 б	2	—
	Романов Игорь	7	1	1
2008–2009	Романов Игорь	8	1	2
	Спиркова Наталья	8	1	3
2009–2010	Романов Игорь	9	1	2
2010–2011	Романов Игорь	10	1	3
2012–2013	Романов Владимир	5	1	1

Поскольку вепсский язык преподается в Винницкой школе факультативно, мы ищем разные методы и способы привлечения внимания учащихся и родителей к важности сохранения языка и традиций своего народа. Стараемся использовать различные формы работы, внедрять новые, современные технологии, т. е. совокупность знаний о способах и средствах получения новых знаний и навыков.

Эти знания интеллектуальной информации переводятся на язык практических решений. Технология, как известно, это и способы новой деятельности, точнее, участие человека в самой деятельности. «Любая же деятельность может быть либо технологией, либо

искусством. Искусство основано на интуиции, технология — на науке. С искусства всё начинается, технологией заканчивается, чтобы затем весь процесс начался снова».

Современные технологии в образовании рассматриваются как важное средство, с помощью которого может быть реализована новая образовательная парадигма.

Тенденции развития образовательных технологий напрямую связаны с гуманизацией образования, способствующей самоактуализации и самореализации личности. Термин «образовательные технологии» — более емкий, чем «технологии обучения», ибо он подразумевает еще и воспитательный аспект, связанный с формированием и развитием личностных качеств обучаемых.

Технология обучения рассматривается как системный метод создания, применения и определения всего процесса преподавания и усвоения знаний с учетом технических и человеческих ресурсов и их взаимодействия. Это определение технологии, как и множество подобных ему, не может претендовать на полноту и точность, несмотря на то что непрерывно появляются новые (экологические, космические, информационные) технологии.

Наиболее употребляемо в отечественной педагогике понятие «педагогическая технология», хотя в то же время оно еще недостаточно прояснено. В современной практике образования это понятие употребляется, как правило, в нестрогом научном представлении и обозначает воспроизводимые приемы, способы работы педагогов. Технология не существует в педагогическом процессе в отрыве от его общей методологии, целей, задач и содержания.

Педагогическая технология представляет собой совокупность психолого-педагогических установок, определяющих выбор форм,

*Занятия по знакомству с вепсской кухней.
С. Винницы. 2008 г.*

методов, способов, приемов, воспитательных средств. С помощью технологий достигается наиболее эффективный результат в развитии личностных свойств в процессе усвоения знаний, умений, навыков.

Нижеприведенные принципы, описанные голландским психологом Карлом ван Парререном¹, на наш взгляд, отражают идеологию и практику современных технологий:

Принцип 1: вызвать у учащихся устойчивую мотивацию к учебной деятельности; это может основываться на личном опыте учащихся.

Принцип 2: учить диалогично, то есть в сотрудничестве с учащимися, а не по принципу «сверху вниз».

Принцип 3: учить диагностично: постоянное наблюдение за учебной деятельностью учащихся необходимо; поправлять и поддерживать в случае необходимости.

Принцип 4: разделять содержание образования на подходящие учебные единицы и задачи. Этот подход должен быть вариативным для различных категорий учащихся, чтобы обеспечить возможно полную ориентировочную основу для разнородных категорий учащихся и для переформирования структуры их учебной мотивации (или познавательный интерес).

Принцип 5: обеспечивать учебное содержание (действие — обучающая модель: предметно ориентированная; личностно-ориентированная. — *Авт.*) на разнородных уровнях (материальный, перцептивный, умственный, ср. Гальперина). Это нужно для того, чтобы процесс интериоризации шел как можно более эффективно.

Принцип 6: обучать в соответствующем темпе, используя подходящие средства или медиаторы (например, устная речь, письменная речь, искусственный язык, а также графические модели и символы).

Принцип 7: обучать и помогать учащимся на уровне их фактических способностей (например, набора коммуникативных и мыслительных действий и их способа обращения с жизненным опытом), а не на уровне внешних характеристик ответов учащихся при исполнении учебных задач. Ван Парререн противопоставляет механиче-

¹ См. Лекции. Современные педагогические технологии. Педагогические технологии[<https://topuch.ru/sovremennie-pedagogicheskie-tehnologii-pedagogicheskie-tehnolo/index2.html>]

ское запоминание несвязанных фактов оценке прогресса учащихся на основе осознанной трактовки всяких понятийных инвентарей (ср. понятие содержательного обобщения Давыдова).

Принцип 8: способность к **рефлексии** и оцениванию самими учащимися своего прогресса (чувство компетентности). В этом контексте Ван Парререн выдвигает необыкновенное предложение, которое заключается в том, что принятая система отметок заменяется набором критериев оценивания, разработанным совместно учащимися и учителем (ср. Амонашвили). Согласно Ван Парререну, предложенная система не заменяет, а дополняет систему табелей (ср. также Монтессори).

Принцип 9: обеспечивает набор заданий для группы перед тем, как учащиеся начнут работать самостоятельно. Содействие нужно для того, чтобы избежать «ригидности» действий, речи, мысли.

Принцип 10: стимулировать инициативу и творчество учащихся для того, чтобы они овладевали предметным содержанием гораздо глубже, чем по традиционной методике.

Принцип 11: способствовать действительному формированию субъективности, которая выражается именно в положительном отношении учащихся к школьным предметам, и в особенности в самоопределении, самоответственности, самостоятельности по отношению к познавательной деятельности.

Принцип 12: обеспечивать условия для климата в классе, ведущего к формированию социально интегрированной личности учащегося.

Одна из особенностей *педагогической технологии* заключается в том, что *любая технология, ее разработка и применение требуют высокой активности педагога и учащихся*. Активность педагога проявляется в том, что он хорошо знает *психологические и личностные особенности* своих учеников и на этом основании вносит *индивидуальные коррективы* в технологический процесс. Активность учащихся проявляется в *возрастающей самостоятельности* в технологизированном процессе взаимодействия. И всё же педагогические технологии, являясь составной частью процесса обучения, не обеспечивают всем учащимся одинаково высокий результат *обученности и воспитанности*.

Социально-культурные технологии, представляя собой одну из разновидностей педагогических технологий, должны быть «направлены на повышение прикладного, организационно-методического

*Победитель областного конкурса
методических идей
«Ярмарка инноваций»,
мастер-класс. 2014 г.*

управленческого потенциала педагогики.

Широкий спектр современных социально-культурных технологий является следствием обновления содержания, подходов, направленности социально-культурной деятельности. Многообразие социально-культурных технологий обусловлено необходимостью освоения современного информационного, культурного, образовательного, профессионального пространства.

Наука и практика социально-культурной деятельности не сто-

ят на месте, находятся в постоянном развитии, и многие актуальные проблемы требуют внимания ученых и дальнейшей разработки в научном плане, где необходимо разрабатывать научные концепции цели, задачи, содержание и формы социально-культурной деятельности.

Если мы говорим о работе факультативного курса «Хранители языка и традиций», нам следует более подробно остановиться на таком виде социально-культурных технологий, как **культуротворческие технологии**, и выделить отдельно занятия художественным творчеством.

Самодеятельное художественное творчество привлекает многих людей различного возраста своей нерегламентированностью, свободой и добровольностью выбора его видов и форм. Именно художественное творчество наиболее эффективно способствует духовному восстановлению личности через овладение культурными ценностями прошлого и настоящего.

Факультатив «Хранители языка и традиций» с прошлого года включен в общее, так называемое динамическое расписание. Учащиеся 5–6 классов делятся на три группы и три раза в неделю имеют возможность побывать на занятиях не только факультативного курса «Хранители языка и традиций», но также и на факультативах «Серебряный пояс» и «Ритмика». Те методы, которые мы применяем в сво-

ей работе, хоть и можно назвать современными технологиями, на самом деле применяются уже давно. Как говорится, «всё новое — это хорошо забытое старое»! Занятия проходят в игровой форме, в виде работы над проектами, методом дискуссий и «круглых столов», проведением мастер-классов, постановкой сказок, спектаклей и так далее. Используя различные формы и методы работы, я знакоблю учащихся с вепским языком. Дети изучают вепский алфавит и простейшие слова, приобретают элементарные навыки разговорной речи. В центре вепской культуры (в музее) мы изучаем быт вепсов и знакомимся с традиционными вепскими ремёслами. Учим стихи и песни, проводим физкультминутки на вепском языке, знакомимся с творчеством вепских писателей и так далее.

Народные традиции вепсов познаются участием в таких семейных конкурсах, как «Знатоки вепского языка», «Вепская краса» и «Звезда Севера», в фестивале-конкурсе «Вепская сказка» и многих других.

Помимо факультативной работы в школе, использую другие возможности работы в данном направлении. Являясь классным руководителем 8 класса, который называется «Планета Ромашек», стараюсь в план воспитательной работы включать такие мероприятия, которые также будут способствовать сохранению языка и традиций вепского народа. Так как класс небольшой (3 юноши и 9 девочек—«ромашек» (отсюда и название коллектива «Планета Ромашек»), но очень творческий, я стараюсь максимально использовать его потенциал.

Практически каждый ученик нашего класса имеет вепские корни, и многие вепсы старшего поколения знают родной язык. Именно язык, как известно, является сугубо человеческим образовательным и коммуникативным средством. Язык один из тех универсальных средств педагогического влияния, в котором объединяются природный, социальный и культурный потенциалы. По мнению К. Д. Ушинского, «язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения в одно великое, историческое целое»².

²Латышина Д. И. История педагогики. — М.: Изд. группа «Форум» — «ИНФРА-М», 1998. — С. 392.

По мнению И. А. Колесниковой, «язык — это универсальное хранилище осознанных смыслов этноса как совокупного субъекта. В системе языка заложена ретроспектива историко-культурного развития любого народа. Через язык устанавливались и означались в культуре отношения к вещам»³. Язык воспринимался Песталоцци как «отдача всех впечатлений, которые природа во всем своем объеме произвела на людей... я пользуюсь им и стараюсь нитью высказываемых звуков вызвать в ребенке те же самые впечатления, которыми и произведены эти звуки в роде человеческого»⁴.

И. А. Ильин утверждал, что язык выступает как «соборное орудие культуры, это родина в ее звуковом, словесном, пропетом и записанном закреплении». «Жить в родном языке — значит жить самую родиною, как бы купаться в ее морях, дышать воздухом ее духа и культуры; общаться с нею непосредственно и подлинно»⁵.

Вновь возвращаясь к точке зрения И. А. Колесниковой, можно утверждать, что «все эти свойства делают родной язык естественным «механизмом» решения многих воспитательных и развивающих задач за счет возможности в любой момент актуализировать органическое состояние человека как носителя своего исконного языка. Кроме того, опираясь на перечисленные свойства, технологически становится возможным через погружение в другой знаково-языковой строй менять концепцию индивидуального или совокупного мироощущения и миропонимания. В силу этого язык становится универсальным педагогическим средством введения в культуру той или иной эпохи и народа»⁶.

Лингвистический энциклопедический словарь определяет язык как «естественно возникшую и закономерно развивающуюся знаковую систему, обладающую свойством социальной предназначенности»⁷.

³ Колесникова И. А. Основы технологической культуры педагога. Научно-методическое пособие для системы повышения квалификации работников образования. — СПб.: Дрофа, 2003. — 285 с.

⁴ Цит. по: Модзалевский Л. Н. Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен. — СПб.: Алтейя, 2000. Ч. 2. — С. 37.

⁵ Ильин И. А. Россия в русской поэзии / Одинокий художник. Статьи. Речи. Лекции. — М.: Искусство, 1993. — С. 173.

⁶ Колесникова И. А. Указ. Раб. С.126.

⁷ Лингвистический энциклопедический словарь. М., Советская энциклопедия. 1990. — С. 604.

Почти все дети занимаются в кружках при Винницком центре вепсской культуры — это и хореография, и народный театр кукол «Päiväine», и ансамбль «Somašti» и кружки по рукоделию «Kädekaz», а также одна учащаяся Василиса Микша занимается в художественной самодеятельности немжинского Дома культуры по месту жительства. У нас с детьми сложился так называемый творческий тандем, так как я также участвую в художественной самодеятельности винницкого Дома культуры. Две мамы, Юлия Олеговна Пигарева и Любовь Викторовна Медведева, работают в центре вепсской культуры при винницком ДК, а некоторые учащиеся класса занимаются в кружках «Основы игры на гитаре» и «Волшебная кисть» (Основы академического рисунка), которые ведет в школе Дмитрий Поливанов, в рамках дополнительного образования. Таким образом мы все связаны с творчеством и активно это используем. Вместе с ребятами мы реализуем социальные проекты «Подари частичку сердца» — концерт ко Дню инвалидов, «Споемте друзья» — концерт в реабилитационном центре «Отрада», участие в региональном празднике «Древо жизни», празднике «Масленица», концерты в ДК, в школе, выездные концерты.

В прошлом учебном году некоторые учащиеся класса приняли участие в Первом фестивале «Вепсская сказка», где мы в номинации «Авторская сказка» заняли 1-е место со сказкой «Kaikid' paremb sebranik» (Самый лучший друг). А в этом году на II фестиваль «Вепсская сказка», который традиционно прошел в Рыбреке, приехали не только все учащиеся, а также родители и другие родственники. Наш коллектив «Планета Ромашек» удостоился специального приза за сказку-мюзикл «Armastusen vägi» (Сила любви) также в номинации «Авторская сказка». И все учащиеся приняли участие в конкурсе рисунков «По мотивам вепсских сказок», нарисовав иллюстрации к своей сказке. Микша Василиса и Олышина Александра попали в десятку сильнейших и получили призы за свою работу. Иллюстрации к сказке-мюзиклу ребята подготовили под руководством Дмитрия Андреевича Поливанова в кружке «Волшебная кисть».

Как видите, мы максимально использовали творческий потенциал детей, родителей, возможности образовательного учреждения и при поддержке Дома культуры (костюмы) использовали такую форму работы, как постановка музыкального спектакля. Если дети

практически не говорят на вепсском языке, они при помощи языка танцев, стихов и песен сумели донести до зрителей сюжет сказки.

В 2007 году мы стали победителями в конкурсе проектов (грантов) по программе поддержки малочисленных народов (Общество М. А. Кастрена, Финляндия), благодаря чему на базе нашей школы был организован летний языковой этнокультурный лагерь «Kodirand» («Родной берег»). В 2008 году мы стали призерами районного конкурса молодежных проектов по созданию летнего языкового лагеря. Так же, как и на факультативных занятиях, в языковом лагере дети знакомятся с культурой и традициями вепсского народа, ездят на экскурсии и общаются с носителями языка, учатся мастерить вепсских кукол и вепские обереги, познают азы вепсской кухни и вепсской вышивки. Традиционными для языковой смены стали такие мероприятия, как «Мисс и Мистер Kodirand», конкурсы «Вепсская частушка» и «Вепсская загадка», фестиваль «Вепсская сказка». Частые гости лагеря — местные краеведы, вепские писатели и поэты, мастера-умельцы. Воспитанники лагеря ежегодно принимают участие в региональном вепсском празднике «Древо жизни», который проходит в нашем селе в июне месяце и собирает на Винницкой земле не только вепсов, но и других представителей финно-угорского мира.

Уже два года «Kodirand» носит статус загородного лагеря. Первая смена традиционно остается языковой, 2-я смена — спортивная, 3-я смена — экологическая. В каждой смене круглосуточного пребывания отдыхает 42 ребенка. Таким образом, и в летний период мы стараемся использовать все возможности, чтобы приобщить детей к традициям своего народа, знакомим с устным народным творчеством, учим элементарным навыкам разговорной речи.

Участники лагеря «Kodirand». С. Винницы. 2008 г.

Ежегодно на весенних каникулах на базе нашей школы проходит краеведческий слет. В рамках слета наряду с другими мероприятиями проходит научно-исследовательская конференция, где учащиеся представляют свои работы. В 2011 году слет носил статус межрегионального, так как в его работе приняла участие делегация из Карелии. Учащийся 4 класса нашей школы Романов Владимир представил свою исследовательскую работу об истории семьи и завоевал 1-е место. Жюри отметило, что работа была представлена исключительно на вепском языке (в качестве переводчика выступил руководитель Поливанова Г. Н.). В 2012 году Владимир стал победителем районной конференции «Малая родина — сердца святыня», среди учащихся 5–11 классов, представив работу «Серебряная песня родной земли».

Важными достижениями нашей школы в этом направлении можно считать и участие в межрегиональном семейном конкурсе знатоков вепского языка. В 1999 году я впервые приняла участие в таком конкурсе со своими детьми, где мы завоевали 2-е место. А в 2006 и 2007 годах нашу школу представляла семья Никифоровых-Романовых, и два раза подряд они становились победителями этого конкурса.

И в лагере, и во время выступлений семейных команд на конкурсах мы используем песни, которые сочиняем сами на мотивы известных песен, что тоже своеобразный метод заинтересовать детей. Это связано еще и с тем, что очень мало музыкального материала. Если сборники стихов, песен, частушек имеются, то дисков с фонограммами или детскими песнями — практически нет вообще. Хотя для знакомства с музыкальным наследием финно-угорского мира мы используем все возможные средства, в том числе и интернет. Также у нас есть такие музыкальные диски, как:

«Vepsan lauluja. Kansan suusta — Jimunkeko 2003»,

«Noid, 2009 — Arranged traditional Vepsian songs»,

«Детские колыбельные песни и отцовские потешки»,

Болот Байрышев — Заслуженный артист РФ, Заслуженный артист Республики Алтай (горловое пение),

записи песен Владимир Хоменко и Анны Васильевой (Озёра лебедя).

В заключение хотелось бы сказать, что своей основной задачей в работе по данному направлению я считаю в первую очередь

необходимость знакомить детей с фольклорными традициями вепсского народа, передавать из уст в уста элементы устного народного творчества вепсов. Знакомить их со старинными записями и современными новинками всего финно-угорского мира. Работать в данном направлении в тесном контакте с родителями, максимально использовать творческий потенциал детей — и тогда результат не заставит себя ждать.

Kaikam ma! Kudam pradedoil' jattud!	Будем беречь наших прадедов землю,
Vihandad pöudud i mecad i hein'.	Чащи зеленые, реки, поля,
Kaikam rüin, meide kodiman kätte,	Ты с колыбели досталась в наследство,
Koivud i pedejad, lämm' keváz' vihm.	В утренних росах родная земля.

Kaikam ma! Sel'ged taivaz i tähthäd,	Будем беречь неба синь, звезд сиянье,
Mameižen käded i tateižen pert',	Мамины руки и отчий свой кров.
Lapside aigaspei muštoho jattud	Ты в моем сердце! Ты словно дыхание!
Ma, kudam andoi i vägen i mel't'.	Земля, что мне силу дала и любовь!

Сведения об авторах:

Анхимова Наталья Александровна, заведующая Шелтозерским вепским этнографическим музеем им. Р.П. Лони́на (филиал БУ РК «Национальный музей Республики Карелия»)

Гольденберг Михаил Леонидович, директор БУ РК «Национальный музей Республики Карелия», к. пед.н.

Горох Дмитрий Анатольевич, поэт, публицист

Гущина Виолетта Анатольевна, историк, краевед

Ицксон Елена Евгеньевна, архитектор

Капустя Людмила Иосифовна, хранитель музейных предметов БУ РК «Национальный музей Республики Карелия»

Клементьев Евгений Иванович, старший научный сотрудник Сектора этнологии Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН, к.и.н.

Курилов Михаил Александрович, краевед

Логинов Константин Кузьмич, старший научный сотрудник Сектора этнологии Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН, к.и.н.

Минвалеев Сергей Андреевич, младший научный сотрудник Сектора этнологии Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН

Миронова Мария Александровна, учитель вепского языка Муниципального образовательного учреждения «Рыборецкая средняя общеобразовательная школа»

Миронова Ольга Евгеньевна, член Карельской региональной общественной организации «Общество вепской культуры»

Мошина Татьяна Александровна, краевед

Поливанова Гулчехра Нигматуллаевна, учитель вепского языка Муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Винницкая средняя общеобразовательная школа-интернат» (Ленинградская область)

Семакова Ирина Борисовна, этномузыковед, фольклорист

Сергеев Сергей Пантелеймонович, искусствовед

Соловьева Людмила Васильевна, искусствовед

Строгальщикова Зинаида Ивановна, старший научный сотрудник Сектора этнологии Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН, к.и.н.

Уханова Валентина Валерьевна, хранитель музейных предметов Шелтозерского вепского этнографического музея им. Р.П. Лони́на (филиал БУ РК «Национальный музей Республики Карелия»)

Фотеев Евгений Павлович, научный сотрудник Шелтозерского вепского этнографического музея им. Р. П. Лони́на (филиал БУ РК «Национальный музей Республики Карелия»)

Чиркова Лариса Васильевна, корреспондент службы информационных программ телевидения и радиовещания на национальных языках ГТРК «Карелия», председатель Карельской региональной общественной организации «Общество вепской культуры»

Шашина Мария Михайловна, ведущая телевизионных программ ГТРК «Карелия»

Сокращения:

БУ РК – Бюджетное учреждение Республики Карелия
ВКГМ – литер музейного предмета научно-вспомогательного фонда Карельского государственного музея
ВКГМ ШО – литер музейного предмета научно-вспомогательного фонда Шелтозерского музея. Карельский государственный музей
ВОГЗ – Вестник Олонецкого губернского земства
ГТРК – Государственная телевизионная и радиовещательная компания
КарНЦ РАН – Карельский научный центр Российской Академии наук
КГМ ШО – литер музейного предмета основного фонда Шелтозерского музея. Карельский государственный музей
НА КарНЦ РАН – Научный архив Карельского научного центра Российской Академии наук
НА РК – Государственное бюджетное учреждение Республики Карелия «Национальный архив Республики Карелия»
ОГВ – Олонецкие губернские ведомости
РГА ВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота
ШВЭМ ВШО – литер музейного предмета научно-вспомогательного фонда Шелтозерского музея
ШВЭМ ШО – литер музейного предмета основного фонда Шелтозерского музея

ВЕПССКИЙ КРАЙ: история и ее творцы

*Материалы второй (30 октября 2014 г.) и третьей (29 сентября 2016 г.)
межрегиональных краеведческих конференций «Лонинские чтения»,
с. Шелтозеро*

12+

Подписано в печать 15.11.2021. Формат 60×84¹/₁₆.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,16. Тираж 300 экз. Заказ № 167.
Издательство «Версо». 185031, г. Петрозаводск, наб. Варкауса, 1 а.
Отпечатано в ООО «Версо».